

«Меня всегда удивляло, как неожиданное стечение обстоятельств порой в корне меняет нашу жизнь»

Марк Леви

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Екатерина Крылова

16+

Екатерина Крылова

Красное солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62389433

SelfPub; 2022

Аннотация

Кто из нас хоть раз в жизни не брал в руки блокнот и ручку и не начинал писать личный дневник? Леся Заславская не исключение. Молодая преподавательница психологии одного из университетов г. Оренбурга, она с особой скрупулезностью и эмоциональностью запечатлеет на бумаге события своей жизни. Тем более когда одновременно в ней появляются два мужчины: Сергей – ее первая любовь со студенчества и Д. – солист известной рок-группы. Кого выберет молодая девушка? Так ли сложно создать крепкую семью с творческим человеком? Или все-таки лучше старые проверенные отношения?

Содержание

Глава I	5
Глава II	54
Глава III	97
Глава IV	132
Глава V	177
Глава VI	202
Глава VII	242
Глава VIII	268
Глава IX	325
Глава X	370
Вместо ЭПИЛОГА	411

Екатерина Крылова

Красное солнце

«Меня всегда удивляло, как неожиданное стечение обстоятельств порой в корне меняет нашу жизнь».

Марк Леви

Глава I

Сегодня был и вправду странный день. До обеда работала, а потом состоялось интервью, перед которым я волновалась невероятно. Для меня это первый опыт, раньше я никогда не встречалась с журналистами тет-а-тет, а Женя вместо того, чтобы подбодрить и успокоить, наоборот, ходил и только подтрунивал надо мной. Мысленно я надеялась, что, может, у журналистки возникнут какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, и она не сможет приехать, но тщетно... Приехала она вовремя, ровно в два часа, как мы и договаривались. Женя со словами «Добро пожаловать в святая святых, куда не ступала нога ни одного журналиста!» пригласил ее в дом. Мы расположились в гостиной: журналистка присела в кресло, а я на диван. Женя уселся рядом и, похоже, не собиравшись уходить, чем еще больше смутил меня.

– Я вам очень признательна, что вы нашли время среди предновогодних хлопот и согласились на интервью.

– Мне не сложно. Единственное, я рассчитываю на вашу честность и порядочность. Все услышанное здесь не будет искажено и преподнесено в совершенно ином свете.

– Что вы! Нет, конечно, – уверила она меня. – Мы таким не занимаемся. Когда интервью будет готово, я обязательно скину его для ознакомления. И если что-нибудь вы сочтете лишним или неуместным, мы это подкорректируем. У вас

очень милый и уютный дом.

– Спасибо...

– Перед тем, как ехать сюда, я решила основательно подготовиться к предстоящему интервью и собрать о вас хоть какую-нибудь информацию, но была удивлена, не найдя практически ничего. О вас мало что известно. Я гораздо больше узнала о первой жене Евгения. У нее весьма противоречивые высказывания на ваш счет.

– Не удивительно. Найдите хоть одну бывшую жену, которая бы лестно отзывалась о бывшем муже. Во всех говорят зависть и горечь обиды, но никто не скажет и слова благодарности, но это не важно. А данных мало, потому что на то она и личная жизнь, что касается только мужа и жены.

– Но согласитесь, поклонникам всегда интересно знать чуть больше о своих кумирах.

– Надеюсь, сегодня мы с вами немного приоткроем эту завесу и внесем некоторую ясность.

– Конечно, я тоже надеюсь. А как вы собственно познакомились, об этом нигде не упоминается?

– Ничего необычного и примечательного. Женя с группой давали концерт в моем родном городе Оренбурге. Я тогда преподавала в университете, и у нас готовилось мероприятие ко дню студентов, в котором они и должны были принимать участие, а меня просто назначили ответственной за него.

– Не забудь упомянуть, что ты дважды чуть не сбила меня с ног. Ты была так враждебно настроена против меня! –

резко вмешался Женя.

– Жень! – возразила я. – Не слушайте его!

– А я ведь тогда так не хотел ехать на это выступление. У нас были гастролы на Дальнем востоке, конец тура, и вдруг в самый последний момент ставят еще один концерт. Нам пришлось менять все билеты и ехать с двумя пересадками. Но видимо самой судьбе было угодно, чтобы мы встретились. Вы верите в любовь с первого взгляда? – обратился он к журналистке. – Это на самом деле была любовь с первого взгляда. Иногда мне кажется, что сама судьба тогда толкнула ее в мои объятия. Я спокойно, ни о чем не думая, заходил в зал, и вижу, прямо на меня, идет девушка... Я даже не успел сориентироваться, как вдруг мы столкнулись, и она оказалась в моих руках.

Я со смущением ответила:

– Я тогда и не заметила, что это был Женя, поняла уже позже, когда начались репетиции.

– А мне было достаточно того мгновения, чтобы понять, что это она, кого я так долго и отчаянно искал. Уже тогда она лишила меня покоя. Вернувшись домой после концерта, я чувствовал страшную усталость, но мне было не до сна, я был слишком счастлив. Счастлив, что повстречал ее. В ту же ночь я решил, что она будет моей женой...

Я еще сильнее смутилась, и легкий румянец выступил на щеках.

– Жень...

– До встречи с ней у меня было все: слава, успех, деньги, но не было той, с кем бы я мог разделить жизнь. По ночам я ощущал себя самым одиноким человеком на свете. Я был странником, что бродил без дороги.

Я отвернулась в сторону и смахнула слезу.

– Ваши чувства были взаимны? – спросила журналистка.

– Нет, ну, что вы! – возразил Женя. – Она держалась особняком, оказалась крепким орешком. Будь другая на ее месте, сразу же бросилась ко мне на шею, заметив малейшие знаки заинтересованности с моей стороны. Но не она. Поначалу я очень много за ней наблюдал. С Кирой и Максом она держалась непринужденно и свободно, могла подшутить, подколоть, но не со мной. При мне она сразу закрывалась, и я не знал, как к ней подступиться, как найти точки соприкосновения.

– Потому что с ними было просто и легко, а твой образ окружал ореол известности. Плата за популярность. Я сама надела на тебя корону величия и долго не могла разобраться, я именно к тебе испытываю чувства или это отголоски былых девичьих фантазий, – Женя усмехнулся, а я перевела дыхание и продолжила. – Потом были съемки клипа и участие в конкурсе.

– Запись этого выступления я видела, но как так получилось, вы ведь по роду деятельности не имели никакого отношения к съемкам и модельному бизнесу?

– Не знаю, Макс мне предложил, и я из любопытства со-

гласилась. У меня всегда вызывает интерес то, что разнится с моей повседневной деятельностью. А это был такой контраст, совершенно другой мир, как мне тогда представлялось, неизведанный и манящий. Поэтому я оказалась бесстрашна против своих желаний.

– Но чуть дорого за это не заплатила, – снова вмешался Женя. – Об этом никому неизвестно, но во время того выступления у нее оборвался страховочный трос, и она чуть не упала навзничь. Чудом я заметил это и вовремя успел поймать, и повредила только нога... Но в то же время этот случай позволил нам сблизиться.

– Собственно поэтому мы и оказались в Кисловодске, – добавила я.

– Вам нравится этот город?

– Да, я очень люблю Кисловодск. Он стал для меня вторым домом. Мне по душе его размеренный, никуда не спешащий ритм жизни, оваянная преданиями старина и уединенное местоположение, деревья с птичьими гнездами и старинные фасады домов. Люблю читать чувство легкой апатии на лицах местных жителей и отдыхающих. В этом есть своеобразная одухотворенность. По сравнению с Кисловодском, Москва для меня слишком шумный город, неутомительный и светливый.

– Я так понимаю, перед вами не стоял трудный выбор, где поселиться жить?

– Спустя год после нашего знакомства она просто пере-

ехала сюда без лишних вопросов, – снова ответил Женя. – Так мы здесь и живем, по сей день.

– Чем вы занимаетесь?

– По образованию я – психолог. Несколько лет работала в местном санатории, вела консультации, а сейчас преподаю психологию в филиале одного их вузов региона. Не так давно защитила кандидатскую диссертацию.

– На ваш взгляд, не странное сочетание рок-музыкант и кандидат наук.

– Нет. Мы заняты каждый своим делом и друг другу не мешаем.

– Помнится, ты когда-то высказывалась моему отцу, что мы занимаемся практически одним и тем же. Та же работа с аудиторией, разница лишь в масштабах и излагаемом материале. Лектор доносит до слушателей научные знания и догмы, а солист – свои мировоззрение и мироощущение наперевес с жизненной философией.

Я улыбнулась.

– А как вы относитесь к творчеству вашего мужа? Критикуете ли?

– Очень каверзный вопрос. В юности мы с подругой увлекались их творчеством. А сейчас... Да и сейчас я в курсе всего того, что они делают...

– Она наша самая преданная поклонница. Причем безошибочно может определить, какие песни попадут в топ, а какие останутся проходными.

Резко у Жени заиграл телефон, и он на пару минут отлучился, но потом снова вернулся.

– Звонил Данил. Они приедут сегодня вечером.

– Хорошо.

– Данил – это ваш старший сын?

– Жени от первого брака. Сейчас он учится в Москве на последнем курсе университета.

– Но ведь у вас есть еще двое сыновей?

– Да, Артем и Егор. Они учатся в местной школе.

– По стопам папы не хотят пойти?

– Не знаю, я за ними такого рвения не наблюдала. Во всяком случае, мы поддержим любой их выбор.

– На недавно прошедшей пресс-конференции вы упомянули об еще одном ребенке?

– Можно без комментариев.

– Хорошо... Чисто по-женски хотелось поинтересоваться, меня волнует вопрос, как, наверное, и многих наших читателей. Как вы переносите долгие отъезды Евгения? Ведь у группы достаточно плотный гастрольный график, концерты запланированы на месяцы вперед, постоянно проходят съемки клипов, да и записи альбомов отнимают много времени.

Я покосилась на Женю, но стала говорить:

– За почти десять лет брака я привыкла к его постоянным отлучкам. Для меня наоборот становится странным, если он подолгу задерживается дома. Это первый звоночек, что что-то пошло не так. Может, это и необычно звучит, но я осо-

знанно делала выбор и знала, с кем связываю жизнь. Поэтому я никоим образом не хочу ограничивать его свободу или менять. Это тяжело, иногда невыносимо, но у каждого своя ноша.

– Не верьте ей! – возразил Женя. – Она как никто может ограничивать мою свободу и держать возле себя. Просто чувство долга и ответственности перед остальными выходит на первое место.

Я бросила колкий взгляд на Женю, а журналистка только заулыбалась.

– Следующий вопрос, а как насчет девушек. Ведь они постоянно крутятся возле Евгения?

– Конечно, я бы солгала, если бы не призналась в том, что поначалу мне не давала покоя его жизнь во время концертов или я не думала обо всех тех женщинах, с которыми он постоянно пересекается. Но мы доверяем друг другу. Чувство верности и преданности должно быть в голове и расстояние никакой роли не играет. Можно находиться рядом и изменять друг другу направо и налево.

– Но если позволите, я упомяну, что не так давно ходили слухи о ...

Я невольно вздохнула, а Женя лишь сжал сильнее мою руку:

– Да, эта история имела место. Но мы ее пережили и на наших отношениях она никак не отразилась.

– Она до сих пор со мной не разговаривает! – возразил

Женя, и мое лицо залилось краской. – Хотя ничего подобного не было и все это слухи и сплетни.

– Если позволите, мы не будем это обсуждать. В интервью об этом тоже лучше не упоминать.

– Как скажете. Вы считаете себя сильной женщиной?

– Не знаю. Я не думала об этом.

– Она – кремень. То, что она выдерживает мало кому под силу и в том, что мы до сих пор вместе целиком и полностью ее заслуга. Знаете, сколько раз я думал, что все. Это конец. Но ей удается с такой легкостью обходить самые нелепые и абсурдные ситуации. С ней страшно иметь дело, ее реакция не предсказуема. За столько лет я до сих пор не знаю, чего от нее ожидать. Говорят же, что от женщины зависит благополучие семьи. Это как раз тот случай. Хотя я сам до конца не понимаю, чем заслужил такую милость, за что она меня так любит. Единственная женщина, принявшая меня со всеми моими недостатками и наклонностями.

Я толкнула его плечом.

– Наверное, с вашим образом жизни как раз такой человек и нужен?

– Возможно, вы и правы.

– А трудно ли жить бок о бок с творческим человеком? Ведь люди искусства находятся в постоянном поиске, что не может не сопровождаться депрессиями, кризисами, запоями и срывами.

– Нет, если заранее знаешь, с кем имеешь дело. Все твор-

ческие люди – эгоисты по натуре и в этом нет ничего предосудительного. Они и должны быть такими, чтобы защищать свое творчество от любых нападков. А в женщине они ищут тепло души, потому что постоянно нуждаются в доверии, в ежедневной дозе преданности и восхищения. Поэтому женщина должна уступить им все пространство, отойти в тень. Возможно, из-за этого двум творческим людям трудно ужиться под одной крышей, и такие браки оказываются недолговечными.

– И как ты меня терпишь, я ничего подобного за собой не замечаю.

– Зачем терпеть, нужно просто любить и принимать человека таким, какой он есть.

– Ваш секрет семейного счастья.

– Доверие, доверие и еще раз доверие. Бич современного общества – дефицит доверия. Мы разучились верить друг другу, везде ищем подвох, скрытые мотивы, которых, в сущности, и в помине нет. Доверие – ключ ко всему, первооснова человеческих взаимоотношений.

– Что бы вы пожелали нашим читательницам?

– Всегда помнить и никогда не забывать, что они все-таки женщины, хранительницы домашнего очага, а не ломовые лошади. Взвалив на себя неподъемный груз обязанностей на работе и дома, стараясь все делать самостоятельно и конкурируя с мужчинами, они совсем утратили нежность и беззащитность. Ведь мужчины в женщинах в первую оче-

редь ищут подругу, спутницу жизни, а не соперника, с которым каждый день нужно соревноваться за место под солнцем, статус или более высокий доход. Счастье не в деньгах, а в человеческом отношении.

– Благодарю за занимательную беседу. Если позволите несколько фото и на этом все...

После этого Женя проводил ее до двери и вернулся в гостиную.

– И что это было? – с усмешкой спросила я.

– Интервью! Тебе что-то не понравилось?

– Нет. Спасибо.

– Обращайся!

– Когда Данил с Дашей приедут?

– Ближе к вечеру.

– Не совсем понимаю, они же собирались приехать завтра?

– Да, но в последний момент не захотели трястись целые сутки в поезде и решили взять билеты на самолет! – Эти слова Женя произнес с явной насмешкой. Ну, не люблю я самолеты, что я могу поделать.

– Тогда приготовлю им комнаты. Я собиралась этим заняться вечером.

– А я прилягу, это интервью меня так утомило! – и он с явной наигранностью закачал головой.

Я принялась за уборку: сначала навела порядок в комнате Данила, а после взялась за комнату, где сейчас спала я.

«Придется мне перебираться в нашу спальню. Лишней комнаты для Даши у нас нет, да и находится она рядом с комнатой Данила». Прибравшись и собрав все вещи до кучи, напоследок присела, вздохнув: «Теперь все это нужно отнести в нашу спальню...» Взяв небольшую стопку платьев, отправилась туда. Женя лежал на кровати и читал какую-то книгу. Я молча вошла, открыла шкаф и стала развешивать платья. Он, как ни странно, не отпустил ни одного ехидного замечания в мой адрес, как я ожидала, и спокойно вышла за второй стопкой. Правда в этот раз, когда я вошла, он, оторвав глаза от книги, произнес:

– У нас переезд?

Я ничего не сказала, лишь невольно улыбнулась и подошла к шкафу. Пока развешивала платья, Женя сдвинулся на край кровати и, когда я проходила мимо него, позвал к себе и усадил на колени.

– Лесь, ну хватит дуться! Ну, сколько можно! Ну не было у меня ничего с той девушкой! Не было!

– Не желаю знать никаких подробностей.

– К тому же она не в моем вкусе.

– А мне она показалась очень даже ничего: очень красивой и милой.

– Не такая она уж красивая и милая! Еще и со скверным характером.

– Правда?

– Лесь, ты не выносима!

– Тогда пойду готовить ужин. Скоро мальчики придут со школы, да и Данил с Дашей.

– Ладно, идем готовить ужин! – вздохнул он и действительно последовал за мной, а, присев за кухонный стол, поинтересовался. – Что будем делать?

Я ухмыльнулась, доставая из шкафа терку и небольшую эмалированную чашку.

– Натрешь мне моркови для салата?

– Давай сюда.

– Только сначала покорми Маркизу, а я пока почищу морковь.

Я полезла в холодильник за морковью, а Женя в шкаф за кормом и, насыпав Маркизе полную миску, снова уселся за стол. Я уже успела почистить пару штук и положить их на стол, между делом краем глаза наблюдала за ним. Он молча взял терку и стал вертеть ее в руке, потом спросил:

– С какой стороны?

– Где зубья помельче.

– Хорошо...

Вскоре к нам вышла Надежда Самсоновна и, окинув нас недоумевающим взглядом, хотела забрать у Жени терку, но он отрицательно покачал головой. Она не стала настаивать и, достав свою пряжу, расположилась в гостиной на диване. Женя поначалу помалкивал, а потом заговорил:

– Лесь, ты не справедлива. А что если в результате этой ошибки, я еще сильнее привязался к тебе, если она помогла

мне понять, что тебя заменить невозможно.

– Незаменимых людей нет!

– Нет, вы это видите, Надежда Самсоновна, я прилагаю столько усилий, чтобы помириться с ней, а она! В жизни не держал в руках терки! Но знаете, что меня радует, что сейчас не лето. Боюсь, мне бы пришлось перекопать все цветники и грядки и заново все посадить, чтобы заслужить ее прощение.

Надежда Самсоновна слегка улыбнулась, но ничего не ответила.

– Не радуйся слишком, я очень злопамятна. Пусть только наступит весна!.. – Женя покачал головой. – Данил с Дашей сами доберутся или ты поедешь их встречать.

– Сами... – В дверь постучали. – Кстати, это, наверное, и они.

– Не отвлекайтесь, я открою, – отозвалась Надежда Самсоновна и направилась к двери.

Мы с Женей тоже все оставили, и вышли в прихожую. Данил повзрослел, вытянулся, стал на голову выше Жени, хотя прошло-то всего полгода, после того как он был у нас на каникулах. Или просто я давно его не видела. Что касается Даши, она оказалась очень приветливой и доброжелательной девушкой, небольшого роста, стройная, длинные каштановые волосы были заколоты на затылке. Удивительно, но на лицо они даже чем-то похожи с Данькой. Немного погодя пришли Артем с Егором. Когда они увидели Данила, то их радости не было предела. Поэтому спать все легли дале-

ко за полночь. Вначале первого я стала всех выпроваживать по спальням, а сама еще задержалась под предлогом собрать разбросанные вещи, а на самом деле мне не хотелось идти в спальню и оставаться с Женей наедине. Я не знаю, что ему сказать... Все это время в гостиной работал телевизор: шел какой-то фильм, и я, присев на диван, поначалу засмотрелась, но незаметно задумалась о своем... Сегодня и вправду был странный день... Еще утром спозаранку меня разбудил звук капли, барабнящей по металлическому карнизу. Началась оттепель, и весь снег, выпавший три дня назад, практически растаял, если, наверное, и сохранился, то только в парке и горах. Это так символично...

Не знаю, специально Женя сделал или это были его очередные дурачества, но что-то во мне изменилось: тронулся лед, сковывавший сердце последние два месяца. Я видела его глаза во время интервью – глаза человека никогда не врут, – ему было плевать на него: он все это говорил для меня...

Резко мой взгляд остановился на журнальном столике: на нем почему-то лежал мой дневник – блокнот в темно-коричневой кожаной обложке, которая за столько лет изрядно изнасилась. Я наклонилась и взяла его в руки с мыслью о том, почему он лежит здесь? Я же всегда храню его в спальне... Бегло пролистав несколько первых страниц, меня охватила ностальгия... Сколько себя помню, я всегда писала, будучи подростком и в студенческие годы. Мне всегда нравилось описывать внутренние терзания и события с особой тща-

тельностью и скрупулезностью, стараясь ничего не упустить из виду. Вроде бы напишешь на бумаге о наболевшем и чувствуешь, что отлегло от сердца, как своего рода сеанс психотерапии, позволяющий устаканить мысли и чувства.

И мне почему-то на ум пришли слова папы, что эти записи бесценны и в них заключены самые важные воспоминания, которые помогут возродить отношения, уберегут в критических ситуациях от принятия неправильных решений, когда кровь стучит в висках, сжимаются кулаки и хочется одного – послать все куда подальше, а потом собирать свою жизнь по кусочкам.

Говорила ли я тогда серьезно Жене, что хочу жить отдельно? Не знаю... Во мне говорили обида и гордость. Я устала от всего... Невольно взгляд остановился на странице, где мы только-только познакомились с Женей... Как же это было давно...

«10.01.2005 г. Не успела утром прийти на работу, как меня сразу вызвал к себе Анатолий Владимирович – проректор по воспитательной работе, по совместительству хороший папин друг. Они с ним почти ровесники. Анатолий Владимирович старше папы на год, но выглядит гораздо моложе. Что сказать, бывший спортсмен, да и сейчас активно пропагандирует среди студентов, да и преподавателей здоровый образ жизни и занятия физкультурой. После окончания университета до начала нового учебного года мне посчастливилось поработать вместе с ним в приемной комиссии.

Анатолий Владимирович тогда курировал отдел по набору абитуриентов, а я была его правой рукой. Потом я с головой ушла в преподавательскую деятельность, а Анатолия Владимировича вскоре назначили проректором по воспитательной работе. Иногда в знак старой дружбы он обращается ко мне за помощью в каких-нибудь очень ответственных делах. На этот раз помочь с мероприятием ко дню студентов, в частности с организацией и проведением заключительного концерта. Он обосновывал это тем, что я молода, энергична, близка к студенческой аудитории и еще ни разу его не подводила.

– А кроме меня более молодых и энергичных не нашлось? Вы же знаете, насколько я загружена учебным процессом, да и консультацияй.

– Какой учебный процесс! – возразил Анатолий Владимирович. – Студенты на каникулах. Ты меня не проведешь! Я усмехнулась.

– А консультация? Я как раз собиралась взять дополнительные часы.

– На все про все у тебя уйдет пару дней. Можешь считать, это личной просьбой. Я хочу, чтобы все прошло гладко и без эксцессов.

– Странный, однако, у вас выбор группы для концерта.

– Это решили студенты и профком. В понедельник двадцать четвертого числа где-то к обеду они будут в Студенческом центре. Не забудь! Я хочу, чтобы ты проследила за

проведением всех подготовительных работ и по возможности оказывала всяческое содействие. Все, что потребуется, лишь позвони, тут же будет исполнено. Потом с меня причитается, проси что угодно, только не жениться! К сожалению, я уже занят, и бросать свою старушку пока не собираюсь.

Я усмехнулась. Конечно, я согласилась, как бы я смогла отказать. Откажись, Анатолий Владимирович позвонит папе, а он мне: «Нужно помочь!» И все, круг сомкнется. Хотя у меня как раз с двадцать четвертого числа начинаются тренинги в консультации. Ну, ничего как-нибудь успею. В первый раз что ли! Выходя от Анатолия Владимировича, меня охватило странное чувство: лет десять назад мы с Настей увлекались их творчеством, заслушивались песнями. Такие глупости лезут в голову. А теперь я буду помогать им с концертом... Надо об этом срочно рассказать Насте.

– Ты снова перекрасила волосы! – произнесла я, входя к Насте в кабинет.

– Да! Теперь я – жгучая брюнетка. Хочу, чтобы наступивший год принес мне грандиозные перемены, и решила этому поспособствовать, начав с прически. Ну как, мне идет?!

«И в этом вся Настя! Она живая и непредсказуемая, в отличие от меня, предсказуемой и рассудительной, порой до занудства».

– Идет! Ты себе не изменяешь!

– Ага! Тебе-то меня не знать!

И вправду мне-то не знать! Ведь мы дружим с детства: когда мне было шесть лет, мои родители разменяли нашу старую двухкомнатную квартиру на частный дом в Центральном районе Оренбурга, а Настя жила по соседству. Наши родители как-то сразу сдружились, да и мы тоже, так что всю школу и институт просидели за одной партой, даже два года проработали на кафедре биологии, а потом я перевелась на психологию.

– Кстати! Лесь! Ты не представляешь, кто на днях вернулся!

От ее слов я вздрогнула, а сердце беспокойно заколотилось.

– Неужели?.. – произнесла я и замолчала.

– Да, Сергей! Видела его позавчера у Стаховых, когда провозжала Пашу. Он спрашивал о тебе!

– Надеюсь, ты не наговорила ему никаких глупостей? – зная очень хорошо Настю, спросила с опаской.

– Нет, не успела, – усмехнулась она. – Времени не хватило, мы недолго разговаривали. Ну, ты рада или нет?

– Ты так спрашиваешь, будто я дожидалась его из армии и теперь должна прыгать до потолка от счастья. Почему я должна радоваться? Все осталось в прошлом. И как он?

– Почти не изменился... – начала говорить Настя, но прервалась, взглянув на часы. – Ой, у меня же сейчас зачет! – воскликнула она и, похватав со стола документы, на бегу

добавила. – Ладно, после договорим.

И она вышла, оставив меня в расстроенных чувствах. Одного упоминания о Сергее хватило, чтобы вывести меня из равновесия. И как назло работы сегодня было мало, поэтому после обеда, умаявшись от ничегонеделанья, ушла пораньше, но домой идти не хотелось, и я решила прогуляться до Пешеходного моста, посмотреть на Урал – зимой он прекрасен. Люблю неторопливые прогулки: они успокаивают и приводят мысли в порядок. Как раз то, что мне сейчас нужно. Может, хотя бы она отвлечет меня от мыслей о Сергее... Сергей!.. Мы с ним ровесники, учились на одном курсе в университете, только на разных специальностях: он на психологии, а я на биологии. На четвертом курсе у нас завязались довольно близкие отношения. Все к этому располагало: наши родители давно дружили, да и Настя стала встречаться с Пашей. Мы мечтали, что после учебы поженимся. Но не сложилось... Незадолго до выпускных экзаменов между нами будто пробежала черная кошка, и все пошло наперекосяк. Мы расстались. Сергей уехал стажироваться за границу. Я пребывала в отчаянии, хотела все бросить и уехать с ним. Но он был не преклонен, видимо, испугался, что я стану обузой для него в чужой стране. А теперь он вернулся... Зачем? И надолго ли? Вроде бы, по рассказам Насти, он не собирался возвращаться... Впрочем, меня не должен тревожить его приезд: все осталось в прошлом, ни к чему берeditь старые раны. Но... Продолжая думать

все в том же духе, не заметила, как оказалась у спуска к набережной и, остановившись на смотровой площадке, залюбовалась: перед моим взором открылся живописный вид на заснеженные берега и скованный толстым льдом Урал. Холодное солнце уже клонилось к горизонту – жаль, зимой так быстро наступают сумерки, – и пора возвращаться.

А дома, только перешагнув порог, до меня сразу донеслись голоса: кто-то был у нас в гостях. Резко различила голос Сергея – его приглушенный, хриловатый голос ни с кем не перепутать! – и замерла на месте. Давно забытый душевный трепет пробежал по венам. Простояв несколько минут, словно в оцепенении, все-таки взяла себя в руки и направилась в гостиную. Наспех поздоровалась с Сергеем и его отцом – Петром Леонидовичем, – и ушла к себе. Выжидала около получаса в надежде, что они за это время уйдут, но нет! Мама накрывала на обеденный стол в гостиной. Значит, они останутся на ужин, и мне ничего не оставалось, как только спуститься и помочь с приготовлениями.

Пока расставляла посуду, старалась не обращать внимания на Сергея, но тщетно. Глаза сами смотрели на него. Он совсем не изменился, остался таким, каким я запомнила его с института, только возмужал, выглядел теперь более статно. Как всегда, одет с иголки, чисто выбрит, русые волосы аккуратно подстрижены и идеально зачесаны набок. Этого у него не отнять. Как ему это удастся? Я всегда думала, что это заслуга его мамы – Татьяны Михайловны.

Но нет! Видимо это черта характера, потому что Паша не такой, хотя они и братья, всегда выглядит растрепанным и неухоженным.

Во время ужина по ходу беседы папы с Петром Леонидовичем, узнала, что Сергей после шести лет скитаний, вернулся насовсем, и теперь будет работать у нас на кафедре. Поэтому они-то и пришли к папе: он руководит кафедрой психологии более пяти лет. «Только этого мне и не хватало! – мысленно ужасалась и прикидывала, сколько неудобств это создаст. – Похоже, пора заняться вплотную консультацией и взять побольше часов на этот семестр. По-другому никак: я не смогу постоянно встречаться с Сергеем и делать вид, что ничего не было!..»

17.01.2005 г. Мы не виделись с Сергеем всю неделю, если не считать пары раз мельком на кафедре. Но сегодня папа попросил меня помочь ему принять экзамен у заочного отделения и, как оказалось, Сергея тоже. Вдобавок ко всему, папа ушел посреди экзамена и больше не вернулся, чем смутил меня ещё сильнее. В жутком напряжении просидела до конца экзамена. Я не предполагала, что будет так сложно. И когда, наконец, последние студенты покинули аудиторию, облегченно выдохнула и хотела быстро собрать документы и уйти, но замешкалась.

– Ты все-таки переучилась на психолога? – спросил Сергей невзначай.

– Да, – ответила я и, не поднимая глаз, продолжала вкля-

дывать бумаги в папку с файлами.

– За те годы, что мы не виделись, ты ничуть не изменилась, даже черному брючному костюму не удастся накинуть лет! Только перестала красить волосы в русый. Естественный цвет тебе к лицу.

Я хмыкнула. Это правда, я уже давно не осветляла волосы, решив, что натуральный каштановый идет мне больше и не нужно беспокоиться об отрастающих корнях.

– Ты тоже... – нерешительно отозвалась я и следом добавила. – Мне пора.

– Лесь! Не уходи! – с мольбой произнес Сергей и взял меня за руку. – Послушай, я хочу поговорить.

Я недоверчиво посмотрела на него.

– Боюсь, нам больше не о чем разговаривать. Все давным-давно сказано. Кто старое помянет, тому глаз вон! – и, отдернув руку, намеревалась поскорее уйти, но Сергей преградил мне путь. – Пропусти!.. – воскликнула я, но внутренне почувствовала, что если скажу еще хоть слово, голос дрогнет.

Но Сергей и не думал отходить. Я хотела обойти его, но он схватил меня за запястье и, притянув к себе, стиснул в объятиях.

– Отпусти!..

– Я хочу всего лишь побеседовать. Мы столько времени не виделись.

– Все уже давным-давно сказано, и у меня нет никакого

желания ворошить прошлое.

Не обращая внимания на мои слова, Сергей продолжал обнимать меня. Я ощущала тепло его тела, до боли знакомые объятия. За шесть лет, что мы не виделись, я не забыла их. Остатки моей решимости вмиг улетучились, и я не заметила, как склонила голову ему на грудь. Так мы оставались долго... Незаметно волнение улеглось, и его сменила опустошенность.

Это так странно, но я ничего не чувствовала к Сергею: ни былого трепета, ни былого восторга, ни былого томительного предвкушения чего-то большего. Ничего! Пока размышляла, Сергей неожиданно взял меня за подбородок и, наклонившись, хотел поцеловать.

– Даже не думай! – возразила я и оттолкнула его.

Сергей не ожидал этого и отшатнулся, а я, выскользнув из его объятий, впопыхах покинула аудиторию. Куда шла, не осознавала, главное было идти, не стоять на месте. Оказавшись в конце коридора, я свернула на лестницу и стала подниматься по ней, торопливо преодолевая ступеньку за ступенькой, но в пролете пятого этажа резко остановилась. «Глупо бегать от Сергея по университету, к тому же у него не тот характер: он ни за что не побежит следом, а жаль, наверное...» Я постояла еще несколько минут, чтобы окончательно успокоиться, и уже хотела спустаться, как вдруг, откуда ни возьмись, появилась худощавая светловолосая девушка: лицо у нее было то ли взволнованным, то ли

перепуганным, и сразу же бросилась ко мне.

– Прошу, помогите! Я не знаю, что делать, к кому обратиться... – произнесла она и залилась слезами.

– Что случилось? – озадаченно поинтересовалась я.

– Пойдемте! Пойдемте со мной, – и она схватила меня за руку и потянула за собой. – Я не знаю... Не знаю, что на нее нашло...

Ничего не понимая, я последовала за ней и, переступив порог аудитории, наконец, увидела другую девушку, тоже худенькую, с рыжими кучерявыми волосами: она стояла на подоконнике с открытой створкой и намеревалась прыгнуть. Я немедленно подошла к ней и, повысив голос, спросила:

– Кому слишком жарко стало?

Она резко обернулась и еле слышно произнесла:

– Не подходите!.. Я прыгну!..

Я наклонилась к стеклу и посмотрела на улицу:

– Прыгай! Только место неудачное выбрала. С этой стороны никогда не убирают снег, и он наверняка смягчит удар. Так что разбиться может, не разобьешься, а вот покалечишься вполне возможно.

– Я все равно, это сделаю... Я... я не хочу жить...

– Нет таких проблем, которые нельзя решить! Конечно, кроме смерти, а в остальном все поправимо. К тому же подумай о родителях, близких. Разве они заслужили те страдания, на которые ты их повергнешь своим легкомысленным поступком? Лучшее спускайся, и мы спокойно все обсудим.

Она молчала и продолжала смотреть вниз.

– Ну, хорошо. Я тоже залезу, – и уже хотела ставить ногу на стул, но она обернулась и произнесла:

– Не надо...

– Тогда спускайся! Пока ты стоишь там, я ничем не смогу помочь тебе. Руку давай!

Медленно хватаясь за раму, она присела на корточки, и я схватила ее.

– Вот и молодец! А теперь аккуратно слезай...

Она спрыгнула на пол, ее шатало. Без лишних слов к ней подбежала первая девушка, и она бросилась в ее объятия и судорожно разрыдалась, а я поторопилась закрыть окно. Поначалу молчали. Я терпеливо ждала, пока не миновали первые приступы отчаяния, и бурные рыдания не сменились легкими всхлипами, потом заговорила:

– Наверное, будет не лишним познакомиться, раз мы с вами попали в такую переделку, как вы считаете?

– Я – Кристина, – отозвалась первая девушка, – а ее зовут Диана.

– На каком курсе учитесь, девочки?

– На втором.

– Какой факультет?

– Филологический...

– Ну, рассказывайте, что у вас стряслось, что кроме как выпрыгнуть из окна, другого способа решить проблему не нашлось.

Диана снова уткнулась в грудь подружке и заплакала.

– Понимаете, – заговорила Кристина, поглаживая Диану по спине, – сегодня у нас был экзамен, и Диана его не сдала. Теперь ей грозит отчисление...

– Но я так понимаю основная причина ни в этом?

– Нет... – произнесла Кристина и замешкалась.

Я это заметила:

– Рассказывайте. Если я не буду знать всего, не смогу помочь!

– Ну, в общем... Диана встречалась с парнем, а недели две назад узнала, что беременна. Когда сообщила Тимуру, он разорвал с ней отношения... Вот она и ...

– Ясно... – отозвалась я и замолчала. «Подобные истории стары как мир, – промелькнуло в мыслях. – Как далеко вперед не шагнул бы технический прогресс, в обыденной жизни ничего не меняется... – и невольно взглянув на Диану, заметила, что ее всю передергивает и меня осенило. – Она же вся продрогла, пока стояла на подоконнике в двадцати градусный мороз!»

– Да ты же вся дрожишь! Нет! Так дело не пойдет! Идемте со мной!

Когда мы спустились на третий этаж, я попросила Кристину сходить за теплыми вещами, а сама повела Диану к себе в кабинет.

– Садись ближе к батарее, там теплее, а я пока поставлю чайник.

Она медлила.

– Садись! Садись! – подогнала я ее. – Отогревайся! А то подхватишь еще воспаление.

Через минут пять вернулась Кристина, и мы принялись за чай. По ходу разговора старалась отвлечь их от неприятных мыслей: расспрашивала об учебе, интересовалась, откуда они приехали. За беседой время пролетело незаметно.

– Ну, что лучше? – спросила у Дианы.

– Да...

– Надеюсь, в дальнейшем обойдемся без глупостей? – Они кивнули. – Ну что ж, тогда сейчас отправляйтесь по домам, а завтра жду вас у себя. Посмотрим, что можно будет сделать. Меня вы найдете здесь в триста двенадцатом кабинете или если что, разыщите на кафедре.

– Простите, но вы не сказали, как вас зовут?..

Я улыбнулась:

– Заславская Олеся Юрьевна.

И они стали одеваться, а я обратилась к Кристине:

– По возможности не оставляй ее сегодня одну.

– Мы живем в одной комнате в общежитии.

– Это хорошо. Сами дойдете или я могу вас проводить?!

– Сами! Спасибо! – накидывая пуховик и застегивая его, ответила Кристина.

Я проводила их до лестничного пролета, и мы попрощались. Кристина с Дианой не спеша стали спускаться, а я еще некоторое время постояла. Мысленно прокручивала все

произошедшее от начала до конца и ужасалась тому, что могло бы произойти, не появившись я вовремя. Легкая усталость разлилась по всему телу. «Нужно вернуться за вещами и тоже идти домой. Сегодня был трудный день...» – и вздохнула. Еле передвигая ноги, побрела в кабинет. Неожиданно меня окликнул Сергей. Я невольно остановилась и, когда обернулась, он уже поравнялся со мной.

– Я думал, ты уже ушла, – начал он говорить, но видимо, обратив внимание на мой расстроенный вид, спросил. – Что с тобой?

– Мне... – попыталась я ответить, но голос дрогнул.

Резко ноги подкосились, и я чуть не оступилась, но Сергей успел меня удержать. Наши взгляды встретились. В то мгновение что-то во мне шевельнулось, что-то давно забытое...

– Пойдем... – сказал он после непродолжительного молчания.

Сил отпираться и возражать не осталось. Пока мы шли до кабинета, меня начало трясти.

– Проходи, присаживайся... – произнес он, но ноги не слушались.

Тогда Сергей помог мне дойти до небольшого диванчика, усадил и, накинув на плечи свой пиджак, отошел к столу. «Да, коньяк будет не лишним, – подумала про себя. – Хотя меня от одного его запаха воротит, но сейчас не тот случай». Первую рюмку выпила залпом, вторую не осилила,

чуть-чуть пригубив, поставила обратно. Сергей, присел рядом и крепко обнял. Я не противилась, а, почувствовав знакомые прикосновения, склонила голову ему на грудь.

– Что же все-таки произошло? – поинтересовался Сергей. – Надеюсь, это не из-за меня?

– Нет! – возразила я и бегло рассказала ему о случившемся.

Пока говорила, Сергей ни разу не перебил меня, но стоило мне замолчать, резко спросил:

– Ты уверена, что ее можно было отпускать? Мы же в случае чего проблем не оберемся.

– Да, завтра я этим займусь... – ответила я и зевнула.

Выговорившись, мне стало легче, будто гора с плеч упала, да и коньяк сделал свое «темное» дело: постепенно по всему телу разлилась приятная нега, дрожь отступила, и я не заметила, как уснула. Пришла в себя только под утро: моя голова покоилась у Сергея на груди. Мне стало не по себе, и я резко приподнялась. Он сразу открыл глаза.

– Который час?

– Около шести.

Я встрепенулась.

– Мне лучше уйти!

И резко встав, на бегу поправила волосы, одернула одежду и выскочила из кабинета, словно меня окатили холодной водой.

18.01.2005 г. На улице было морозно: ледяной северо-за-

падный ветер дул навстречу, пронизывая насквозь и обдавая лицо жгучим холодом, но хорошо отрезвлял разум. Я ни на минуту не переставала думать о Сергее, но потом меня осенило: «Во всей вчерашней суматохе, я забыла позвонить родителям и предупредить, что задержусь. Ума не приложу, как теперь оправдываться?». До дома дошла быстро, не успев придумать ничего вразумительного и похожего на правду. Понадеялась, что смогу незаметно пробраться в комнату, а потом скажу, что пришла поздно, когда все спали. Не включая в прихожей свет, тихо разделась, и уже намеревалась проскользнуть на лестницу, но из кухни послышался голос папы:

– Леся, это ты?

– Да... – нерешительно отозвалась я.

А он тем временем выглянул в прихожую и произнес:

– Доброе утро. Как там девочки? – Я уставилась на него и нечаянно выронила из рук сумку. – Не удивляйся, мне вчера позвонил Сергей и обо всем рассказал. Ты была в общежитии?

– Да...

Он улыбнулся:

– Мы с Сергеем так и подумали, зная, какая ты отзывчивая и добросердечная, вряд ли смогла бы оставить их одних. Да ты, наверное, голодная? А я пристаю к тебе с расспросами. Пойдем, я как раз кофе сварил, заодно и все расскажешь.

Пройдя на кухню, хотела направиться к холодильнику и приготовить все к завтраку, но папа меня остановил:

– Присаживайся, я за тобой поухаживаю, – улыбаясь, произнес он. – Ну, как там девочки? Все хорошо?

– Пока не ясно, ей нужна сейчас поддержка. Сегодня схожу в деканат и разузнаю, можно ли еще что-нибудь сделать. Совсем не хочется, чтобы из-за одного необдуманного поступка, вся жизнь шла под откос.

– Попробуй, если понадобятся связи, обращайся! – шутя, произнес папа, чем вызвал у меня на лице легкую улыбку.

Мы еще немного поговорили, а потом я поднялась к себе. На душе было неспокойно. «А Сергей оказался разумнее меня. Теперь я перед ним в долгу: он выгородил меня перед родителями... Замечательно! Что ещё сказать?! Не понимаю, как я могу иногда быть такой безответственной! Он же будет теперь на что-то надеяться...»

До обеда было много работы, ни на минуту не присела, что в некоторых случаях очень кстати, потому что отвлекает от навязчивых мыслей, а во второй половине дня ко мне зашли Кристина с Дианой. Я как раз включала электрический чайник в розетку.

– Проходите, – добродушно отозвалась я, когда увидела их на пороге кабинета. – Присаживайтесь, сейчас попьем чаю, заодно и побеседуем.

Через минут пять чайник вскипел, и я разлила кипяток

по кружкам и протянула девочкам.

– Не стесняйтесь и пейте чай! Первое, что меня интересует, хочешь ли продолжать учиться?

– Я-я хочу, – несмело начала Диана. – Но...

– Я попробую договориться о передаче. Не тревожься по этому поводу, лучше скажи, точно ли ты решила продолжать учебу? Просто мне не хочется, чтобы получилось так, что я сейчас пробегаю, организую все под свою ответственность, а ты возьмешь и не явишься на экзамен.

– Я-я хочу учиться...

– Тогда вот тебе листочек, и напиши мне подробно: какой предмет, данные преподавателя, когда был экзамен и т.д. Кстати, это у вас последний экзамен или еще будут?

– Нет, последний, – ответила Кристина.

– Теперь поговорим о Тимуре... – Они уставились на меня. – Внизу напиши его данные, как зовут, где учится, факультет, специальность. Я хочу задать ему несколько вопросов.

– Не надо... – испуганно произнесла Диана.

– Я всего лишь побеседую с ним, не бойся! Уж хуже точно не будет! И последнее, что ты намерена делать с беременностью?

Диана вздрогнула и выронила ручку.

– Она еще не решила, – ответила Кристина.

– Ладно. А какой сейчас срок?

– Девять недель... – тихо отозвалась Диана.

– Хорошо... Значит, пока будем разбираться с учебой.

Когда они ушли, я отправилась в деканат, чтобы попытаться договориться о передаче или хотя бы узнать, можно ли еще что-нибудь изменить. Но, к сожалению, ничего вразумительного декан мне не ответила, начала ссылаться на порядок, утвержденные нормы и тому подобное. Не люблю женщин-руководителей, с мужчинами гораздо проще. Похоже, придется обратиться за помощью к папе, и когда пришла домой, он как раз сидел в гостиной и читал газету. Ненароком в разговор вклинилась мама:

– И в кого ты у нас такая сердобольная? Лучше бы о себе подумала. Ты с каждым студентом собираешься так носиться?

– Мам, ну зачем ты так! Не с каждым, просто все случилось у меня на глазах. Я не могу все так оставить. Если я не вмешаюсь, она с собой точно что-нибудь сделает, а я этого не хочу.

– Просто нужно разбираться в людях, – высокомерно отозвалась мама, – и не прыгать на шею к первому встречному, не узнав его хорошо, чтобы потом ни о чем не жалеть.

– Мам, что сделано, то сделано. Речь сейчас не об этом.

– Сонь, Леся права. Я попробую что-нибудь сделать. Ты оставь мне все контакты, а я завтра этим займусь.

Наконец, оказавшись в комнате, подключила телефон к зарядке, который со вчерашнего дня не удосужилась полностью зарядить. Среди кучи пропущенных звонков было со-

общение от Сергея: «Ты утром так быстро убежала, но запах твоих духов остался на моем пиджаке...» Я вздохнула.

19.01.2005 г. Утром сходила в деканат и разузнала про Тимура; он учится на третьем курсе на специальности «Информационные системы». После недолгой беседы, договорилась с замдекана, чтобы она вызвала его ко мне по личному вопросу. К двум часам, как ни странно, я почему-то была уверена в обратном, Тимур пришел – высокий парень, шатен, заметно, что из хорошей семьи, воспитанный. После небольшой паузы я представилась и перешла к сути разговора.

– Ты, наверное, удивлен, зачем я вызвала тебя? – Он кивнул в ответ. – Дело в том, что во вторник вечером я невольно стала свидетельницей не очень приятной сцены, которая, если бы я не подросла вовремя, могла закончиться плачевно. – Тимур озадаченно смотрел на меня. – Вы же знакомы с Дианой с филфака?

Услышав ее имя, он резко переменился в лице.

– Вижу, что знаешь, о ком я говорю. Так ты мне должен спасибо сказать, потому что избавила тебя от угрызений совести. В тот вечер прямо на моих глазах она хотела выпрыгнуть с пятого этажа. По счастливой случайности я проходила мимо и помешала ей это осуществить. – Мои слова его ошеломили, но я продолжала. – Я в общих чертах знаю, что между вами произошло, поэтому...

Не дослушав меня, он резко соскочил и хотел направиться

к двери.

– Сядь, пожалуйста. Я не собираюсь читать тебе нотаций или учить уму разуму. Если родители не научили отвечать за свои поступки, мне за двадцать минут вряд ли удастся это сделать. Единственное, что меня сейчас волнует, судьба Дианы. Вы так юны. Вы совершенно не знаете жизни, а уже взваливаете на себя такую огромную ответственность. К тому же отважиться на самоубийство в таком юном возрасте, согласись, не очень хорошая предпосылка. Поэтому я хочу ей помочь во всем разобраться. От тебя мне нужно лишь одно – знать: я могу на тебя рассчитывать или ты все решил окончательно и на этом умываешь руки?

Он молчал, но потом, видимо, собрался с мыслями и заговорил:

– Вы же сами сказали, что мы юны. Зачем нам эта ответственность? Какие из нас родители? Нам еще учиться и учиться. Я ей предложил сделать аборт, и пусть остается все по-старому, но она сама не захотела.

– Правильно, как можно убить живое существо, пусть еще совсем крошечное. Всего-то потребуется год, чтобы он стал таким же равноправным человеком, как и мы с тобой. Следуя твоей логике, можно сказать, иди, убей любого другого, разница лишь в том, что один уже появился на свет и живет полноценно, а другой – пока в утробе матери. Жизнь в любом проявлении бесценна. Он уже живой, ваша частич-

ка...

– Я не передумаю... – резко отозвался он и поднялся.

– Твое право, – произнесла я и вздохнула, а Тимур торопливо покинул кабинет.

Следом зазвонил телефон. Это был папа... Ему все-таки удалось договориться о пересдаче. «Надо порадовать девочек! – подумала я и в конце дня, закончив все дела, зашла к ним в общежитие.

– У меня две новости: одна хорошая, другая не очень. Пересдачу назначили на следующей неделе, точную дату узнаешь в деканате. Так что не трать зря время и начинай готовиться. Сегодня также беседовала с Тимуром...

По лицу Дианы мгновенно полились слезы. Я присела рядом и взяла ее за руку.

– Не плачь, время лечит любые раны, к тому же тебе нельзя волноваться, подумай о ребенке.

– Вы не понимаете... – произнесла она.

Ее слова я восприняла, почему-то как укор, от чего в груди болезненно защемило. Я сразу вспомнила о расставании с Сергеем, и как мне было тяжело свыкнуться с тем, что мы больше не вместе, что нас нет. Увы, времени не удалось стереть ту душевную боль и то безразличие ко всему: к учебе, к дальнейшей жизни. Весь мой мир тогда сомкнулся вокруг Сергея и наших отношений, остальное не имело значения. Один неудачно сданный экзамен вывел меня из оцепенения и вернул к реальности, и я нашла силы превозмочь себя

и идти дальше.

– Не суди предвзято. Не считай, что преподаватели – не люди и нам чужды боль и страдания? Все когда-то были молоды, юны и неопытны. Поверь, у каждого остались раны в душе, которые никогда не затянутся. Просто с годами ты начинаешь смотреть на все другими глазами. Через несколько лет ты тоже взглянешь на случившееся по-иному. Никто не знает, как сложится жизнь. Возможно, и Тимур одумается, захочет вернуться и о ребенке станет заботиться... Да это и не важно. Главное, сейчас ты должна решить, что делать с беременностью, пока срок маленький.

– Я хочу ребенка... Но кому я нужна буду с ним... На что я его буду содержать? А если выйду на работу, не смогу учиться...

– Все решаемо. Этот год ты можешь спокойно доучиться – срок позволяет, а потом взять академ или перевестись на заочку: будешь параллельно учиться и работать. Кроме того у тебя есть родители, они обязательно помогут.

– Мама на порог меня не пустит!

– Почему ты так считаешь? Ну, покричит, отругает, но она тоже мать, все поймет и не оставит в беде. Во всяком случае, сейчас готовься к экзамену, а после решим, что делать дальше... Единственное, прошу, не совершай необдуманных поступков. Нужен будет совет, мой номер телефона у тебя есть, можешь звонить в любое время суток, хоть среди ночи...

24.01.2005 г. С утра Диана пересдавала экзамен. Конечно, подготовилась она слабо, но преподаватель попался понимающий и вошел в положение. Спасло еще и то, что до этого в ее сторону никаких нареканий не было, и училась она почти на «отлично»; преподаватель сам удивился, почему она не сдала экзамен с первого раза. А после мне позвонила директор Студенческого центра и сообщила, что участники группы прибудут туда к одиннадцати часам. С чувством легкого непонятного волнения, не отпускающего меня еще со вчерашнего вечера, отправилась туда. На улице прояснилось: утром, когда я шла на работу, город окутал густой туман, но стоило взойти солнцу, он трусливо убежал, оставив после себя улику – толстый слой инея на ветках деревьев, сосновых иголках и проводах, который поблескивал в лучах солнца миллионами огоньков и слепил глаза...

Подоспела я вовремя, участники группы приехали следом. Мы быстро познакомились. Состав у них поменялся. Из прежних припоминаю только Макса: он совмещает должность администратора и бас-гитариста; среднего роста, худощавый. Из новых: Кирилл и Никита. Кирилл играет на клавишных; красивый высокий блондин, его серые глаза излучают неподдельное тепло, что полностью соответствует его добродушному характеру. Никита – барабанищик, тоже высокий, темноволосый, немного застенчивый, по крайней мере, не такой открытый, как Кирилл и Макс. Эти двое очень разговорчивы и остры на язык. Буквально через

несколько минут подошли наши IT-специалисты. Я их представила Максиму и остальным ребятам. Собственно им с ними и работать.

– Это Олег. Он у нас главный по технической части. По-может вам во всем разобраться, подключить и наладить аппаратуру...

Я взглянула на часы. Время поджимало; нужно было бежать на следующий тренинг.

– Вы осваивайтесь пока здесь, а у меня еще есть дела. Позже подойду.

И стала отходить, но вдруг резко обернулась и сказала Олегу:

– Если возникнут трудности, сразу набирай меня!

Олег кивнул в ответ, и я намеревалась идти дальше, но сделав пару шагов, неожиданно с кем-то столкнулась. Мгновенно ощутила легкое скольжение руки по спине, не позволившее мне отшатнуться назад. Быстро извинилась и, не дожидаясь ответа, поспешила выйти из зала, только возле выхода, не знаю зачем, я оглянулась. Что-то побудило меня это сделать, и я заметила среди ребят группы их солиста. «О-о... – вырвалось у меня. – Значит, я на него налетела!» Сердце екнуло, а ноги еще чуть-чуть бы и подкосились. Не ожидая от себя подобной реакции, резко отвернула голову и удалилась.

Проведя тренинг и пообедав, снова пришла в Студенческий центр. За это время Олег, наверное, раз пять мне по-

звонил! Между делом нас познакомили с Д. (Узнать настоящее имя, у меня не хватило смелости, а так как не люблю всякого рода прозвища, буду писать сокращенно). На вид ему чуть больше тридцати пяти, среднего роста, широкоплечий – я почему-то всегда представляла его выше и коренастее, обман зрения, – а в манере говорить, ощущалась неподдельная внутренняя сила. Возможно, она и вынуждает меня без конца смущаться.

Во второй половине дня в основном занималась тем, что постоянно куда-то бегала. Когда такое было, чтобы с первого раза все получалось. Нет, пока весь не изведешься, ничего не выйдет. Но мне это даже нравилось. Я меньше времени проводила в зале для выступлений. Правда, к концу дня я совершенно выбилась из сил и сидела на одном из мест в зрительном зале, на случай, если еще что-нибудь понадобится. Но на сцене работа спорилась: все бегали, что-то подключали, настраивали аппаратуру. Невольно ловила себя на мысли, что не сводила глаз с Д. Видимо, отголоски былых девичьих мечтаний все-таки давали о себе знать, так и всплывали в памяти отдельными воспоминаниями. Никогда не любила мужчин обросших, с длинными волосами, но Д. идет. У него они не длинные, концы слегка завиваются, а передние пряди то и дело падают ему на лицо, и он постоянно поправляет их назад. Вдруг будто бы издалека раздался голос Олега:

– Вы кофе хотите?

– Ты меня напугал! Я подумала, что опять куда-то понадобится бежать, – взяв кружку, добавила. – Благодарю, а еще веревку и мыло!

Он засмеялся.

– Загоняли мы вас! Не беспокойтесь, уже почти все готово.

– Я рада. Проконтролируй, пожалуйста, все. Я в этом мало, что понимаю, поэтому полностью полагаюсь на тебя.

– Обижаете. Когда мы вас подводили?!

25.01.2005 г. Сегодня на кафедре, да и в консультации у меня дел не было. Поэтому из дома прямиком отправилась в Студенческий центр, так сказать продолжить следить за процессом подготовки. После обеда заглянул Сергей: он принес мне на подпись документы. Пролистывая их, обронила, что ему повезло, а то еще чуть-чуть, и мы бы разминулись: я как раз собиралась на часок отлучиться домой, а Сергей, как краб клеищами, ухватился за эту фразу:

– Не хочешь прогуляться или куда-нибудь сходить? Я тоже все дела закончил, только бумаги закину на кафедру.

– Увы, сегодня не получится. Через час мне нужно вернуться. Ответственности за проведение концерта с меня никто не снимал. Анатолий Владимирович на меня рассчитывает.

– Тогда я хотя бы подвезу тебя до дома?

– О, будет очень кстати. Я только вещи заберу.

– Жду на улице...

Проходя мимо сцены, машинально взглянула туда и невольно встретилась глазами с Д.; он пристально смотрел на меня. Я резко отвернулась, почувствовав, что волна смущения предательски разлилась по лицу, и, стараясь больше не задерживаться, вышла из зала. Не понимаю, почему этот мужчина так завораживающе действует на меня, в его присутствии я теряю сосредоточенность, беспричинно начинаю волноваться. Ну ладно, бог с ним!

За час до выступления, я напоследок зашла к Олегу, убедиться, что все идёт по плану, ну и в гримерную. Заглянув в дверь, волна удивления разлилась по лицам ребят. Это и понятно, дома я сменила строгий деловой костюм на простую повседневную одежду: надела джинсы и толстовку, да и волосы не хватило времени хорошо уложить – дала волю своим кудряшкам! В мой адрес посыпались возгласы:

– Вы ли это или нет? Мы подумали, что какая-то молоденькая студентка дверью ошиблась!

– Не бойтесь, я! В свободное от работы время!

Удостоверившись, что все в порядке, пожелала удачи и уже намеревалась выходить, но в дверях снова чуть не налетела на Д. Чудом успела отступить в сторону.

– Вы явно настроены против меня враждебно! – усмехнулся он. – Второй раз хотите сбить с ног!

Я улыбнулась, извинилась и поспешила выйти. Уже в

коридоре меня неожиданно окликнул Макс. Я озадаченно остановилась.

– Что-то еще?

– У меня возникла одна идея, точнее предложение. Скоро мы планируем снимать клип на новую песню, и может, вы согласитесь принять в нем участие? Как вы на это смотрите? Я думаю, вы нам подойдете.

Его слова я не восприняла всерьез, да и отвлеклась: из гримерной вышел Д. и так испытывающе стал смотреть в нашу сторону, что мне сделалось не по себе. От предложения Макса я не отказалась, но и не дала согласия. Обмолвилась лишь, что «мой номер телефона у вас есть, звоните, обсудим». Честно говоря, тогда мне было совершенно все равно, единственное, чего я хотела, поскорее оттуда уйти.

26.02.2005 г. Сегодня спустя месяц после концерта позвонил Макс, чем сильно озадачил меня. Я и не думала ни о каких съемках. Но он стал так занимательно рассказывать о процессе съемок и заверять меня, что в нем нет ничего сложного. И, в конце концов, любопытство взяло верх над здравым смыслом, и я согласилась. Он пообещал мне скинуть на электронку примерный сценарий, и уже через неделю они приедут в Оренбург и приступят к съемкам. Мне показалось это странным, и я удостоверилась, насколько это удобно? На что Макс ответил, что это их не затруднит, следом у них будет концерт в Екатеринбурге.

3.03.2005 г. Сегодня был первый день съемок. Режиссер

клипа планировал сделать все за день и завтра вернуться в Москву, но с самого утра начались трудности, то с аппаратурой возникли неполадки – вышла из строя одна из камер, – то с декорациями. После огромного количества испорченных дублей несколько заключительных сцен так хорошо и не были отсняты. Режиссеру ничего не оставалось, как перенести все на завтра, не засиживаться же теперь здесь до поздней ночи.

И, слава богу!.. Сказать, что я устала – ничего не сказать. Я чувствовала себя как выжатый лимон. Оказывается, это так трудно. Какое-то незначительное движение – поворот головы или разворот – могут снимать по двадцать раз. А о выражении лица я вообще молчу! В конце концов, я не профессиональная актриса. Увы, я могу все представить мысленно, но эмоционально передать – слишком сложно для меня. Тем более повторять по несколько раз на камеру.

Оставшись одна в гримерной, я принялась не торопливо снимать с лица излишки косметики. Шум за пределами гримерной незаметно стихал, только изредка раздавались шаги, и скрипели двери.

Наконец, приведя себя в порядок и побросав наспех все вещи в сумку, направилась к вешалке, чтобы одеться и идти домой, но мое внимание привлек шум шагов. Кто-то приблизился к гримерной... Я зачем-то стала прислушиваться и замешкалась. Резко дверь распахнулась, и в ее проеме показался Д. От неожиданности невольно отступила назад.

– Вы?.. Вы кого-то ищете? – произнесла первое, что пришло в голову. – Здесь кроме меня никого нет...

Он ничего не ответил, только прикрыл дверь. Я не сводила с него глаз и тщетно пыталась взять себя в руки, но волнение и страх усиливались. Резко ринулась к вешалке, сняла пальто и, перевесив его через локоть, намеревалась поскорее выйти. Но Д. преградил мне путь: он встал так близко, что я едва успела вытянуть руки, и не дать ему притулиться ко мне всем телом.

– Что вы делаете? Пропустите... – попыталась я возмутиться, но голос дрогнул, и громкого возгласа не получилось.

Одной рукой он приобнял меня, а другой – коснулся лица, заправив за ухо упавшую прядь волос. Я чувствовала его дыхание, неровное и прерывистое. У него такие выразительные серо-зеленые глаза, внутри которых бьется «живой» огонек, поймать и запечатлеть который не под силу ни одному фотографу в мире. Почему я думаю о его глазах?! Странное чувство охватило меня. Я хотела его оттолкнуть, но в то же время, ощущала, что мое тело отвечало ему взаимностью, словно между нами пробежала невидимая искорка и заставила вспыхнуть что-то глубоко спрятанное в недрах души.

Сколько мы так стояли, не знаю. Но холодный рассудок в конце взял верх. Я каким-то образом умудрилась ударить его каблуком по ноге, поразившись, как лихо у меня это получилось, наверное, сработал инстинкт самосохранения. От

неожиданности он ослабил руки, и я смогла высвободиться из его объятий. Долго не раздумывая, выскользнула в дверь и впопыхах покинула здание. Сердце, которого до сих пор не было слышно, усиливало стук. Пробежав метров двести, я оглянулась и, увидев, что меня никто не преследует, замедлила шаг.

Домой пришла, еле держась на ногах, усталость в конце подкосила меня. Хорошо, что родители сегодня в гостях, и я спокойно без лишних расспросов поднялась в комнату. Почувствовав себя, наконец, в безопасности облегченно выдохнула. Пока не уснула, лицо Д. стояло перед глазами...

4.03.2005 г. Я видела его лицо утром, когда проснулась, проведя беспокойную ночь, пока спускалась на кухню, чтобы сварить себе крепкий кофе... И в кого я такая впечатлительная! Какой-то незначительный эпизод способен вывести меня из равновесия и вызвать нескончаемый поток мыслей, который я называю «словесной перепалкой». Я все думала-думала и не могла определиться, что же мне делать дальше. «Все-таки нужно довести начатое до конца, собрать всю волю и выдержку в кулак и пойти на съемки: не в моих принципах оставлять незаконченных дел. Кроме того с утра будет лекция в университете, смогу немного подготовиться, – успокаивала я себя. – Если это поможет».

И к половине одиннадцатого я все-таки появилась на съемочной площадке, где меня заждались.

– Мы боялись, что вы про нас забыли, – произнес Макс,

увидев меня.

— Приношу извинения. С утра читала лекцию. Забыла вас вчера предупредить. Думала, что найду замену, но не получилось. А телефон остался дома.

Как ни странно, но сегодня все работали слаженно: грим наложили быстро, с костюмом тоже трудностей не возникло. Глазами я невольно искала Д., но его нигде не было. Впрочем, он всегда появляется там, где ты совершенно не ожидаешь его увидеть: мы с ним столкнулись возле съемочной площадки. Он молча прошел мимо.

Но во время съемок было сложнее. В заключительном эпизоде по замыслу режиссера Д. должен был обнять меня. Поначалу я держалась уверенно, ведь на нас устремились десятки глаз. Но он так сильно стиснул руки, что мне стало не по себе. Он едва заметно улыбался и не сводил глаз. Его обычно задумчивый и отстраненный взгляд смягчился, сделался таким проникновенным и ласковым. Он смотрел с такой нежностью, чем вызвал у меня еще большие недоумения, чем вчера в гримерной. Какие у него глаза!..

И я, не справившись с волнением, ушла с площадки после второго дубля, чем вызвала негодование на лице режиссера... Еще два мучительных дубля... А в последнем, как назло, моя нога неожиданно подвернулась и, чуть не упав, на мгновение склонила голову на грудь Д., из-за чего еще больше смутилась и разволновалась, а он шепнул: «Сама судьба толкает тебя в мои объятия, как ты считаешь?» Я вся

вспыхнула, но, услышав заветное слово «Снято!», перевела дыхание и вздохнула с облегчением. Слава богу, на этом все!..

Потом еще около часа режиссер проматывал отснятый материал, после чего я ушла. Когда выходила на улицу, Кирилл и Д. стояли на крыльце и курили. Я с ними попрощалась. Пока не свернула в другой переулок, я ощущала на себе их пристальные взгляды...

Глава II

29.04.2005 г. После съёмок клипа прошло почти два месяца. Образ Д. продолжает будоражить сознание и возникать перед глазами нежданно-негаданно. Но я стараюсь не придавать этому значения, так как если начинаю думать, мысли уносятся далеко-далеко. А это ни к чему, я не привыкла забивать себе голову подобной ерундой. Ну, было и было. Это всего лишь небольшой, совершенно ничего не значащий эпизод в огромной эпопее под названием жизнь.

Сегодня состоялась официальная помолвка Насти и Паши. Мама еще с утра ушла к Стаховым, помочь Татьяне Михайловне с приготовлениями. А я до последнего сидела на работе: идти никуда не хотелось... Неожиданно раздался стук в дверь и прервал мои размышления.

– К тебе можно? – спросил Сергей.

И это одна из причин, если не основная, почему у меня нет никакого желания идти туда. В последнее время он стал слишком навязчивым. Но делать нечего, Настя – моя лучшая подруга, я не могу не пойти.

– Да, – отозвалась я, и он зашел.

– Ты уже освободилась? Мы можем поехать вместе?

– Пожалуй, – равнодушно ответила я, – только вещи собираю.

– Жду на улице.

И он вышел, а я принялась складывать вещи в сумку и через минут десять была готова. Ехали молча. Я села на заднее сиденье, но замечала, что Сергей периодически поглядывал на меня.

После официальной части, если ее так можно назвать – обычный семейный ужин в кругу семьи и близких друзей, – все перешли в гостиную. Как я не люблю такие посиделки! Неужели меня они тоже ждут, когда я соберусь замуж?! Поэтому присела в сторонке, чтобы не слышать намеков в наш с Сергеем адрес: родители еще не расстались с мыслью, что однажды мы будем вместе. Но моя идиллия не продлилась долго, вскоре Сергей подсел ко мне и стал вспоминать прошлое.

– Помнишь, вы с Настей мечтали, что мы вчетвером сыгравем свадьбу в один день.

– Помню, только это была навязчивая идея Насти, но не моя. Мне кажется, день свадьбы важен в жизни каждой пары, и делить его с кем-то не разумно. По крайней мере, для любой девушки он должен стать особенным.

– Как ты думаешь, что-то еще можно вернуть?

Я взглянула на Сергея и произнесла:

– А тебе не кажется, что после нашего расставания слишком много воды утекло? Дважды в одну реку не входят.

– Можно попытаться...

– А смысл? Ты считаешь в порядке вещей, бесследно пропасть на несколько лет, а потом вернуться, как ни в чем

не бывало, и на что-то надеяться. Может, ты полагаешь, что я ждала тебя все эти годы? Мечтала, что когда ты вернешься, мы проживем долго и счастливо?

– Это упрек?

– Нет, просто размышления. А ты не допускаешь мысль, что немного опоздал и у меня уже есть отношения?

Сергей удивился:

– Что-то я тебя ни с кем не замечал.

– Возможно, я их не афиширую на всеобщее обозрение, как ты считаешь? – Он молчал, а я улыбнулась. – Да расслабься, это пока только мои размышления, чтобы увидеть всю сложившуюся картину целиком и ничего не упустить. А так у меня нет ответа на твой вопрос, – произнося эти слова, перед глазами возникло лицо Д., и я внутренне содрогнулась.

– Значит, что-то еще может быть? – спросил Сергей и вернул меня к реальности.

– Это значит, что я не знаю. И нам лучше сменить тему!..

30.04.2005 г. Я провела бессонную ночь, как хорошо, что сегодня выходной. Мне не давал покоя вчерашний разговор с Сергеем. Конечно, вела я себя вызывающе, но он тоже хорош! По прошествии стольких лет надеется, что я не раздумывая, снова брошусь в его объятия. Да после нашего расставания я не могу общаться с другими мужчинами, бегу от них как от огня, боюсь снова столкнуться с болью и разочарованием, хотя, в некоторой степени это отличное реше-

ние, не нужно никаких объяснений и доказательств... Нет! Мысль, что мы вместе, не укладывается в голове. Картинка не сходится.

С гнетущими мыслями ушла на кухню, сварила кофе. Пока хозяйничала у плиты, в гостиную спустился папа. Мы с ним, как обычно, ранние пташки, даже если уснем глубоко за полночь. Я налила нам по чашечке свежего кофе и отправилась к нему.

– Ты что-то сегодня рано? – поинтересовался он.

– Не спится.

Я протянула ему чашку. Он взял ее одной рукой, а в другой держал вчерашний выпуск газеты, но краем глаза посмотрел на меня.

– Что-то ты бледная какая-то?

– Почти всю ночь не спала...

– Тебя что-то тревожит? – закрыв газету и отложив ее в сторону, спросил папа.

– Не то чтобы тревожит. У меня внутренняя дилемма. Спорю сама с собой и никак не могу определиться, кто прав.

– Поясни...

Я отпила немного кофе.

– Как вы думаете, можно ли простить и начать новые отношения с человеком, который однажды уже предал, причинил боль и оставил в трудную минуту?

– Я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь. Наверное, да, если ты по-прежнему испытываешь приязнь к этому че-

ловеку.

– А если нет? Если до некоторого времени я считала, что да, но после вмешательства другого все изменилось, и я теперь не совсем уверена в своих чувствах.

– Тогда время покажет, главное не спешить. – «Не спешить!..» – мысленно повторила за папой, а он добавил. – Через несколько дней в Самаре будет проходить научно-практическую конференцию по самопознанию и самоанализу. Если хочешь, можешь поехать в качестве слушателя, так для отчетности и общего развития, заодно и развеешься.

– Можно...

После завтрака занялась домашними делами, которых за неделю вдоволь накопилось, да и свою комнату я давно не приводила в порядок. Ближе к вечеру зашла Настя, я в это время была у себя и разбирала вещи. С порога стала допытываться, о чем мы с Сергеем вчера шептались в сторонке.

– Ни о чем. Просто вспоминали былое. Он не сдастся, хочет начать все сначала.

– А ты?

– А что я? Я не знаю, как сказал папа, время покажет.

– Ты к нему больше ничего не испытываешь?

– Не знаю. Слишком много времени прошло. Боль и страдания все разрушили. Поэтому как прежде относиться к Сергею, я больше никогда не смогу.

– А мне показалось, что после того случая... Помнишь со студенткой... Между вами что-то вспыхнуло.

– Я тоже так считала, но ... – и запнулась.

Перед глазами возникло лицо Д., а Настя вопрошающе уставилась на меня.

– Что, но? О чем задумалась?

Я смущенно улыбнулась.

– Нет, ни о чем. Конечно, из нас выйдет прекрасная пара, мы хорошо знаем друг друга, и увлечения у нас одни и те же, и круг знакомых, и этот список можно продолжать до бесконечности. Но я понимаю, что все не так. Для меня это пустые слова: они не находят отклика в душе... Если прежде я боялась встречи с Сергеем, от одной мысли о ней я начинала волноваться, то теперь понимаю, что это были напрасные тревоги. Меня смущал сам факт встречи, а не встреча как таковая.

Настя пристально посмотрела на меня:

– А ты случайно не влюбилась, подруга?

Я несмело ответила:

– Нет. В кого интересно?

– Не знаю, может, ты мне что-то не договариваешь?

– Ну, прям, если со мной что-нибудь бы произошло, ты бы первая об этом узнала...

5.05.2005 г. Вчера вечером приехала в Самару на конференцию, где пробуду два дня, не считая дороги. По завершению первого дня в коридоре рядом с конференц-залом чуть не столкнулась с Сергеем. Я не знала, что он тоже на конференции! Благо я его вовремя заметила и прошла мимо. Он

меня тоже увидел, попытался окликнуть, но я, не повернув головы, второпях покинула здание университета. Уже в гостинице Сергей несколько раз позвонил, потом закидал сообщениями, но отвечать мне не хотелось. Знала, что назревает серьезный разговор. Он просто так не отступится. Нам нужно все прояснить, расставить точки над «i», но... Хотя какие точки? Все давным-давно и сказано и решено. Что еще обсуждать? Будущее? Боюсь, у нас его нет. Кто предаст раз, предаст и дважды. Любящие люди должны все трудности преодолевать рука об руку, а не трусить и сбегать при первых сложностях. Может, виной всему молодость и неопытность? Но!.. Я не злюсь на Сергея, но начинать все сначала не хочу. Это и нужно ему сказать, чтобы он не питал пустых надежд, но я снова включила своего страуса, и прячу голову в песок, авось все само собой разрешится. Как же порой тяжело перебороть себя, свою природу.

6.05.2005 г. С утра Сергей, как я и предполагала, ожидал меня в коридоре возле конференц-зала. Мы сели рядом, правда, во второй половине дня он зачитывал доклад, но выходили мы снова вместе.

– Когда ты уезжаешь? – поинтересовался он.

– Завтра утром.

– Какие планы на вечер?

– Сегодня я занята. Встречаюсь с очень важными людьми! – заинтриговано произнесла я.

– С кем? Если не секрет?

– Это давние друзья родителей и мои крестные. Я всегда их навещаю, когда бываю здесь, кроме того я уже пообещала. Они будут ждать.

– А после?

– Боюсь, что просто так они меня не отпустят. Дети у них живут за границей, поэтому не исключено, что я останусь у них или вернусь поздно.

Сергей обреченно вздохнул.

Еще вчера я сказала тете Оле, что подойду к пяти часам, но задерживалась. Из-за своей рассеянности перепутала номер автобуса и уехала в совсем другой район города, пока разобралась, время было упущено. С получасовым опозданием подходила к их дому. Дядя Миша стоял на улице возле палисадника и беседовал с каким-то пожилым мужчиной, очень смахивающим на профессора. В одной руке он держал большой кожаный портфель коричневого цвета, а второй – опирался на трость, на носу громоздились огромные очки. Я с ними поздоровалась, дядя Миша меня обнял и отправил в дом, где, стоило перешагнуть порог, в нос ударил пьянящий аромат только что испеченной сладкой выпечки, а пройдя на кухню, ахнула от избытка угощений на столе. Тетя Оля без лишних разговоров и расспросов усадила меня за него.

– Мне же столько и не съесть! – запротестовала я, когда увидела, сколько всего мне наложила тетя Оля.

– Ешь, не торопись до вечера еще много времени, – приго-

варивала она. – А то совсем тростиночка, вся светишься, как будто дома и не кормят.

Через минут пять к нам присоединился и дядя Миша. Стал спрашивать о папе с мамой, интересоваться, чем я сейчас занимаюсь, не собираюсь ли замуж, намекнув, что это будет прекрасный повод всем встретиться. Я вздохнула...

14.05.2005 г. После конференции мы не виделись с Сергеем всю неделю. Он зашел к нам сегодня вечером вместе с Настей и Пашей. Причем уверена, что эта идея принадлежала Насте. Я-то ее хорошо знаю! Она умеет играть на два фронта. По Сергею было видно, что он чувствовал себя неловко. Паша предложил прогуляться до набережной. В общем-то, я не очень хотела, но Настя меня уговорила. Правда, они быстро скрылись из виду, и мы с Сергеем остались наедине. Были первые дни мая: в воздухе пахло весной, листья на деревьях зеленели, щебетали птицы – все располагало к прогулкам. Незаметно загорались огни ночного города, повсюду гуляли парочки почти такие же, как и мы, только держащиеся за руки, воркующие о чем-то своем и целующиеся. Мы не спеша прошли по Пешеходному мосту – наше любимое место в юности, там мы впервые поцеловались, – и обратно. Сергей много говорил о работе, а я почти всю дорогу молчала, изредка поддакивала ему в ответ, но думала о другом... Меня терзали угрызения совести, я чувствовала себя неловко за свое поведение в последнюю нашу встречу и

все-таки решила попросить у него прощения.

– Не бери мои слова в голову. Я не знаю, что на меня тогда нашло, какая муха укусила, наговорила кучу глупостей.

– Нет, почему? Отчасти ты была права...

– Да, но мы ведь взрослые люди...

На подступах к дому, мы остановились. Я уже намеревалась попроситься, но Сергей взял меня за кисти рук и хотел приблизить к себе, но я отшатнулась.

– Да, признаю, – начал он взволнованно, – я поступил тогда глупо и опрометчиво, причинил тебе много боли и страданий. Но сейчас я тверд, как никогда, и хочу, чтобы ты еще раз все взвесила и...

Я вздохнула: «Снова он завел свою шарманку!», а Сергей продолжал что-то говорить, говорить. Я его слушала слово через раз, большие меня занимали мысли, вращающиеся в голове. Мы смотрели друг другу в глаза. Я тщетно пыталась отыскать в них хоть чуточку того тепла и ласки, которые так согревали меня в годы юности. Но они были пусты, как и слова, произносимые им. Скажи их Сергей шесть лет назад, я, не раздумывая, бросилась бы ему на шею, но не теперь. Внутри ничего не шевельнулось, ни одна фибра души не дрогнула. Я испугалась. «Может, я и вовсе охладела к мужчинам?.. Прошло не так много времени, чтобы я забыла Сергея... Нет!» Я вспомнила о Д. Как странно, совершенно чужой человек вызывает во мне большие волнения и трепета, чем Сергей. А ведь в юности он был для меня

всем, я жизни без него не мыслила. Где-то издали слышалось: «Скоро я уезжаю...» Долго не могла понять, эта фраза плод моих воспоминаний или ее на самом деле произнес Сергей. Невольно ухмыльнулась и заметила, что он нахмурился. «Значит, мне не померещилось. Он вполне серьезно!»

– Ничего, продолжай!..

– До сентября я буду на повышении квалификации в Германии.

– Хорошо, у меня будет время подумать, – согласилась я только, чтобы поскорее уйти домой.

И в этом весь Сергей! Говорит об отношениях, а сам уезжает.

30.05.2005 г. Наступила пора экзаменов, да и в консультации работы прибавилось: одна из наших психологов взяла отпуск без содержания, и мне пришлось забрать ее часы себе. Ни одной свободной минуты! Сергей, как и говорил, на днях улетел в Германию, хотя бы он на время перестанет доставлять мне хлопоты и беспокоить.

К тому же вчера днем неожиданно позвонил Макс. Они подали заявку на участие в каком-то международном конкурсе с песней, на которую мы снимали клип и предложил мне поучаствовать в самом выступлении. С ответом я могу пока повременить: заявка еще не одобрена. С чувством легкого недоумения положила трубку. «Не понимаю, почему он снова предлагает это мне? В большом мегаполисе, как

Москва, профессиональных танцовщиц или моделей не нашлось, что ли? Я ведь ничего в этом не смыслю!..»

Но не в этом главная причина моих терзаний и трепетаний. При одной мысли, что снова придется встретиться с Д., я вся вспыхиваю, а ведь ее не избежать! Но меня что-то манит, не дает успокоиться, будоражит сознание. Я постоянно размышляю над этим и чем больше думаю об отказе, тем навязчивее и настойчивее становятся мысли... Я как мотылек, летящий на свет...

17.06.2005 г. Вчера одобрили заявку, и я согласилась участвовать. Как? У меня нет ответа на этот вопрос. Вечером позвонил Макс и радостно сообщил, что их заявку одобрили. Выступлению быть! Между делом спросил: «Мы на вас можем рассчитывать?» Я без доли сомнения: «Можете». «Ну и прекрасно!» – слышу в ответ, и только после этого начинаю осознавать смысл произнесенных мною слов. Я ведь не хотела соглашаться. Как теперь отказаться?

2.07.2005 г. Я так и не смогла отказаться. Конкурс будет в середине августа, а я поеду в Москву на месяц раньше, начнутся репетиции – это уже не так просто, как сыграть на камеру, это «живое» выступление перед огромным залом зрителей, где еще одного дубля не будет.

17.07.2005 г. Вот я и в Москве... С отъездом трудностей не возникло: родителям я сказала, что хочу поехать отдохнуть к друзьям на Черное море. Вика с Костей давно меня звали к себе... Папа особо не возражал, а мама даже обра-

довалась поездке, потому что по ее словам отдых мне давно необходим, а то кроме работы я больше ни о чем и не думаю...

Макс встретил меня на вокзале, помог заселиться в гостиницу, а утром обещал забрать: мы поедем на звукозаписывающую студию, где они сейчас сводят англоязычный вариант песни.

Когда, наконец, оказалась в номере, мне почему-то сделалось не по себе. Стоило только подумать о предстоящей встрече с Д., и я до смерти начинала бояться завтрашнего дня. Что он мне принесет? Самое обидное, пути для отступления нет. Я сама связалась в эту авантюру, никто меня не заставлял и не принуждал, поэтому придется идти до конца: они на меня рассчитывают, я не могу подвести в последний момент.

18.07.2005 г. Полночи провела без сна, в тревогах и волнении, а когда все-таки умаялась и задремала, все равно проснулась и смотрела на часы. Вот и первое утро в Москве, которое встретило меня слезами: еще ночью все небо затянуло обложными тучами, а как рассвело, заморосил мелкий проливной дождь. Ближе к двенадцати позвонил Макс и осведомился о моей готовности ехать. Я уже давно собралась и ждала только его звонка. Напоследок взглянула в окно: дождь усилился, и, накинув ветровку и прихватив зонт, вышла из номера.

Ехали мы недолго, большие простояли в дорожной пробке.

Потом, наконец, Макс свернул во дворы, и мы оказались в достаточно тихом укромном месте. Сразу и не скажешь, что здесь что-то есть, благо на стене возле входа висела вывеска с названием студии. Внутри обычное подвальное помещение жилого дома с множеством смежных комнат, приспособленное под звукозапись. Когда Макс упоминал в разговоре о студии, я представляла, что это будет что-то такое большое и грандиозное, с огромным количеством аппаратуры, сотрудники то и дело снуют туда-сюда. А здесь нет, все довольно мило и скромно.

От меня пока ничего не требовалось, Макс в общих чертах ввел меня в курс дела. Репетиции выступления начнутся чуть позже: хореограф, которая будет ставить танец сейчас в отъезде, должна приехать на днях, и тогда мы приступим.

С Д. сегодня мы практически не виделись – не знаю, почему я так его опасаясь, – зато с Максом и Кириллом мы сразу поладили. Такое ощущение, будто мы давние знакомые и сейчас встретились после долгой разлуки: они оказались приятными собеседниками. Весь день мы провели на студии, а вечером они вызвались показать мне город. По ходу наперебой рассказывали всякие шуточные истории, которые случались с ними на концертах. Не знаю, что мне понравилось: прогулка или их бесконечная болтовня. Город в моей памяти практически не запечатлелся.

19.07.2005 г. Сегодня был последний день на студии, а

завтра встреча с режиссером, который займется сценической постановкой номера, будут уточнять все детали и нюансы выступления.

А вечером мы снова гуляли по ночной Москве. Макс и Кирилл зашли за мной около девяти часов вместе с Д. Меня это естественно смутило. Я чувствовала нотку натянутости со своей стороны, но он держался сдержанно. Я зачем-то взяла Макса под руку, и мы пошли.

– Я, кажется, уже говорил, что самая лучшая экскурсия по столице – ночная.

– Почему?

– Сами посудите, практически нет машин, да и никого вокруг. Город принадлежит только тебе.

– Логично, я как-то до этого не додумалась...

Потом мы с Максом отошли вперед, а Кирилл с Д. остались позади. Макс мне что-то рассказывал. Я его внимательно слушала. Изредка мы оборачивались к Кириллу и Д. Они что-то отвечали и дальше продолжали обсуждать свое. Я невольно пыталась прислушаться и уловить суть их разговора, но мои попытки не увенчались успехом.

Около часу ночи мы попрощались. Макс напомнил, что завтра в два встречаемся с режиссером. Он собирался снова заехать, но я отказалась – я могу добраться и сама.

20.07.2005 г. Хотя я собралась и вышла пораньше, но все равно опаздывала к назначенному времени. Когда вылезала из такси, у входа в кафе заметила Д. Похоже он меня то-

же увидел и стоял, поджидал, потому что явно смотрел на меня. Я приблизилась, и мы поприветствовали друг друга. Попыталась улыбнуться, как я обычно делаю при встрече, но улыбка получилась настороженной и натянутой. Я это поняла и поскорее прошла вперед, Д. последовал за мной. Все были уже в сборе, ждали только нас. Свободные места остались только на диванчике, и нам с Д. пришлось сесть на него. Присаживаясь, случайно задела его коленом и сразу же заволновалась, но посмотрев на Д., поняла, что он этого даже не заметил, облегченно выдохнула. Это невыносимо, нужно взять себя в руки и не беспокоиться по каждому пустяку...

Обсуждение длилось больше часа. Основная сюжетная линия – извечная тема неравной любви. Он и она – представители разных сословных групп, их любовь невозможна. Ничего нового, сложного и замысловатого. По ходу развития событий молодая девушка восстает против сложившихся устоев и правил. Во второй части выступления я должна буду прыгнуть с небольшой высоты – кульминация номера. Этот прыжок меня сразу насторожил, а в остальном по ходу репетиций будет ясно.

Иногда поглядывала на Д. и подмечала, что он тоже особо не вникал в суть разговора, только изредка вставлял небольшие реплики – либо соглашался, или высказывался, что так сделать не получится. Но Макс с режиссером долго и рьяно спорили и обговаривали каждую мелочь, что вконец

мне стало совсем скучно и нудно. Д. видимо, это заметил и, наклонившись, негромко произнес:

– Потерпите, может их еще хватит на полчаса, максимум минут на сорок и то вряд ли.

Я отвлеклась от разговора и посмотрела на него. Он тоже не сводил с меня глаз. По спине пробежала дрожь, но я нашла в себе силы ответить:

– Надеюсь...

Д. продолжал:

– Во время репетиций все равно многое изменяют!

Я лишь пожала плечами. Наверное, ему лучше знать...

21.07.2005 г. Сегодня, наконец, начались репетиции: в танцевальной студии приступили к разучиванию основных движений. В школе я немного занималась танцами, но это было так давно, что я уже все позабывала. Вначале у меня мало что выходило: никак не могла поймать нужный ритм и такт. Утешало лишь одно, что сегодня только первая тренировка, к концу которой я так устала, что, кажется, у меня ныл каждый миллиметр тела, и сил хватило лишь на то, чтобы добраться до гостиничного номера, где я просто рухнула на кровать и мгновенно отключилась. Давно мой организм не испытывал такой физической встряски. Я только сегодня до конца осознала, во что ввязалась. Работа, чувствую, предстоит нешуточная.

18.08.2005 г. Прошел месяц. Самолет авиакомпании «British Airways» сегодня доставит нас в Лондон, где уже

через день состоится выступление: с одной стороны долгожданное, с другой – пугающее и волнующее. Долгожданное потому что на этом моя часть работы будет завершена, и я спокойно смогу вернуться домой: приключений с меня достаточно. А пугающее и волнующее – оттого, что я никогда не выступала на сцене перед тысячным залом зрителей, хотя я пару раз читала лекции в больших залах, но они были максимум на сто мест. Кроме того это были доклады по психологии, а здесь совсем другое. Хотя если честно, мне кажется, разбуди меня среди ночи, я без труда смогу повторить весь танец. Это все страх и волнение затуманивают разум и заставляют напрасно беспокоиться.

Хотя сегодняшним утром меня большие пугал и навевал ужас предстоящий перелет. Не поддающемуся описанию страхом я поднялась на борт самолета. Кирилл с Д. уступили мне место у иллюминатора, потом сел Д., рядом с ним Кирилл. Мне было все равно. Прежде, чем присесть, я окинула взглядом салон: у всех были такие спокойные и расслабленные лица, будто они собирались не на самолете лететь, а не спеша проехаться на автобусе. Неужели я одна места себе не нахожу? Я присела в кресло, положила голову на массивную спинку и, прикрыв глаза, изо всех сил старалась побороть страх...

– Мы скоро взлетаем, пристегнитесь! – раздался голос Д. Я вздрогнула и, вслепую нащупав ремни безопасности, попыталась их соединить, но руки дрожали, и у меня ничего

не выходило.

– Дайте мне, – вмешался Д.

Я лишь успела убрать руки, как мигом ремень щелкнул, и Д. откинулся на свое кресло и тоже пристегнулся. Спустя несколько минут начали заводить двигатели, и в салоне появился незначительный шум. Все мое существо охватил дикий первобытный страх, сковавший тело. Никогда в жизни так не боялась. Я вцепилась руками в поручни и не мигающим взглядом смотрела в иллюминатор, где медленно проплыло здание аэропорта. Постепенно скорость стала увеличиваться, шасси оторвались от асфальта, и самолет начал набирать высоту. Я ахнула и зажмурила глаза, но почувствовав, что кто-то взял меня за руку и сжал ее, снова открыла.

– Вы тоже боитесь летать? – спросил Д., поглядывая на меня.

– Да... Раньше я никогда не летала...

– Я за десять лет так и не смог побороть этот страх.

Я кивнула в ответ, а он, наклонившись, полушепотом спросил:

– Мне любопытно, чего вы сейчас боитесь сильнее: полета или меня?

Мгновенно лицо вспыхнуло, и я отвернулась к иллюминатору, взволнованная и покрасневшая. Ничего не замечая, тщетно пыталась привести в порядок мысли и чувства...

– Можете отстегивать ремень, мы набрали нужную вы-

соту, – снова послышался голос Д. – Помочь?

– Нет, я сама... – произнесла в ответ и невольно улыбнулась.

Резко меня осенило: «Вот хитрец! Специально же сделал, чтобы отвлечь от гнетущих мыслей!» Я отстегнула ремень; вибрация, усиливающаяся при взлете, исчезла, и самолет стал плавно лететь, бороздя просторы воздушного океана.

– Кто будет завтрак? – поинтересовался Кирилл. – Лесь?

– Нет, спасибо, я не голодна.

– Вы успели позавтракать?

– Я с шести часов на ногах. У меня было достаточно времени.

Д. усмехнулся:

– Я только продрал глаза и напрямик в аэропорт.

Вскоре Кирилл с Д. принялись за еду, а я вынула из сумки блокнот и стала добавлять недостающие записи. Лететь нам около четырех часов, зачем тратить это время впустую...

Поделюсь впечатлениями о прошедшем месяце, который выдался очень тяжелым. Я так уставала, что не в силах была даже писать. Подумать только, для каких-то шести минут «живого» выступления, было приложено столько трудов и стараний. Надеюсь, все усилия не пропадут даром. Я так не хочу подвести в самый ответственный мо-

мент.

После первой недели усердных тренировок наш танец потихоньку начал вырисовываться и обретать форму. Выдержке хореографа можно только позавидовать! Правда, я немного путалась, не всегда попадала в такт, но утешала себя тем, что времени еще достаточно. Мне было непривычно и от того, что у меня ведущая роль, остальные четыре девушки ориентировались на меня. Хотя, по словам Кирилла и Макса, которые забежали иногда на пару минут, чтобы осведомиться о ходе репетиций, так вообще все отлично: они по этому поводу особо не заморачивались.

Вот, наконец, я освоилась, проблеснул лучик уверенности в том, что у меня хоть что-то получается и все усилия не напрасны, мы перешли танцевать на сцену, где совсем другая обстановка и аура: ориентироваться и сосредоточиться гораздо сложнее. Меня пугало огромное пространство сцены, а пустой зрительный зал не внушал уверенности. По словам Кирилла, сцена, где будет проходить конкурс, в разы больше. (В знак утешения было сказано!) К тому же мы отрабатывали только первую часть выступления, вторую с прыжком пока не трогали, ее еще предстояло отрепетировать. Меня все чаще одолевали страхи, что того времени, сколько у нас осталось до выступления просто не хватит, но стоит подметить, это интересный опыт, совершенно другой мир. Я постепенно втянулась в процесс, прониклась царящей атмосферой.

Две оставшиеся недели выдались особенно трудными: отрабатывали весь номер целиком. И было тяжелее не сколько в техническом плане, сколько в эмоциональном. До этого я чувствовала себя спокойно, полностью отдавалась тренировкам, а теперь мне было трудно побороть скованность и застенчивость в присутствии посторонних людей, которые то и дело шныряли по залу, глазели, выискивали недочеты. Это сеяло дискомфорт и не позволяло полностью сосредоточиться. Правда, в ходе последних репетиций я подметила, что когда Д. исполнял песню «вживую», а не звучала фонограмма, я лучше улавливала ритм танца, будто тело само двигалось в такт...

Еще несколько дней заняла постановка прыжка. Тут-то и начались трудности! Как и говорил Д., на словах было много чего сказано, а в реальности на сцене все потерпело провал: долго не могли придумать, как выразительней его обыграть. Наверное, только после четырех дней мытарств, обрисовалась кое-какая сюжетная линия.

С горем пополам всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями к концу третьей недели я, наконец, запомнила весь танец. Теперь самым сложным оказалось для меня, обыграть весь номер эмоционально. Если я думала о движениях, забывала о выражении лица, и наоборот, хотя скрывать волнение и делать непринужденный вид в присутствии Д. у меня получалось еще хуже. Самый лучший вариант находится поодаль от него. Но на сцене во время репетиций это

не просто: мы постоянно с ним сталкиваемся и пересекаемся, а о концовке выступления я вообще молчу. К тому же он всегда находится в окружении девушек, что привлекает мое внимание.

Был случай, меня с поличным поймал Кирилл: он неслышно подкрался ко мне и резко спросил:

– Что вы там такого занимательного увидели?

Я в это время смотрела на Д.: он стоял поодаль с одной девушкой-танцовщицей и о чем-то разговаривал.

– Кто я? – от неожиданности переспросила у Кирилла и взглянула на него, потом снова на Д. и поняла, что Кирилл все заметил, а он лишь добавил:

– Вы-вы!

– Это не то о чем вы подумали... – попыталась я оправдаться и под конец, раскрасневшись, ушла.

Дописав последнюю строчку, отложила блокнот и посмотрела на время: оставалось еще полтора часа. Писать больше ничего не хотелось, я расслабилась и решила насладиться полетом: вид из иллюминатора на синеву неба и белизну облаков как-то умиротворяюще действовал. Я и не подозревала, что на высоте десять тысяч метров, можно найти что-то для души. От утреннего страха и следа не осталось, и я не заметила, как задремала. В чувства меня привел голос Д.: «Мы приземляемся!» Я встрепенулась, недоумевая, почему так быстро, и впопыхах стала искать рем-

ни безопасности, но они уже были застегнуты. Я лишь успела покоситься на Д., как снова начались вибрация и шум, но они продолжались недолго, и наш самолет в четырнадцать двадцать шесть благополучно приземлился в аэропорту «Хитроу» города Лондона. Еще около часа ушло на регистрацию и дорогу до гостиницы. А в номере я как-то сразу прилегла: после перелета все тело ломало от усталости...

Резкий звонок прервал сон. Спросонья подняла трубку. Это Кирилл. Говорит, что они ждут меня к ужину. «Неужели так поздно?» – недоумевала я и взглянула на часы: без двадцати десяти минус три часа, значит без двадцати семи.

– Через минут пятнадцать спущусь, – ответила Кириллу и сбросила звонок.

Вид у меня был заспанный; лицо бледное; идти никуда, честно говоря, не хотелось, но, несмотря на это, я по-быстрому привела себя в порядок и спустилась. Все уже были внизу. Я присела на свободный стул возле Кирилла. Он поинтересовался, что мне заказать. Но есть мне не хотелось, и я ограничилась только чашечкой кофе и бутербродом. За столом тем временем велась оживленная беседа.

– Вы с нами? – спросил невзначай Кирилл.

– Куда?

– Гулять по городу, завтра у нас такой возможности не будет.

Пока я отдыхала, Макс успел взять на прокат машину. Он и сел за руль, рядом с ним расположилась Света – одна из танцовщиц, высокая светловолосая девушка с голубыми глазами, похоже, Максу она приглянулась, – а я, Кирилл и Д. разместились на заднем сиденье.

Катались около двух часов. Лондон не очень был рад нашей поездке, повсюду сопровождал мелким проливным дождем. Что сказать город дождей и туманов! Макс неплохо ориентировался в городе – большинство альбомов они сводят в лондонской студии, – и мы успели взглянуть на все главные достопримечательности, многие из которых хорошо знакомы еще со школьной скамьи, а в свете уличных фонарей на фоне ночного неба они смотрелись поистине очаровательно. Мы увидели очертания Лондонского Тауэра и Тауэрского моста на горизонте, проехали мимо знаменитого Биг-Бена, полюбовались игрой света в кристальной воде фонтанов Трафальгарской площади и яркими неоновыми экранами на площади Пикадилли. Когда дождь закончился, сделали небольшую остановку и пошлись по набережной вдоль Темзы – главной водной артерии города. Да, ночью Лондон выглядит потрясающе. Это грандиозная феерическая игра архитектуры и света накладывает незабываемые впечатления.

А когда окончательно озябли, снова сели в машину. Макс предложил поехать в один хороший местный паб. Мне эта идея изначально не понравилась: я не очень жалею подобные

заведения, но Света сразу загорелась, стоило Максиму упомянуть о нем.

Доехали мы достаточно быстро. Внутри было шумно и многолюдно. Наш столик оказался в самой глубине, и чтобы до него добраться, пришлось протискиваться через всю толпу. Я держалась Кирилла: он единственный вызывал у меня доверие, среди всей нашей компании. Они сразу стали выпивать, а через некоторое время к нам присоединилось еще два мужчины, уже слегка подвыпивших, по-видимому, их знакомые. Один хорошо говорил по-русски, другой только на английском. Последний, не успев усесться за наш столик, стал кидать на меня такие пристальные буквально раздваивающие догола взгляды, от которых по спине бегали мурашки, и становилось не по себе. Еще мгновение, и он бы приблизился ко мне, но я успела встать и попросить Кирилла, чтобы он отошел со мной. Он не возражал. На улице снова накрапывал дождь. Я с облегчением вздохнула.

– Вам не по душе местная компания? – спросил Кирилл.

– Да, я не люблю подобные заведения.

– Хотите вернуться в гостиницу?

– Да, вызовите мне такси и можете возвращаться. Я бы и сама, но я совершенно не ориентируюсь и не понимаю, где я сейчас нахожусь и куда мне нужно ехать.

– Пойдемте.

Я взяла Кирилла под руку, и мы пошли на стоянку такси. Двадцать минут, и мы в гостинице, где я сразу же легла в

постель, но уснуть мне не удалось... Большая стрелка вновь миновала отметку двенадцать: начало третьего... Неожиданно за дверью раздался какой-то непонятный шум. Я насторожилась, а от последовавшего за ним громкого оглушительного стука среди ночной тиши содрогнулась. Снова стук... «Кто это? – с ужасом подумала. – Хотя... Может что-то случилось?» Долго колеблясь, я все-таки поднялась и приблизилась к двери. Еще один стук... Я отворила щеколду и, приоткрыв дверь, выглянула в коридор, где, прислонившись спиной к стене, стоял Д., вдрызг пьяный. Я хотела захлопнуть дверь обратно, но он успел схватиться за нее рукой.

– Что вы делаете?! Уберите руку! – возмутилась я.

Д. меня не послушал и, открыв дверь нараспашку, видимо, хотел войти, но не удержался и плюхнулся на меня. Я чудом устояла на ногах и смогла прислонить его к стене.

– Так, стойте здесь и не шевелитесь! Я дверь прикрою.

Пока я закрывала щеколду, Д. снова попытался отойти, но я успела схватить его:

– Я же вам сказала стоять на месте! Обхватывайте меня за плечи!

– В-в-вам не обязательно это делать!.. Я и сам в сос-с-состоянии д-д-дойти...

– Я вижу! Не геройствуйте и идите ровно, я вас не удержу!

– Я ровно иду...

– Ровно, просто сегодня немного ветрено.

Д. усмехнулся. Кое-как петляя из стороны в сторону, мы дошли до кровати и он, наконец, опустился на ее край, норовя прилечь.

– Подождите! – Он взглянул на меня. – У вас вся куртка мокрая.

Он осмотрелся и принялся ее стаскивать, но у него это плохо получалось, и мне пришлось ему помочь.

– Ты не-не справедлива... – начал бубнить Д.

– Лучшие сидите молча и не возражайте, не то я вас быстро выпровожу в коридор, и мне будет все равно, что вы там станете делать, хоть разнесите пол гостиницы.

Он молча показал, что закрыл рот на замок.

– Все ложитесь!

Д. не сопротивлялся и буквально сразу же засопел, стоило ему коснуться подушки.

«А мне что теперь делать? – недоумевала я, поглядывая на него. – Свалился же на мою голову. И зачем я только дверь открыла?!»

Я взглянула на часы: половина третьего. Утро еще не скоро. Накинув на плечи одеяло, я присела в кресло, и на некоторое время задремала...

19.08.2005 г. Очнулась через три часа от того, что все тело затекло и ломило; на улице светало. Д. преспокойно спал в моей постели, а я промучилась остаток ночи на узком и неудобном кресле. «У него такое серьезное выражение

лица во сне: брови насуплены и между ними явно проступает складка... Ой, что это я!» – и быстро отвела взгляд в сторону и отправилась в душ, а выйдя, подошла к окну: над городом навис густой туман. Я взобралась на подоконник и стала наблюдать за тем, как постепенно он рассеивался, и начинали вырисовываться контуры соседних зданий...

К двенадцати часам проснулся Д. и то из-за того, что у него заиграл телефон в кармане брюк. Я продолжала молча сидеть на подоконнике. Он не сразу обратил на меня внимание, а когда заметил, застыл на месте и с минуту изумленно глядел.

– Что вы тут делаете?..

Я усмехнулась.

– Вы неправильно задаете вопрос. Что вы делаете у меня в номере?

Он осмотрелся, а я тем временем спрыгнула с подоконника, но отходить сразу не стала, лишь скрестила руки на груди.

– Как я здесь оказался?

– Вы пришли среди ночи, еле стоя на ногах, и ввалились ко мне в номер.

– Вы могли меня не впускать...

– Могла, но когда это поняла, было поздно. А тащить вас на себе до вашего номера, извините, вы переоцениваете мои физические возможности!

– Мне лучше уйти...

Д. опустил ноги на пол и резко схватился руками за голову.

– Болит? – спросила я и, взяв свою сумку, стала в ней рыться, потом, добавила. – Могу предложить только аспирин.

Он кивнул.

– Одну, две?

– Две...

Я ему протянула их и отошла за водой. У него снова заиграл телефон. На этот раз он поднял трубку:

– Да... Через минут пятнадцать спущусь... Я помню, что в два часа репетиция... Я спал... Кир, давай потом! Голова просто раскаляется.

И сбросил звонок. Я протянула ему воду.

– Я пойду...

И он поднялся с кровати и, поравнявшись со мной, наклонился, чтобы поставить стакан на комод, мимоходом скользнул по мне взглядом. Я замерла... Потом все-таки опустил его и отошел. Я судорожно выдохнула.

– Ваша куртка, – произнесла я, еле выговаривая слова и молясь, чтобы голос не дрогнул.

– А ключи?..

– Не знаю, я их не видела, проверьте карманы.

Д. потряхнул куртку, и они выпали на пол. Он их поднял. Я усмехнулась.

– Надо было самой посмотреть и воспользоваться, что-

бы не ютиться остаток ночи на узком и неудобном кресле...

Он застыл на месте и молча смотрел на меня, прожигая взглядом. По спине побежала дрожь. Потом спросил:

– Что я наговорил?

– Ничего, вы были не в том состоянии...

И он резко направился к двери. Уже схватившись за ручку, еще раз обернулся, будто хотел что-то спросить, но видимо передумал и вышел.

В два часа мы отправились в концертный зал «Астория», что на Чаринг кросс, на сцене которого уже завтра будем выступать. По словам Кирилла это культовое и знаковое заведение для рок-музыкантов, как и для рок-культуры в целом: здесь начинали музыкальную карьеру многие британские рок-группы и исполнители, впоследствии прославившиеся на весь мир. Кроме того в разное время здесь выступали такие именитые группы, как «Nirvana», «The Rolling Stones», «Queen»; из наших отечественных – «Машина времени», «Чайф». Вообще посещение Лондона для любого уважающего себя музыканта можно сравнить с посещением паломниками Мекки или Иерусалима. Лондон – «святая святых» рок-н-ролла, его колыбель.

Репетиция была запланирована на три часа, но из-за возникших технических неполадок нам пришлось прождать еще целых полтора часа, пока все снова не наладили. Д. все это время склонялся по гримерной, изнывая от головной боли.

Похоже, таблетки не помогли. «И кому это нужно было! – мысленно возмущалась. – Напиваться до поросьячьего визга, чтобы потом весь день мучиться и страдать, тем более, когда на носу последний прогон, а завтра и само выступление!» Я еще раз залезла в сумочку в поисках таблеток, но, увы, кроме аспирина ничего подходящего не нашла. Я оторвала две штуки и, налив в стакан воды, направилась к Д.: он сидел на стуле, наклонившись вперед, и держался руками за голову.

– Лучшее не стало? – спросила я и протянула таблетки, он их молча взял и выпил. – Где чувствуете боль?

– Не понимаю...

– Я имею в виду, где болит, в висках или отдает в затылок?

– Вся голова раскалывается!

– Ясно, обопритесь хорошо о спинку стула.

Д. с удивлением взглянул на меня, но сделал так, как я просила, а я тем временем расположилась сзади него и, опустив пальцы на виски, круговыми движениями начала их массировать. Он сперва сидел прямо, но потом стал опираться на меня головой. Я пробовала отстраниться от него, но мои попытки были тщетны: я не могла отойти на необходимое расстояние, так как потом не дотягивалась руками. В конечном счете, мне это надоело, и я попросила его наклонить голову чуть-чуть вперед, чтобы помассировать шею.

– Нет, ну я только начал расслабляться, – запротестовал Д.

– Мышцы у вас и вправду напряжены.

– И я о том же...

– Возможно, из-за этого головная боль и не проходит...

Все это время я старалась не смотреть на него, делая все на ощупь. К нам подошел Кирилл и, присев на край стола, усмехнулся:

– Очередь здесь?! Мне потом, пожалуйста, тоже.

Д. отмахнулся от него, показывая, чтобы он не мешал и шел дальше, но Кирилл и не собирался уходить.

– Что-то вы вчера изрядно надрались!

– Голова просто раскалывается! Я тут подумал, не подсунули ли они нам чего? Это уже не первый раз, когда так хреново после их пошла.

– Возможно... – пожав плечами, отозвался Кирилл.

– Может, просто меру нужно знать? – не удержавшись, съязвила я.

– В свете некоторых событий это риторический вопрос. Кир, ты не находишь, что... Кстати, как вас по отчеству?

– Юрьевна...

– Олеся Юрьевна, сегодня слишком великодушна?

«Ну, начинается!» – подумала я, а Кирилл усмехнулся.

– Вы правы, после вашей вчерашней выходки мне следовало вести себя иначе.

– Так и я о том же, а вы поступаете прямо противополо-

ложно.

– Вам больше бы понравилось, устрой я головомоёйку?

– Не знаю... Но ваша забота пугает гораздо больше.

Кирилл снова усмехнулся и поинтересовался:

– Что за выходка? Я что-то пропустил?

Д. уже намеревался начать говорить, но я его перебила:

– На вашем месте я была бы осторожнее с ответами, особенно когда мои руки находятся у вас на шее.

– Похоже, мышка обхитрила кошку и поймала в ловушку! – произнес Кирилл и рассмеялся.

А я сделала ещё несколько поглаживаний и сказала, что все. Кроме того в кармане завибрировал телефон.

– Как? – возразил Д. – А голова?

– Длительный массаж тоже вреден. В конце концов, отправьте кого-нибудь в аптеку за хорошими таблетками, а мне нужно ответить на звонок.

И вышла в коридор: это была Настя...

Репетиция продлилась до семи часов вечера: все прошло гладко, без явных заминок – вот бы и завтра так выступить! Совсем не хочется, чтобы столько усилий и стараний пропало даром, ведь работа проделана нешуточная. К середине репетиции Д., похоже, стало лучше, и он отблагодарил меня не дюжей порцией пристальных взглядов...

20.08.2005 г. Вот он – решающий момент – день выступления. Я жутко волновалась и не находила себе места с са-

мого утра. Шум и беготня действовали на нервы, а временами обуревал такой ужас, и, казалось, что я напрочь забыла все, что мне нужно сделать на сцене. Макс с Кириллом постоянно подбадривали меня, а я, единственное чего хотела: сбежать оттуда, куда глаза глядят. Что я вообще здесь делала среди этой кучи совершенно незнакомых людей?

Мы выступали под семнадцатым номером. До выхода на сцену оставались считанные минуты. Я стояла поодаль ото всех и переступала с ноги на ногу, временами смотрела на Д.: он тоже выглядел напряженным и взволнованным. Это меня немного успокаивало. «Если человек с таким огромным опытом выступлений на сцене волнуется, для меня это вполне объяснимая реакция».

Еще раз взглянув на Д., заметила у него кровь на ребре правой ладони. Не раздумывая, подошла к нему и взяла за запястье. Он этого не ожидал и с удивлением посмотрел на меня.

– У вас кровь, – произнесла я и повернула ладонь.

Д. резко глянул на нее.

– Видимо задел о струны гитары...

– Сейчас принесу пластырь.

Вернулась быстро: медлить времени нет.

– Дайте руку, я приклею пластырь.

Д. вытянул ее и положил мне на ладонь; я ощутила тепло, исходившее от нее... Прошли считанные секунды, и пластырь приклеен.

– Вот и все, – отозвалась я и добавила. – Будьте внимательнее.

Д. не сразу отпустил мою руку и, нежно сжав ее, произнес слова благодарности. Я кивнула в ответ и отошла на прежнее место, заметив, что он провожает меня пристальным взглядом, но на размышления времени нет: буквально через пару минут ведущий объявил наш выход.

Первыми на сцену отправились ребята и заняли места за музыкальными инструментами. Когда началось ритмичное барабанное соло, Д. устремился на сцену, мы с девушками последовали за ним. Слава богу, разум вытеснил волнение и страх, и когда Д. начал петь, мы в такт музыки стали совершать движения, доведенные до автоматизма. Первая часть выступления прошла без заминок!..

Второй куплет... Я поднимаюсь по лестнице и, приблизившись к краю ниши, несколько секунд ждущу прежде, чем прыгнуть. Свет на сцене приглушают, и одновременно чувствую, как к спине прицепляют страховочный трос... Вот нужный аккорд, и я, стараясь не смотреть вниз, делаю шаг вперед, в неизвестность... Мгновенно трос срывается, и я понимаю, что падаю без страховки! От ужаса изо всех сил зажмуриваю веки...

Говорят, что в такие моменты вся жизнь проносится перед глазами со скоростью света, как в немом кино, кадр за кадром. Смело заявляю, ничего подобного не происходит: ты даже подумать ни о чем не успеваешь, только о необра-

тимости случившегося с четким осознанием того, что вот и все!.. Это конец!..

Резкий толчок, и жуткая острая боль пронзает правую ногу... Но я не упала!.. Кто-то меня поймал!.. Мгновенно открываю глаза и сквозь пелену слез вижу лицо Д. Без сил падаю к нему на грудь и еще большие заливаюсь слезами. Он это чувствует и лишь сильнее прижимает к себе... Последний припев он не допел. Ребята технично перестроились и перешли к заключительному проигрышу, который показался таким долгим, словно длился целую вечность. Но нет! Вот и последняя барабанная дробь, аплодисменты и темнота...

Сразу же на сцене поднялись суета и суматоха: все забегали, стали отключать аппаратуру, убирать декорации. Я попыталась отстраниться от Д. и наступить на ногу, но не смогла: жуткая острая боль прошла по всему телу. Д. это заметил и, подхватив меня на руки, унес со сцены. Буквально на секунду прикрыла глаза: яркий свет после полумрака сцены слепил, а когда открыла, мы почему-то оказались в маленькой, плохо освещенной комнатке – это была не наша гримерка! Д. опустил меня на какой-то твердый предмет. Помню, я сама прижалась к его груди. В те минуты он показался мне самым близким и родным человеком, будто мы знали друг друга целую вечность. Не знаю, почему мы начали целоваться, почему я уступила его ласкам?..

...Еще один поцелуй и все!.. Д. продолжал меня обнимать, уткнувшись лицом в шею. Я чувствовала его дыхание, сбив-

чивое и учащенное. Я тоже дышала часто, изо всех сил пыталась прийти в себя, но в голове царил сплошной беспорядок. Меньше всего хотела, чтобы он меня отпустил, но жуткая боль усиливалась и становилась нестерпимой. По щекам снова потекли слезы. Д. это почувствовал и, немного отстранившись, смахнул их рукой. Я ощущала на себе его взгляд, но сама долго не решалась посмотреть на него, а когда случайно наши глаза встретились, будто бы захлебываясь воздухом, произнесла:

– Н-н-нога...

Д. еще раз прижал меня к себе, потом подхватил на руки и вышел в коридор. Как же я не хотела, чтобы он меня отпустил!.. Но вот и наша гримерная, о чем сообщала вывеска на двери. Внутри было шумно: все кричали, ругались, но увидев нас, стихли. Д. усадил меня на диван и отошел. В ту же секунду я почувствовала себя опустошенной и разбитой, будто оказалась в другом параллельном измерении, будто все это происходило не со мной... Ощущение реальности придавала только боль, которая не утихала. Наконец, я взглянула на ногу: она побагровела и опухла. Тут же ко мне подошел какой-то незнакомый мужчина, и стал ее осматривать.

– Нужно в больницу, как бы перелома не было, – произнес он и, перевязав ногу куском ткани, добавил. – Свет, и найди что-нибудь холодное.

Пока Света помогала мне переодеваться, чтобы ехать в

больницу, в примерке снова стало шумно. Мне было все равно. Взглядом я искала Д.: он стоял с Кириллом в другом конце комнаты, Кирилл настойчиво пытался в чем-то его убедить, но Д. долго не соглашался, а когда все-таки уступчиво кивнул, Кирилл направился ко мне.

В больнице врач осмотрел ногу и снял рентген. Слава богу, обошлось без перелома – я отделалась надрывом связок голеностопного сустава, но гипсовую повязку все-таки наложить пришлось. Вдобавок ногу нельзя тревожить целых три недели! Что буду делать, не представляю!.. На ночь я осталась в больнице, а утром Кирилл пообещал меня забрать.

Когда все вышли из палаты, а боль постепенно стала утихать, меня охватило странное чувство: все казалось каким-то призрачным и затуманенным. Прошлого, будущего, словно не существовало, были только больничные стены и нога в гипсе. Да что там до прошлого, до будущего! Мне казалось, что меня не существует! Кто я? Что я? Где я? Какое-то пограничное состояние...

Поначалу казалось, что и усну я, вряд ли этой ночью, но была не права: уснула достаточно быстро и проспала бы до утра, если бы не начала ныть и болеть нога. Ясности в мыслях так и не появилось: по-прежнему все было туманно и расплывчато. С утра во время обхода дежурный врач осмотрел ногу, утешительного ничего не сказал, только дал

назначение медсестре обезболить ее, а вскоре пришел Кирилл...

21.08.2005 г. Вот я и в гостиничном номере, лежала и смотрела от безысходности в потолок. Внутри пустота. Весь мой привычный мир рухнул, как карточный домик, я не знала о чем думать, что делать. Все мысли сводились к вчерашнему вечеру. Как бы мне хотелось, чтобы все это оказалось не более чем безумным и нелепым сном, но нет!.. Перед глазами стояло лицо Д., а стук его сердца до сих пор отдавал в ушах. «Как так получилось, что мы были близки? Как я могла ответить ему взаимностью? О чем я только думала? – ужасалась своему поступку, но тут же договаривала. – Я не в состоянии была думать после неудачного прыжка и страха разбиться... А ведь он меня спас! – Лицо вспыхнуло. – Что же мне теперь делать?!»

Резко, как гром среди ясного неба, раздался стук. Я вся содрогнулась: от одной мысли, что это может быть Д. и что нам предстоит встретиться лицом к лицу при свете дня, – я к этому не готова! Еще раз постучали; я нерешительно отозвалась и, натянув повыше плед, с такой силой сжала его, наверное, надеялась, что он защитит меня от неизбежного. Но к счастью, это пришли Кирилл, Макс и Никита, Д. с ними не было. Они извинились за случившееся, и мы разговорились. Я поинтересовалась насчет выступления, все-таки любопытно, чем все закончилось.

– Одиннадцатое место, что совсем не плохо среди двадца-

ти шести претендентов, – ответил Макс. – К тому же мы участвовали не ради каких-то регалий, титулов и призов, а, чтобы расширить границы для творчества, занять новых фанатов. Мы давно хотели, чтобы нашу музыку услышали за пределами страны, а участие в мировом конкурсе – хороший способ заявить о себе, поэтому победа, как таковая, не играла особой роли.

– Главное – не победа, а участие, – отозвалась я.

– Типа того.

Потом слово за слово и Кирилл невзначай предложил, если я не тороплюсь домой, поехать в Кисловодск. Оказывается, он живет там с женой. А Никита пошутил, что может хоть так, они загладят свою вину. Я, долго не раздумывая, согласилась.

– Замечательно, – отозвался Кирилл. – Как только вернемся в Москву на ближайший рейс до Кисловодска?

Я одобрительно кивнула, и Кирилл сейчас же пообещал заняться билетами. Вскоре они ушли, а я задремала; меня разбудил снова стук. Я почему-то подумала, что это вернулся Кирилл, и без задней мысли отозвалась, но вместо него в дверном проеме показался Д. Я испуганно приподнялась с подушки; сердце замерло. Он хотел что-то сказать, но тут снова постучали. Он открыл дверь. Это был Кирилл.

Войдя, он взглянул на нас и молча положил билеты на тумбочку. Ушли они вместе.

22.08.2005 г. Сегодня к двенадцати часам мы прилетели в Москву, а в четырнадцать тридцать у нас поезд до Кисловодска: я, Кирилл и Д. поедem туда. Да-да, он поедет с нами. Мне об этом сегодня утром сообщил Кирилл, когда мы ехали из аэропорта. Я сразу заволновалась и уже хотела отказаться от поездки, но он успокоил меня, уверив, что все будет хорошо. И я, скрепя сердце, согласилась, хотя я так надеялась, что, уехав в Кисловодск, все закончится, как страшный сон. Но нет!

Дорога оказалась невыносимой. Под конец я готова была возненавидеть себя за то, что согласилась на поездку: Кирилл взял мне и Д. билеты в одном купе, а себе в соседнем. Это было сущей пыткой. Из-за упрямства отчаянно старалась научиться пользоваться костылями, но при этом каждый раз рисковала потерять равновесие или обо что-нибудь зацепиться – поезд не лучшее место учиться ходить на костылях. К счастью, Д. оказывался рядом всякий раз, когда мне нужна была помощь.

Кирилл же постоянно старался разрядить обстановку. Складывалось впечатление, будто он знает, что между мной и Д. что-то происходит. Возможно, он был и в курсе, ведь они с Д. – друзья. Днем пыталась сосредоточиться на чтении книги или лежала с закрытыми глазами, делая вид, что сплю, но спать мне меньше всего хотелось – сама не знаю почему? Ночью тоже чувство настороженности не отпускало меня, к тому же часто беспокоила нога, кото-

рая периодически ныла и болела.

Глава III

23.08.2005 г. В Кисловодск мы приехали около семи часов вечера. Кирилл познакомил нас со своей женой – Майей. Она оказалась очень милой и приятной женщиной: на вид ей около тридцати пяти, среднего роста, во внешности сразу привлекали внимание смуглый цвет кожи и большие карие глаза, обрамленные черными ресницами. Майя работала медсестрой в санатории «Ц***», в нем она нас и разместила. Здесь удача тоже была на моей стороне: как назло, на первом этаже не оказалось свободных номеров, и нам пришлось заселиться на втором. Я представила, сколько неудобств это создаст.

– Если кто-нибудь съедет раньше времени, я сразу сообщу, – попыталась успокоить Майю, увидев негодование на моем лице. – Еще я договорюсь с кем-нибудь из персонала, чтобы вам во всем помогли и на меня вы всегда сможете рассчитывать. Не тревожьтесь, вам у нас понравится. Еще никто не уезжал отсюда в расстроенных чувствах.

«Надеюсь!..» – промелькнуло в голове, а оставшись в номере одна, с облегчением вздохнула и заснула беспробудным сном.

24.08.2005 г. Утро не принесло долгожданного облегчения: я проснулась с мучительной головной болью и непонятным внутренним беспокойством. Через некоторое время

пришла Майя, она помогла мне одеться и спуститься к завтраку. Есть совершенно не хотелось, и я ограничилась лишь стаканом апельсинового сока. Вскоре подошел Кирилл.

– Ну что, пойдёте на прогулку. Я вам тут все покажу.

– Да, хорошо бы...

– У меня для вас маленький сюрприз! – улыбаясь, произнес Кирилл. – Смотрите, что я раздобыл.

Я обернулась.

– Думаю, на коляске вам будет удобнее передвигаться, пока нога не восстановится, и вы не сможете ходить самостоятельно.

– Да, с костылями у меня плохо получается управлять-ся.

Майя помогла мне пересест в коляску, и мы поехали. Д. ждал нас на крыльце. Я вздрогнула, когда его увидела, но, тем не менее, мы втроем отправились гулять по окрестностям санатория.

– Вы сегодня бледны? – спросил Кирилл.

– Не очень хорошо себя чувствую.

– Ничего, через три-четыре дня освоитесь, и все придет в норму. Горный воздух творит чудеса!..

5.09.2005 г. Прошло две недели, как мы в Кисловодске. За окном начало сентября, а погода стоит прекрасная. По словам Кирилла, осень в Кисловодске – самое замечательное время года, когда пасмурных дней практически не бывает и все дни напролет стоит солнечная безветренная погода...

Божья благодать! А воздух такой прозрачный и чистый. Единственное к вечеру, если подольше задержаться в парке, начинает сквозить прохладой с кавказских гор и ощущаться дыхание осени.

А что еще нужно для отдыха и оздоровления? Я быстро пришла в форму и душевно и физически. Здешний воздух бодрит и дарит просто необъятный прилив сил. Все невзгоды, кажется, отступают, и в душе поселяются мир и покой...

Буквально на четвертый день я почувствовала себя лучше. Первым признаком было то, что я проснулась ни свет ни заря. На улице только-только начинало светать, хотя первые дни спала до завтрака и спускалась в столовую сонная и зевающая. Но не в тот день! Пока делала кое-какие записи в дневнике, не заметила, как взошло солнце и наполнило номер яркими лучами, которые то и дело пробивались сквозь тонкие ситцевые занавески, висящие, видимо, больше для создания уюта, но никак не для того, чтобы защищать от света. Приподнявшись с кровати с помощью костылей, подошла к окну и раздвинула их; яркие лучи озарили лицо и я, сморщившись, отвернулась. Мне захотелось от души потянуться навстречу новому дню, но с костылями это вышло затруднения.

Потом к девяти часам спустилась к завтраку, а после отправилась на физ. лечение, которое посещаю через день по назначению врача, а затем почти до самого вечера мы гуляем по парку – такой распорядок уже вошел в привыч-

ку. Поначалу Кирилл прохаживался с нами, но постепенно стал появляться все реже и реже. Последние семь дней мы гуляли с Д. вдвоем. В начале меня это смущало и настораживало, но незаметно я смирилась с его постоянным присутствием. Пришлось смириться. Держится он естественно и непринужденно, во всем его облике ощущается простота. За эти дни он открылся совершенно с другой стороны: он очень заботлив и внимателен.

Нам двоим по душе уединиться в какое-нибудь тихое местечко подальше от людских взоров и читать книги, иногда просто сидим и разговариваем на отстраненные темы. Воздух Кисловодска, да и обстановка покоя и умиротворения, которая царит здесь, располагают к беседам... Поначалу мне было тяжело найти с Д. общий язык, и я больше отмалчивалась, как партизанка, но он разговорчив от природы – это сразу заметно. Если мне нужно сперва хорошо узнать человека, прочувствовать его и только после этого я могу раскрыться полностью и начать общаться легко и непринужденно, то Д. это не требуется. Ему нравится рисовать передо мной картины жизни, другие страны, а я как губка все впитываю: его интересно слушать, он много, где ездил, много чего повидал, в отличие от меня, домашнего обывателя.

Порой, наблюдая за Д., я не могла понять, что к нему испытываю в данную конкретную минуту. С одной стороны, я знала его как известного человека, в юности он был

моим кумиром, как бы это пафосно не звучало, моя комната была обклеена постерами с его изображением, а с другой – мы сидели рядом и о чем-то разговаривали... Неразбериха какая-то!

6.09.2005 г. Сегодня врач после очередного осмотра сказал, что еще пару дней и можно снимать гипс, в нем больше нет необходимости, и совсем скоро я смогу ходить самостоятельно. Жду не дождусь этого. Мне хочется побольше увидеть и узнать о Кисловодске, набраться новых впечатлений – кто знает, когда я снова смогу сюда вернуться? А так я уже успела проникнуться этим городом, понять, насколько близка его атмосфера мне по настроению: ведь здесь сохранилось так много зданий и сооружений прошлых столетий, а как говорила всегда Настя, с моими причудами мне нужно было родиться не сейчас, а во времена балов и дуэлей...

Сегодня, гуляя после обеда по парку, на скамеечке заметили пожилую женщину лет пятидесяти-шестидесяти с очень экстравагантным видом, будто она сошла с картины девятнадцатого века, но отлично вписалась в окружающую обстановку. На голове у нее красовалась небольшая соломенная шляпка, с прикрепленным букетиком роз, на руках белые кружевные перчатки – никогда не видела, чтобы в наше время носили перчатки, – поверх которых сияли массивные кольца с достаточно крупными камнями, сбоку лежала трость. Она издали обратила на нас внимание и,

когда мы проезжали мимо, окликнула:

– Милая, где же тебя угораздило ногу-то повредить?

– Случайно.

– Не доглядел, кавалер! – и она пригрозила Д. пальцем.

Потом слово за слово и между нами завязался совсем ничего не значащий разговор. Звали ее Надежда Самсоновна. Напоследок она пожелала мне скорейшего выздоровления, а Д. шепнула: «Смотри, береги ее. Другую такую не найдешь», но я все услышала. Как хорошо, что я сидела к Д. спиной, и ему не было видно моего взволнованного лица!

7.09.2005 г. Сегодня, наконец, сняли гипс; отек спал; болей я больше не чувствовала. Честно говоря, я так боялась самостоятельно подняться и наступить на ногу. Первое, что осознала: я напрочь забыла, как это делается, будто и вовсе никогда не ходила.

По словам врача, это естественная реакция, дискомфорт пройдет через пару дней, и мышечная деятельность восстановится, просто следует как можно больше ходить, но без фанатизма. Этому поспособствуют, как он их назвал, лечебные прогулки. Никогда о таком не слышала, но оказывается, здесь в парке разработаны и проложены специальные пешие маршруты с разными углами подъема, ходьба по которым оздоравливает и благотворно влияет в целом на весь организм, хотя мы только тем и занимаемся, что постоянно бродим по парку.

Вечером около десяти часов, когда я уже собиралась спать, на сотку сначала позвонила мама – пришлось выслушать ее триаду по поводу моего долгого отсутствия, а потом Сергей... За все это время он ни разу не напоминал о себе. Оказывается, он на днях вернулся из Германии и очень удивился, когда не застал меня дома. Мы поговорили с ним минут десять, но от беседы остался неприятный осадок в душе... Почему я должна перед ним отчитываться, где я и с кем?! Кто он мне? Я с родителями иногда не до конца честна. Ведь я ничего ему не обещала, просто согласилась подумать и все, а он стал предъявлять непонятные претензии, будто я ему невеста или жена! Но одно мне теперь предельно ясно и не вызывает сомнений: я больше не люблю его. Когда-то мне казалось, что он навсегда останется в моем сердце и в нем не найдется места ни для кого другого, а теперь...

Я подошла к окну и открыла створку; вечер был полетному теплый, безветренный и сухой. И мне захотелось на улицу: маленькое пространство номера душило, не позволяло дышать полной грудью и вытеснить это щемящее чувство изнутри...

Долго не думая, накинула ветровку и, прихрамывая, вышла из номера. Но возле лестничного пролета, озадаченно остановилась. «Как же я буду спускаться?» Я огляделась по сторонам: час был поздний, и из персонала санатория никого не было видно. Простояв пару минут в нерешитель-

ности, я крепко схватилась за перила и стала спускаться. Каждая ступенька давалась с трудом, и я, преодолев всего несколько из них, остановилась передохнуть.

– Далеко собрались?! – неожиданно раздался голос Д.

Я вздрогнула и, вцепившись еще сильнее в перила, обернулась, но он уже сбежал по лестнице и стоял с протянутой рукой. Я пребывала в нерешительности.

– Хватайтесь! Ну же или вам нравится загоразживать проход?

Я взяла Д. под руку, и мы спустились.

– Какая же вы упрямая! Если вы так хотели выйти, могли бы просто написать сообщение, я бы помог, но нет!

Я лишь смущенно отвернулась. Неожиданно у него зазвонил телефон, и он отлучился в сторону, а я сдала ключи от номера и вышла на крыльцо. На вечернем небе ярко мерцали звезды: они здесь почему-то кажутся такими огромными; воздух был свеж и прозрачен; я вдохнула полной грудью и медленно выдохнула... Хорошо!.. Через пару минут вышел Д. и с ухмылкой на лице поинтересовался:

– Куда направляетесь?

– Никуда, просто захотелось выйти на свежий воздух. В номере слишком душно.

– Пойдемте?

– Куда?

– Вон лавочка возле фонтана или вы хотите стоять здесь?

– Нет...

– Руку давайте!

Я уже собиралась возразить, что дойду сама без его помощи, но нужно было опять спускаться, и я нигде не видела перил, а Д. добавил:

– Не ищите, перил здесь нет.

Я внутренне содрогнулась, но пришлось уступить. Поначалу молчали. Д. курил, а у меня все мысли перемешались: в ушах до сих пор звенели слова Сергея, но присутствие Д. не позволяло сосредоточиться и спокойно подумать над ними.

– Вас что-то тревожит? – спросил он, наконец, докурив сигарету.

Я посмотрела на него: «Да, тревожит, и я была бы рада с кем-нибудь этим поделиться, но...», и отрицательно покачала.

– Хотя вы и не говорите, но все написано у вас на лице.

– После ужина у меня был не очень приятный разговор с мамой. Она беспокоится из-за того, что я так долго отсутствую. Думает, что я намеренно выкручиваюсь и насочиняла им с три короба. Хотя ее понять можно. Я и сама, когда уезжала, даже представить не могла, что все так получится, и моя поездка затянется так надолго.

– Вам не кажется, что вы уже взрослая и самостоятельная, и в состоянии решать: что делать, где и с кем находиться?

– Знаю, но вы не знаете мою маму. Она считает, что

должна быть в курсе всего, что происходит в моей жизни.

Мы посидели еще какое-то время, потом Д. резко встал:

– Пойдемте, на улице холодает, вы замерзнете, да и времени уже много.

И вправду я окинула взглядом темное здание: всюду тушили свет, и санаторий погружался в ночной сон...

– Руку, надеюсь, сами дадите? – ухмыляясь, спросил Д., когда мы подошли к лестнице.

– Подниматься мне не тяжело, только спускаться, боюсь оступиться и не удержать равновесие.

Он покачал головой.

– Всего день без гипса, еле передвигаетесь, но продолжаете упрямяться! Руку!

Я безропотно повиновалась. К сожалению, Д. прав, с его поддержкой идти гораздо легче: на большую ногу я практически не наступаю, так слегка опираюсь. Когда мы поднялись на второй этаж, я сразу же убрала руку и произнесла:

– Дальше я сама.

– Как хотите...

Мы попрощались, и я уже немного отошла, но резко остановилась. Д. это заметил и с удивлением взглянул. Я смущенно произнесла:

– Я не взяла ключи...

Он улыбнулся:

– Решили заставить меня перед сном побегать?! Стойте здесь. Я сейчас.

И он спустился, а я осталась посреди коридора, взволнованная и раскрасневшаяся. «Ведь он шутит! Я это прекрасно понимаю, но почему тогда я так...» Резко раздался голос Д. и прервал мысли.

– Вот ключи! – и он протянул их мне. Я медлила. – Держите!

Я, наконец, вытянула руку, и он их отдал.

– Ну, хоть поблагодарите, большего я от вас и не жду.

Я еще сильнее смутилась.

– Спасибо...

– Не за что. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи... – произнесла я и вздохнула, продолжая смотреть ему в след, а потом побрела и сама. «Глупее, чем сейчас, я еще никогда себя не вела. И чего мне не сиделось в номере?..»

10.09.2005 г. Первые два дня без гипса были самыми трудными: передвигалась я медленно, и, преодолев какую-то пару сотню метров, останавливалась, чтобы передохнуть. В эти дни нам с Д. очень полюбились прогулки по Нижнему парку. С утра там практически нет отдыхающих: кто-то на процедурах, кто-то еще спит. Поэтому можно спокойно бродить по аллеям, никто не мешает, нет дневного шума и гама, да и от санатория рукой подать.

Все это время, Д. – моя надежная опора и поддержка, в прямом смысле этих слов, без него я никуда. Казалось бы, его постоянное присутствие должно заставить меня при-

выкнуть к нему, но нет! Я, как и прежде, продолжаю волноваться и испытывать страх. И самое ужасное, что он все это замечает. Просто невозможно, чтобы он ничего не видел и не чувствовал. Порой мне кажется, что это его даже забавляет, а я ничего не могу с собой поделать, как не пытаюсь взять себя в руки, каждый раз одно и то же.

Сегодня не выдержала и прямо ему об этом сказала, на что он заявил:

– Да, в такие минуты мне нравится наблюдать за выражением вашего лица, на вашу внутреннюю борьбу. Вы вроде бы и не хотите соглашаться, но в силу сложившихся обстоятельств вам приходится уступать.

– Не радуйтесь, еще чуть-чуть осталось. Я скоро смогу ходить сама!

Он только усмехнулся.

14.09.2005 г. Каких-то семь дней, и я хожу самостоятельно. Страх, конечно, остался. Скорее даже не страх, а боязнь и чувство неуверенности. А так я несказанно рада. Больше от того, что теперь не буду, так сильно зависеть от Д. Впервые за долгое время ощущаю себя привольно и легко: без костылей, перевязок и бинтов. Это непередаваемое чувство. Чувство свободы!.. Радость от того, что ты сам можешь встать и пойти, куда захочешь без чьей-либо помощи. Почему мы не ценим такие простые вещи, доведенные до автоматизма? Почему перестаем замечать их? Ведь не зря говорят, что начинаешь по-настоящему чем-то дорожить

только тогда, когда этого лишаешься.

Сегодня, возвращаясь с утренней прогулки, на крыльце санатория столкнулись с Кириллом. За последние несколько дней мы его ни разу не встретили.

– Да вы, я смотрю, уже и бегаετε? – улыбаясь, спросил он.

– Бегать рано, но ходить хожу!

– Теперь вам можно и местные красоты показать?

– Я только за!

– Хорошо, в выходные, если планы не поменяются, а погода не испортится, свожу вас к скале «Замок коварства и любви».

– Звучит интригующе.

– Поверьте, вам там понравится!

18.09.2005 г. Сегодня утром, как и обещал Кирилл, мы отправились к скале «Замок коварства и любви», к нам присоединилась и Майя. Скала находится недалеко от Кисловодска, в получасе езды на машине. В самом конце пути нашему взору открылся вид на высокий утес, возвышающийся над горным ущельем, очертания которого издалека и вправду напоминали старинный замок с зубчатыми стенами и башнями.

– С этой скалой связана одна легенда, рассказать? – поинтересовался Кирилл, когда мы прогуливались по окрестностям.

– Конечно.

– Если верить старинному преданию, давным-давно здесь жили прекрасная княжна Даута и молодой пастух Али. Маленькими они играли вместе, а когда повзрослели, полюбили друг друга и захотели пожениться. Но отец девушки не благословил их брак, а решил выдать дочь замуж за знатного престарелого соседа. Узнав об этом, в приступе отчаяния влюбленные отважились на безумный поступок – вдвоем броситься со скалы. Али прыгнул без оглядки, а Даута, испугавшись, пустилась со всех ног домой. Вышла замуж за престарелого соседа, но жизнь ее не была счастливой и спустя год девушка умерла от тоски. Отец не выдержал горя и окаменел.

– Что-то в последнее время в моей жизни стало много историй, связанных с падением, – произнесла я, а Кирилл с Д. только переглянулись, но ничего не сказали.

– Если включить воображение, вон там наверху можно разглядеть скорбный лик отца, а профиль Али просматривается на склоне ущелья.

– И правда, похоже!

– Куда еще отправимся? – поинтересовался Кирилл. – Здесь есть одноименный ресторан...

– Нет, я больше люблю лицезреть неповторимые творения природы.

– Хм-м... Тогда... – задумчиво начал он, – здесь недалеко есть еще одно чудо природы – «Медовые водопады».

– Необычно звучит. Почему медовые?

– Насчет этого тоже существуют предания...

Но Кирилл не успел договорить, Майя его перебила:

– Леси будет не трудно? Ведь до них идти шесть или семь километров.

– Нет, прошу вас, пойдёмте! – почти с мольбой произнесла я. – Когда я еще смогу здесь побывать.

– Потом не жалуйтесь. Нам сюда.

Сначала дорога была широкой, но незаметно перешла в узкую тропку, которая в нескольких местах подходила вплотную к бурлящей Аlikоновке и пролегла по самому ее краю. Я очень боялась оступиться, но Д. постоянно был рядом и подавал руку, когда это требовалось. Пару раз пришлось перепрыгивать через небольшие узкие протоки, но ноги мы не намочили.

– Конечно, дорогу можно сократить, – произнес Кирилл, – если не обходить, а перейти речку вброд, но время года сейчас неподходящее.

– Не беспокойтесь, все отлично, – ответила я.

От прогулки остались приятные впечатления: день выдался солнечным; брели мы, не спеша; вокруг господствовали тишина и спокойствие; высоко в небе парили орлы. Да и дорога оказалась не такой тяжелой, даже для моей ноги: она пролегла по достаточно ровной местности, только в конце нам пришлось преодолеть небольшой, но затяжной подъем, перед которым мы остановились немного отдохнуть.

– Так почему же «медовые»? – поинтересовалась у Кирилла.

– Ах, да. На это есть несколько версий. По одной из них, давным-давно в скалах рядом с водопадами было много пчелиных гнезд. Весной талые воды затапливали их и растворяли мед, отчего становились сладковатыми на вкус, а все ущелье наполнялось пьянящим запахом меда. Еще есть версия, что тут на склонах растет очень много медоносных трав и летом, когда они цветут, здесь на самом деле все благоухает и источает аромат меда. Еще...

– Еще?..

– Благодаря молодоженам, приезжающим сюда провести «медовый» месяц. – Слова Кирилла меня смутили. Он это заметил. – Пойдемте дальше?

– Да...

Всего здесь, по рассказам Кирилла, пять водопадов, три из которых находятся на реке Аlikоновке, а два других – где речка Эчки-баи впадает в ту же Аlikоновку. Мы увидели только три из них. Очень живописны уступы, с которых бурные потоки воды с дикой скоростью срывались вниз. Самый большой водопад имел высоту около восемнадцати метров, остальные гораздо меньше, примерно в человеческий рост. Весь комплекс – настоящий природный лабиринт с запрудами, потайными пещерами и гротами, перекинутыми через речку мостиками, а чтобы обойти его полностью, понадобится не один день.

После небольшого отдыха мы побродили еще немного по окрестностям и вернулись в санаторий...

19.09.2005 г. Сегодняшнее утро выдалось ненастным, и я от удивления даже подошла к окну: весь небосклон заволокло темными дождевыми тучами, сквозь которые не проглядывало ни кусочка голубого неба; поднимался ветер и закручивал опавшую листву по дорожкам санатория. Меня это почему-то насторожило. На ум приходили сцены из фильмов, где, когда происходит что-то важное или совершается роковой поступок, льет ливень и поднимается буря, а ведь мы сегодня собирались пойти к горе «Красное солнышко».

Я спустилась в столовую и, позавтракав, снова поднялась в номер. За это время на улице начался дождь, огромные капли, гонимые ветром, стали наперебой барабанить по железному подоконнику. Делать было нечего. Я так привыкла, что после завтрака мы сразу отправлялись гулять, днем в номере я практически никогда не оставалась, за исключением вечеров и не заметила, как уснула. Разбудил меня стук в дверь. Это пришла Майя. Как же я удивилась произошедшим изменениям: за окном вовсю сияло солнце, и об утренней непогоде напоминали только небольшие бесформенные лужицы на асфальте.

Кирилл и Д. сидели внизу. Сегодня мы отправились в так называемую Долину роз: она находится в самом центре парка на площади в три гектара и засажена несколькими десятками различных сортов роз. Трудно себе такое вообра-

зитель! Она прекрасна! Конечно, большинство кустов уже отцвело, время года не подходящее, но я представляю, как все здесь райски благоухает летом. Возвращались поздно, и я вся продрогла.

– Вы простудитесь, – произнес Д. и, сняв ветровку, накинул мне на плечи, а потом обнял, что было впервые за все время, проведенное здесь. Обычно я просто брала его под руку, и мы шли гулять.

Только в номере заметила, что забыла вернуть ветровку. Делать нечего, пришлось снова спуститься в столовую, но там Д. не оказалось. Видимо, он успел подняться и нужно идти к нему в номер. От одной мысли об этом сердце затрепетало... Несколько минут стояла перед дверью и не решалась постучать... А когда все-таки отважилась вытянуть руку, почувствовала, что кто-то коснулся моего плеча. Я испуганно повернулась и невольно отступила назад: передо мной стоял Д. Наши взгляды встретились, и я дрожащим голосом произнесла:

– Я... я не отдала ветровку...

И протянув ее, хотела уйти, но Д. взял меня за запястье правой руки. Я несмело посмотрела на него и, одернув ее, ушла к себе...

За окном глубокая ночь... Я стояла возле полуоткрытой створки. Холодный ветер, вобравший запах дождя, обдувал лицо. Я жадно вдыхала его. Невольно в памяти оживал день выступления на конкурсе, и чем настойчивее я отгоняла

эти воспоминания, тем навязчивее становились мысли. Я изо всех сил пыталась не думать о Д., но не могла: в ушах звучал стук его сердца, а по спине пробежала дрожь от одной мысли о его прикосновениях и поцелуях...

20.09.2005 г. Сегодня после завтрака отправились на лечебную прогулку к горе «Красное солнышко». Маршрут начинается от Нарзанной галереи, потом проходит через площадку роз, поднимается на Сосновую Горку, дальше через Первомайскую поляну к Храму воздуха, откуда ведет к Верхнему парку и заканчивается на «Красном солнышке». Мне это ни о чем не говорит, но так написано в брошюрке-путеводителе.

Вся дорога тянулась вдоль сосновых рощиц. Трудно представить, что когда-то здесь ничего не росло – был голый пустьрь, – и вся эта красота создана руками человека. Сколько труда и заботы во все вложено! Прискорбно слышать, что деревья, которые выращивали десятилетиями, теперь безжалостно вырубают для материальных благ, наверное, у таких людей и вправду нет сердца...

Мы шли медленно, часто останавливались, но к полудню были на месте. Вид с горы и впрямь открывался восхитительный: смотришь, будто на увеличенную до натуральных размеров географическую карту. Вдалеке виднелся двуглавый заснеженный Эльбрус, с другой стороны – Джинальский хребет.

– Нам повезло, – отозвался Кирилл, – очень немногим уда-

ется разглядеть Эльбрус: днем он обычно окутан туманом или облачностью...

Я улыбнулась, продолжая всматриваться вдаль.

– А какой здесь восход! Увидев один раз, влюбитесь на всю жизнь! – с воодушевлением добавил Кирилл.

– Правда?!

– Если хотите, можем прийти сюда завтра или послезавтра, только нужно будет встать очень рано.

Глаза мои загорелись: восходы и закаты – моя слабость. Я и дома часто пробуждаюсь пораньше и люблюсь восходом. Так уж получилось, что окно моей спальни смотрит на восток, и я каждое утро могу его лицезреть. Ведь когда встает солнце, кажется, будто оно наполняет тебя живой силой для новых открытий и свершений, озаряет душу, а закат наоборот, успокаивает и дарит созидание. А в таком потрясающем месте не увидеть восход, будет непростительно!

21.09.2005 г. В четыре часа утра меня разбудил будильник. В номере было темно и прохладно: вставать и вылезать из-под теплого одеяла в такую рань совсем не хотелось. Понезжившись минут пять, я с неохотой поднялась, включила свет, оделась потеплее и спустилась в фойе санатория. Кирилла и Д. не было. Я выглянула на крыльцо, но на улице холодило, и я зашла обратно и присела на диван. Веки сами по себе закрывались, и полудрема затуманивала голову. Через несколько минут раздались шаги, и я открыла

глаза. Это подошел Д., а Кирилл так и не было. Я стала волноваться и, как оказалось, не напрасно. Буквально через пару минут он скинул сообщение, в котором сетовал на то, что не сможет пойти, и мы пошли вдвоем.

Миновав ограду санатория, мы погрузились в кромешную мглу. Ведь не зря говорят, что самый темный час бывает перед рассветом. Холод пробирал до костей; в природе все находилось в ночном полусне, и господствующую мертвую тишину нарушал только шум от наших торопливых шагов.

После сорока минут ходьбы понемногу стало светать; начали просыпаться птицы – высоко в кронах деревьев слышалось их бодрое воркование, а когда мы поднялись на гору «Красное солнышко», совсем рассвело. Небо залило алое зарево; солнце вот-вот должно было показаться из-за Джинальского хребта. Д. позвал меня к себе и приобнял, и мы замерли в ожидании... И вот, о чудо! Блеснули первые лучи: они мгновенно окрасили весь парк в золотисто-красные полутона. Как все преобразилось! В те секунды преобразились, наверное, и наши души. Еще несколько минут и вот оно... Красное солнце!.. предстало перед нами во всей красе и величии; такое близкое, что, кажется, можно протянуть руку, и ты его коснешься. Это так странно, ведь солнце везде одно и то же, но мы воспринимаем его почему-то по-разному.

Д. постелил куртку на плоский камень и присел, я тоже опустилась рядом и склонила голову ему на грудь. Солнечные лучи согрели нас. Неожиданно губы наши сблизились, но

от нахлынувшего смущения я тут же отвернулась. Мы посидели еще полчаса: нога отдохнула – от долгой и быстрой ходьбы ощущался некоторый дискомфорт, – теперь можно и возвращаться...

После обеда сидела в беседке вблизи санатория с раскрытой книгой в руках, делая вид, что читаю, но читать мне меньше всего хотелось: мысли блуждали глубоко по закоулкам души. Последние несколько дней меня преследовали одни и те же думы о Д., как наваждение. «Кого я обманываю! Он же не просто здесь и явно не из-за чудесного местного горного воздуха, который так бодрит. Он здесь из-за меня. Как трудно себе в этом признаться! Но почему?! И что дальше? Вопрос без ответа. Мне пора уезжать, ему, скорее всего тоже, очередные концерты не заставят долго ждать, а он держится особняком, и даже не пытается сблизиться. Почему меня это волнует? А если попытается? Вот тогда я точно не буду знать, что делать!..»

Вдалеке увидела Кирилла, он тоже меня заметил, подошел ближе и, облокотившись о перила беседки, с легкой улыбкой на лице заговорщически спросил:

– Ну, как восход? Понравился?

– Шикарный! Жаль, что вы не смогли составить нам компанию.

– Боюсь, я был бы лишним...

– Теперь я начинаю понимать, кто оказался темной ло-

шадкой и ведет скрытую игру!

Он усмехнулся.

*– Это здешний климат! Помните: «Все здесь дышит
единением, здесь все таинственно»¹.*

– Вы думаете, может что-то получится?..

*– Не знаю, но если верить Лермонтову, «воздух Кисловод-
ска располагает к любви. Здесь бывает развязка всех рома-
нов, которые когда-либо начинались у подножия Машука»².
Ну, а если серьезно, – он зашел в беседку и присел, – с самого
начала нашего знакомства вы мне очень симпатизируете,
мне нравится следить за ходом ваших мыслей. У вас своеоб-
разный ум. Вам с легкостью удается смотреть на происхо-
дящее под разным углом и докапываться до сути, сохраняя
при этом рассудительность и такт. И главное, ваша душа
открыта для всех, вы любому готовы прийти на помощь.
Люди всегда будут идти к вам за советом, потому что чув-
ствуют это.*

*– Все-таки я работаю психологом, по долгу службы по-
ложено! – подметила я.*

*Но Кирилл, особо не обратив внимания на мои слова, про-
должил говорить:*

– И главное, что бы вам ни рассказали, услышанное никак

¹ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Избранное. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1976.

² Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Избранное. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1976.

не отразится и не повлияет на вас. Вы все пропускаете через себя, делаете выводы и отпускаете, что очень ценно! – договорив последнюю фразу, он помолчал с минуту, потом продолжил. – К чему это я? Ах, да... Помните, когда мы стояли на улице после съемок клипа?

– Конечно, пока я оттуда удалялась, думала, что у меня вот-вот подкосятся ноги, и я споткнусь от ваших пристальных взглядов.

– Да, мы тогда говорили о вас. Я понял, что вы нравитесь Жене, хотя он сразу мне не признался в этом... – Кирилл посмотрел на меня и усмехнулся. – Не смущайтесь, я всего лишь веду к тому, что вы очень подходите Жене и тогда я ему об этом сказал, подметив, что он будет дураком, если упустит вас. В ответ он меня заверил, что вы станете его женой, и я могу в этом не сомневаться. – Лицо мое залилось краской, но Кирилл, не обращая внимания, продолжал говорить дальше. – Вы, наверное, заметили, что мы с Женей дружим давно, около десяти лет, и я его хорошо знаю. У нас как-то сразу сложились близкие и доверительные отношения, поэтому я в курсе всего, что было в его жизни, как и он, впрочем. И скажу вам так, за свою молодость он успел много чего накуролесить, даже там, где это, казалось, совершенно невозможно, в частности и с женщинами. Его обаяние и харизма притягивали и притягивают многих девушек, как и кучу проблем и разочарований, причем вина за эти проблемы всегда лежала на нем – сложный противоречивый ха-

рактер! А тут, уж простите, я решил поспособствовать, ведь ваше отношение к Жене тоже нельзя назвать безразличным? Ведь я прав?!

Слова Кирилла меня смутили и обезоружили, но не они привлекли мое внимание, а то, как он его называл, и я переспросила.

– Женя... – ответил Кирилл и улыбнулся. – Это его имя. Вы не знали?

– Нет...

Когда Кирилл назвал Женю настоящим именем, мне стало так тепло на душе, будто отыскался и встал на место недостающий кусочек картинки. Почему я сама не догадалась? Ведь его псевдоним англоязычный вариант имени. У страха и вправду глаза велики! Как порой можно не заметить очевидное!

Вдалеке мы увидели Женю, он направлялся в нашу сторону. Кирилл сразу засобиравшись и, наспех попрощавшись, вышел из беседки. Я вслед пригрозила ему кулаком, он лишь ухмыльнулся, поздоровался с Женей и удалился, а мы пошли гулять...

Было четыре часа дня: идти далеко не хотелось, поэтому сегодня мы кормили белочек. Эти юркие озорницы давно привыкли, что их постоянно подкармливают местные жители и отдыхающие. Но, к сожалению, наше занятие продлилось недолго. Незаметно небо затянуло тучами, и начал накрапывать дождь. До санатория идти не было смысла:

мы бы промокли насквозь, поэтому укрылись в беседке. Благо их здесь предостаточно. Ветер стих, и морозящий дождь практически на нас не попадал, но становилось зябко.

– Ты замерзнешь, – произнес Женя и, взяв меня за руку, увлек за собой. – Идем, садись на колени. – Я нерешительно опустилаась. – Ближе, я накину ветровку.

Я вздрогнула.

– Мне интересно, ты всегда будешь вздрагивать при мне? Я улыбнулась и прилегла к нему на грудь, лишь бы только не чувствовать его пронизывающий взгляд. Он обнял меня и укрыл ветровкой, так мы и просидели, пока дождь не прекратился.

Мне хорошо с ним, спокойно на душе, глупо и не имеет смысла отрицать и убеждать себя в обратном. Я ощущаю какое-то единение души между нами. Это трудно понять, это можно только почувствовать. Под этим, наверное, и подразумевают, как единое целое. Целое! Разве могут быть два человека единым целым? Чувшь! Возможно, и нет...

И если это любовь, она не похожа на бурную, всепоглощающую страсть, которая сжигает тебя целиком и оставляет только руины и разбитые сердца. Страсти быстро угасают и проходят, но наша любовь тихая и безмолвная, как воды реки, впадающей в океан. В этом месте река никогда не бывает бурлящей, а, наоборот, полноводна и размеренна, будто уже заранее знает, что ей уготовано впереди. Скорее всего, дело в возрасте, когда пыл юности угас, а на смену

ему пришло что-то большее...

Вернувшись, в фойе санатория мы снова наткнулись на Кирилла. Он усмехнулся, увидев нас. Я пригрозила ему кулаком, на что он развел руками: «Это все здешний климат!» Потом мы попили горячего травяного чая и поужинали, во время которого я поинтересовалась, где здесь можно купить билеты. К сожалению, пора возвращаться: нога зажала, да и дома уже волнуются из-за моего долгого отсутствия. Они немного озадачились, но Кирилл сказал, что все уладит.

После ужина поднялась в номер, и сидела на кровати, скрестив руки на коленях, хотела разбинтовать ногу, но медлила. С утра находит на меня томная задумчивость. Может из-за того, что встала сегодня чуть свет? Раздался стук...

– Открыто!

Дверь отворилась, и в ее проеме показался Женя. Меня почему-то не удивило его появление.

– Проходи-те...

Он зашел и присел рядом.

– Ты забыла вздрогнуть! – пошутил он. Я улыбнулась. (И вправду забыла!) – Ты собираешься уезжать?

– Да, как бы здесь не было хорошо, дома ждут родные и работа. Учебный год уже начался.

– Ты не похожа на преподавателя. Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь...

– Ты не выглядишь на свой возраст. И что ты ведешь?

– Раньше биологию, сейчас психологию...

– Как же ты справляешься со студентами? По мне, так у тебя слишком мягкий характер.

– У меня никогда не было с ними затруднений. Когда относишься к людям по-человечески, то и они относятся соответственно.

Неожиданно завибрировал телефон, который лежал рядом с Женей. Он его взял и протянул мне. На экране высветился номер Дианы, и я улыбнулась.

– Вы не будете возражать, если я отвечу.

Женя одобрительно кивнул, а я нажала на кнопку вызова.

В трубке раздался голос Дианы.

– Извините, я вас не отвлекаю?

– Нет, ну что ты! – успокоила я ее.

– Я приезжала в Оренбург за заданиями, и мы с Кристиной заходили к вам на кафедру, но нам сказали, что вас нет. Поэтому решила позвонить.

– Как ты?

– Хорошо, перевелась на заочку и вернулась в родной город. Мама согласилась сидеть с дочуркой, а я буду подрабатывать.

– Значит, ты уже родила?

– Да, нам на днях месяц исполнился.

– Как быстро летит время! В следующий раз, когда приедешь на зимнюю сессию, обязательно заходи. Я буду рада

тебя повидать. – И мы с ней попрощались.

После разговора с Дианой мне стало хорошо и легко на душе, и я расплылась в улыбке, Женя это заметил.

– Кто тебе звонил? Твое лицо просияло.

– Моя студентка. Я очень рада, что у нее все наладилось. Мы с ней познакомились при печальных обстоятельствах. Это долгая история, но если рассказать в двух словах, я ее буквально вытащила из оконного проема... – Краем глаза увидела, что Женя изменился в лице. – На нее тогда навалилась куча забот: узнав о беременности, ее бросил парень, не сдала экзамен, пригрозили отчислением. И все, жизнь кончена...

Я замолчала.

– И чем все закончилось? – отозвался Женя.

– Пришлось мне похлопотать за нее. Не смогла пройти мимо ее беды. С учебой все разрешилось, а вот с парнем... Он остался при своем. Но она молодец! Не побоялась, все-таки родила ребенка, перевелась на заочку, сейчас подрабатывает.

– И что хорошего? Еще на одну мать-одиночку стало больше.

– Не говорите так, сделать аборт – не лучшее. Хорошо если все пройдет удачно, а если нет. Потом до конца жизни корить себя за необдуманный поступок. А так у нее теперь появился смысл, может, и парень одумается, вернется: с виду он мне показался не плохим. Главные их недостатки

– молодость и безответственность!

– Возможно, ты и права... – задумчиво отозвался Женя и, взглянув на забинтованную ногу, спросил. – Как нога? Мне казалось, ты уже не носишь повязку.

– Это для фиксации сустава, чтобы по неосторожности снова не повредить. Страхуюсь, без нее побаиваюсь ходить.

– Я покурю? – резко спросил Женя и встал.

Я пожала плечами, а он подошел к окну и открыл створку, с улицы мгновенно потянуло холодом и запахло дождем... Покурив, Женя присел напротив меня и коснулся ноги. Я невольно дернулась, а его лицо расплылось в улыбке.

– Вот ты и вздрогнула... Меня забавляют твои вздрагивания, – и пристально посмотрел мне в глаза. – Ты и представить себе не можешь, как я испугался, когда заметил, что трес сорвался, и ты падала вниз... В те секунды, наверное, моя жизнь срывалась в бездну вместе с твоей...

Я смущенно взглянула на него: до сегодняшнего дня мы никогда не говорили об этом, а Женя продолжал испытывающе смотреть на меня, от чего я заволновалась и убрала ногу, засунув ее под себя. Тогда он протянул руку к моим волосам, поправил прядь, упавшую на лицо, скользнул пальцами по щеке и шее. Дыхание замерло, а сердце перестало стучать. Я отстранилась от него и отвела взгляд в сторону, но Женя придвинулся следом и обнял. Я мигом ощутила тепло его тела, легкое прикосновение губ на шее и спине. Мне сделалось не по себе: в прошлый раз, когда мы были близки,

я плохо отдавала отчет своим действиям из-за сорвавшегося троса и страха разбиться, а теперь на трезвую голову боялась. Не совладав с нахлынувшими эмоциями, убрала его руки и соскользнула с кровати. Он не остановил меня, но поднялся следом и, приблизившись, стиснул в объятьях.

– Мне не по себе... – прошептала я.

Женя вздохнул.

– Зачем ты так? Ты ведь знаешь, что нравишься мне...

Несмотря на сказанные слова, руки он убрал и хотел уходить. Не знаю, почему, но я бросилась вслед за ним и припала к его спине. Потом он усадил меня на колени и поцеловал.

– Ты так волнуешься, как невеста перед брачной ночью!.. – прошептал Женя.

«Как же он прав!» – пронеслось в голове, и я дернулась.

– Ты снова вздрогнула... Твое трепетание от моих ласк еще больше разжигает во мне желание...

На следующее утро проснулась, когда в комнате было уже совсем светло; хотела привстать и посмотреть который час, но почувствовала, что чья-то рука лежит поверх моей... В памяти невольно замелькали картинки вчерашнего вечера. Я улыбнулась и хотела убрать руку Жени, но он снова положил ее мне на плечо.

– Я не сплю... Ты куда-то собираешься?

– Который час?..

– Девятый, еще рано, ложись.

Я легла, но мне не лежалось.

– Нет, давай вставать, только ты первый, я не буду смотреть, – и отвернулась.

Женя привстал, пробежался кончиками пальцев по плечу и шее. Мгновенно кожа покрылась мурашками, и я дернулась. Он, улыбаясь, произнес:

– Ты стесняешься? А я думал, мне показалось на репетициях.

Потом он встал, оделся и, снова присев на постель, шепнул:

– Я все... Жду внизу.

30.09.2005 г. В Кисловодске я пробыла еще неделю, Женя на этом настоял: очередное концертное турне у них начнется в октябре. Днем мы, как и прежде, гуляли по парку или сидели где-нибудь в уединенном месте, а ночью он оставался у меня. Семь дней пролетели со скоростью света. Как говорится, время течет неизменно, но когда знаешь, что предстоит разлука с тем, кто тебе дорог, оно бежит в два раза быстрее.

И сегодня был последний день в Кисловодске. После завтрака упаковывала вещи в чемодан, а Женя, полулежа, сидел на кровати. Практически ни о чем не говорили: слова были излишне.

– Что с тобой? С утра не проронила ни слова? – прервал молчание Женя. Я ничего не ответила. – Лесь!..

– Не знаю, а что говорить. У меня такое чувство, будто

последние два месяца я пребывала в странном и необычном сне, но вот наступило утро, и пора просыпаться. Сейчас зазвонит будильник, разбудит меня и все исчезнет, растворится в небытие.

Женя улыбнулся:

– И я?

– Ты и есть главный призрак!

Он еще больше рассмеялся.

– Ты смешная! Иди сюда!

Я запихнула последние вещи в чемодан, застегнула замок и присела к Жене.

– Ложись, до отъезда есть время.

Я легла. Женя обнял меня и стал успокаивающе водить рукой по спине, потом спросил:

– Ты беспокоишься из-за того, что нам нужно расстаться?

Я ничего не ответила, лишь пожала плечами. Конечно, я думала об этом.

– Тебе придется смириться с тем, что я постоянно буду в разъездах...

– Понимаю, просто пребываю в замешательстве...

– Ты сомневаешься в моих чувствах к тебе? Не доверяешь? – Я молчала. – Лесь, ну послушай!.. За всю жизнь далеко не безгрешную я повидал много девушек, молодых и старых, но ты не похожа ни на одну из них. Ты другая... Настоящая... В тебе нет и грамма той фальши, присущей многим

современным девушкам, которые сейчас или чересчур независимы и в грош тебя не ставят или, наоборот, хотят сдаться приживалками и существовать за твой счет. Ты не такая... Я ни на кого тебя не променяю. Как только выдаться свободная минутка, я сразу к тебе.

– Мне тебя будет не хватать...

А Женя лишь сильнее приобнял меня.

В тринадцать сорок они с Кириллом посадили меня на поезд, и я уехала. Как могла, пыталась сдерживать слезы, но у меня это плохо получалось: сердце болезненно сжималось. Мне казалось, что моя душа отделилась от тела и осталась там, в Кисловодске, вместе с Женей, а мне досталась только эта бездушная оболочка...

Как нас меняет время! Вспоминаю те чувства, которые одолевали меня, когда мы ехали в Кисловодск, и сравниваю с теперешними. Тогда присутствие Жени пугало и настораживало, а сейчас я бы все отдала, лишь бы он находился рядом. Никогда не представляла, что за такой короткий срок – всего несколько недель – можно так сильно прикипеть к человеку и теперь не мыслить жизни без него... Главное понять, что со всем этим делать дальше...

К вечеру тревоги немного поутихли, и холодный рассудок возобладал над чувствами и вернул к реальности, а она такова, что дома меня ждет встреча с родными после затянувшейся поездки... Конечно, папа отнесётся ко всему с пониманием, но вот мама!.. Нужно заранее обдумать, как бу-

ду выкручиваться...

Глава IV

3.10.2005 г. Вот и первое утро дома. Проснулась я рано и почти сразу же спустилась в гостиную. К сожалению, папа уже стоял в дверях и собирался уходить. Я лишь успела сказать ему, что с завтрашнего дня хочу приступить к работе. Он одобрительно кивнул и ушел, а мы с мамой остались наедине! За завтраком она, недолго думая, сразу набросилась на меня с расспросами:

– Тебе не кажется, что ты слишком долго отсутствовала, юная леди?

Я продолжала молча намазывать масло на хлеб. «Как я ненавижу это ее обращение! Я и без того не могу собраться с мыслями, чтобы не болтнуть лишнего...» А мама продолжала:

– Вскоре после твоего отъезда я заходила к Стаховым и застала у них Настю. Мы с ней немного побеседовали, и она намекнула мне на то, что, может, ты тайком уехала к Сергею, что, возможно, вы и вернетесь вместе.

Я чуть не выронила хлеб и уставилась на маму. «Господи, что Настя успела наплести ей?! Или она сказала, шутя, а мама ее просто неправильно поняла?» Мама не обращая внимания на мой озадаченный вид, рассуждала дальше:

– Я успокоилась. Я ничего не имею против Сергея. Со Стаховыми мы в хороших отношениях, но он вернулся один, о

тебе ни слуху ни духу, так же как и я, был удивлен твоему исчезновению, поэтому я забеспокоилась. От твоего отца мало толку: он все спускает тебе с рук.

– Мам, при чем тут папа. Он знал все тоже, что и ты. Да, я была у ребят на Черном море, как и говорила, потом мы вместе поехали в Кисловодск и то из-за того, что я повредила ногу.

– Что-то как раз в это мне и верится с трудом.

– Мам, я могу снимки показать и ход лечения. Кроме того ты же знаешь, какой я порой бываю рассеянной и невнимательной. Вот и повредила правую ногу буквально за день до отъезда. Ушиб оказался несерьезным, но наложить гипсовую повязку, к сожалению пришлось. Вика с Костей как раз собирались в Кисловодск к знакомым и предложили мне поехать вместе с ними, заодно и подлечить ногу.

Мои слова маму не успокоили, и она дальше продолжила засыпать меня кучей вопросов. Я быстро увела ее от разговоров о Черном море и переключилась на Кисловодск. Тут есть о чем рассказать!

Весь день провела дома: склонялась по пустым комнатам, не зная чем себя занять. Все казалось каким-то чужим, серым, безжизненным или просто изменилось мое отношение? А вечером к папе зашел Сергей и сильно удивился, застав меня дома. За прошедшие четыре месяца я совсем не вспоминала о нем, а теперь в памяти отчетливо всплыли эпизоды нашей последней встречи. Перед уходом мы с ним

немного поговорили, и Сергей предложил на днях увидеться и все обсудить.

4.10.2005 г. Сегодня первый рабочий день после долгого отпуска, но и он не принес мне прежнего удовлетворения. Правда, я только тем и занималась, что знакомилась со всеми изменениями и нововведениями, которые произошли на кафедре с начала учебного семестра, и переписывала расписание – какой криворукий составлял его в этом году! Впрочем, постепенно освоюсь и втянусь, правда, тяжело будет совмещать с тренингами в консультации. Сергей решил работать в деканат, а на кафедре остался только на полставки. Это, наверное, единственное, чему я по-настоящему обрадовалась.

После ужина хотела поговорить с папой. Эта привычка осталась у меня с детства, находясь в затруднительном положении, искать поддержки у него, но папа был сегодня слишком занят...

Вечером разговаривали с Женей, он звонил с репетиции. Завтра у них первый концерт после отпуска.

6.10.2005 г. Сегодня, наконец, поговорила с папой. Он ушел с работы еще в обед и на кафедру больше не вернулся, разбирался с бумагами у себя в кабинете. Когда пришла домой, долго не думая, испекла его любимый пирог со сливами под шоколадной глазурью, заварила свежий чай и отправилась к нему. Папа улыбнулся, увидев меня с подносом.

– Так-так тебе что-то нужно?

– Нет, просто приготовила чай. Мы ведь столько времени не виделись и не беседовали, – ответила я и, поставив поднос на журнальный столик, отошла к двери и заперла ее на щеколду.

– Ага, попить чаю, а зачем закрываешься?

– Не хочу, чтобы нам помешали. Честно говоря, мне нужна ваша помощь, а то я что-то совсем запуталась.

И присела рядом с папой на диван и разлила чай. Потом подала одну чашку ему, а моя так и осталась стоять нетронутой.

– Продолжай.

– Журить не будете?

– А есть за что?

– Смотря как взглянуть... – и вздохнула.

– Ты о Сергее хочешь поговорить?

– Нет, боюсь, что он сильно изменился за шесть лет. Мы с ним стали чуждыми и совсем разучились понимать друг друга, а без этого никуда.

– Он пару раз заходил ко мне, интересовался, почему тебя так долго нет, все ли с тобой в порядке. Мне тоже показалось, что ты не все рассказала о своем отъезде.

– Об этом и хочу, с вами поговорить... Но не знаю, с чего начать...

– С начала, – ответил папа и улыбнулся.

Как я люблю его улыбку! Вроде бы в ней нет ничего особенного, но она всегда располагающе действует на меня:

сразу хочется все рассказать и со всем поделиться, распахнуть душу.

– Хорошо... Я вам сейчас покажу...

Я взяла в руки телефон и дала папе посмотреть несколько фотографий с конкурсного выступления.

– Так!.. – озадаченно произнес он. – Не совсем понимаю, что ты хочешь этим сказать.

– Поверите, что это я?

– Очень похожа на тебя...

– Честно говоря, это я, и я не была на Черном море у друзей. Меня попросили поучаствовать в выступлении, и мне стало интересно, любопытство чистой воды. И не подумайте ничего – это небольшая шалость с моей стороны, которая никогда не повторится. Уверяю вас! – Папа сдвинул очки на нос и пристально посмотрел на меня, а я продолжала. – Но не это главное, в конце этого выступления я и повредила ногу. Поэтому и была в Кисловодске – один из ребят, которые меня пригласили, живет там. Мне не захотелось возвращаться домой в гипсе. К тому же это было затруднительно: передвигаться с помощью костылей у меня плохо получалось, только с чьей-либо поддержкой.

– Как нога? Я заметил, что ты все равно немного прихрамываешь.

– Я продолжаю ее бинтовать, пока побаиваюсь ходить без ничего.

– Есть что-то еще?

– Самое главное... Как вам сказать... – Я замялась и опустила голову. – В общем, я там познакомилась с одним человеком. Вернее, раньше... Он один из участников группы... В Кисловодске он тоже был и помогал мне во всем.

– Влюбилась?

– Нет!.. – возразила я. – Не знаю... Я не вижу будущего с ним. Есть только здесь и сейчас, а завтра нет. Меня это и беспокоит. Я вроде бы дома, все позади, но моя душа осталась будто бы там. Хожу как привороженная, никак не войду в привычную колею.

Папа меня приобнял и спросил:

– Хочешь вернуться?

– Да... От одной мысли сердце начинает безудержно колотиться, но его там нет. У них начались концерты по стране. – Папа похлопал меня по плечу. – Как вы думаете, из этого что-то может получиться или это все пустое?

– Главное, чтобы тебе было хорошо.

– Я всегда чувствую, как лучше, а тут ничего...

– Со временем все прояснится.

– Вы не будете возражать?

– Ну, буду я против и что? Это ничего не изменит: чему-то научиться или вынести какой-то урок можно только тогда, когда сам набьешь шишки, другого, увы, не дано. Родители почему-то думают, что, решая за детей и ограждая их от ошибок, творят добро. Но это не всегда так. Очень часто родительские поступки причиняют де-

тям только горечь и боль. Я не хочу подобного. Возможно, он твоя судьба. Для меня самое главное, чтобы ты была счастлива, а я всегда помогу советом и поддержу, только пообещай, практику не оставишь.

– Пап!..

Из глаз мгновенно полились слезы, и я невольно упала к нему на грудь, инстинктивно пытаюсь, прижаться как можно сильнее, чтобы он оградил меня от всех невзгод и напастей. Странно, но в те секунды я подметила, что с Женей я чувствую себя также защищенно и уверенно, как и с ним.

– Не расстраивайся, что-нибудь придумаем, – произнес он и стал поглаживать по спине. – Все обязательно наладится...

Резко раздался стук. Я отстранилась от папы и принялась смахивать слезы, а он тем временем приподнялся и открыл дверь. В кабинет вошла мама и спросила:

– Снова секретничаете?

– Нет, пили чай. Я отнесу поднос на кухню.

– А что с лицом?

– Не трогай ее, все в порядке.

– А со мной, как обычно, не поделитесь?..

Я ничего не ответила и поторопилась выйти.

10.10.2005 г. Сегодня виделись с Сергеем: у него после обеда было занятие на кафедре. Вечером договорились встретиться. Пришло время все прояснить. Не знаю, какое будущее нас ждет с Женей, но с Сергеем я точно большие не хочу

иметь ничего общего.

К шести часам подошла в кафе и, окинув взглядом пустой зал, заметила, что Сергея еще нет. Присмотрев небольшой уютный столик у окна, присела за него. Официант подал меню. Я взяла его в руки и положила на край стола, попросив принести только чашку зеленого чая: решила дождаться Сергея и вместе сделать заказ. Вскоре он появился и, извинившись за опоздание, присел.

– Ты так долго отсутствовала, что я уже стал беспокоиться, – начал Сергей.

– Да, у меня были дела...

– Надеюсь, они не помешали тебе подумать над нашим последним разговором?

Резкость и прямота его слов сбили с толку, я потеряла сосредоточенность в мыслях и никак не могла набраться храбрости, чтобы заговорить. Я машинально колотила ложкой чай, а взглядом блуждала по витиеватым узорам на скатерти. Из всех сил пыталась подобрать подходящие слова... Как вдруг перед глазами возникло лицо Жени. Я вздрогнула и случайно выронила ложку. Раздавшийся звон посуды, заставил меня очнуться. Я подняла голову и взглянула на Сергея: он пытливо смотрел на меня и всем видом вопрошал ответа.

– Ну...

– Впрочем, к чему томить тебя молчанием, я уже давно все решила. Я не намерена продолжать наши отношения.

Все закончилось шесть лет назад и что-либо менять я не хочу...

Пока говорила, внимательно смотрела на Сергея: от моих слов он ничуть не переменился в лице, будто в них не было ничего необычного, и только продолжал невозмутимо глядеть на меня, потом спросил:

– Могу хотя бы узнать почему?

– Разве это имеет какое-то значение?

– Для меня да, – и резко добавил. – Это из-за мужчины?

– Да, отчасти.

– Я его знаю?

– Нет, он не из нашего города. И какое это имеет значение? Мы с тобой свободные люди. Я же не пристаю с вопросами, много ли у тебя было девушек после меня. К тому же мы не клялись друг другу в вечной верности.

– И долго вы встречаетесь?

Я снова пристально взглянула на Сергея: он похоже не придавал значения моим словам и только задавал интересующие его вопросы.

– Несколько месяцев... – выпалила я. – Мы познакомились прошлой зимой, когда они давали концерт у нас в городе...

Не дослушав, Сергей рассмеялся, а я пожалела о своих словах. Ведь произнесла я их, не подумав, они просто вырвались.

– Ты хочешь сказать, что он гастролер? Один из тех бездельников, которые разъезжают по стране и поют свои

никчемные и никому не нужные песни, собирая толпы таких же глупцов? Ничего смешней и нелепей я давно не слышал. Лесь, и ты хочешь, чтобы я поверил, что ты купилась на подобную чепуху? Ты же умная, образованная девушка и должна все прекрасно понимать.

Я молчала: горечь и обида завладели сердцем, а к горлу подступил комок и не позволял что-либо возразить, а Сергей говорил дальше:

– А я ведь на самом деле подумал, что произошло что-то серьезное. Ты и сама должна прекрасно понимать, насколько люди такого сомнительного рода деятельности не постоянны и ветрены. Он, может, в каждом городе имеет по одной такой девушке, как ты, и морочит им голову!

Его слова больно ранили и заставили оцетиниться.

– Нет, по-моему, это ты меня не понял! Речь сейчас идет не о нем и не о моих чувствах, будь я даже одна-одинешенька, а о том, что я не хочу строить отношения именно с тобой!

Но Сергей продолжал вести себя, будто не слышит меня.

– Что он может предложить? – и взял меня за кисти рук. – Да ты угробишь свои лучшие годы на вечное ожидание его из разъездов, пока он будет резвиться с молодыми девицами, а я хочу создать с тобой настоящую семью, завести детей...

– Ты не прав. Нужно еще подумать, на кого я потратила лучшие годы! – с вызовом произнесла я. – Кроме того ты

тоже постоянно в разъездах и окружен не меньшим количеством девушек: и молодые преподавательницы, и юные студентки. Я собственными глазами видела, как они порой тебе шагу не дают ступить, так и готовы броситься на шею.

– Не сравнивай! У меня работа...

– У него тоже работа! – перебила Сергея. – Не вижу между вами никакой разницы. Я по собственному опыту знаю, как иногда молодые студентки бывают навязчивы. И я тебя не люблю.

– К чему нам эта ерунда и сантименты. У нас много общего: знакомые, вид деятельности, увлечения. Еще я планирую открыть собственную частную консультацию. Мы бы вместе могли ей заняться.

Я вздохнула.

– Для меня этого не достаточно. Когда я была готова на все ради тебя, создавать семью и рожать детей, ты бросил меня, посчитал, что я стану обузой, растоптал все мои чувства... – Сергей нахмурился. – Конечно, откуда тебе знать, что я чувствовала эти шесть лет. Да, после твоего предательства я боялась встречаться, строить отношения. А теперь спустя столько времени, когда в моей жизни появился человек, который мне интересен, ты думаешь, я откажусь от него?

– Но это же не серьезно. Я не могу поверить, что ты клюнула на подобную любовную ерунду. Ты же всегда была очень рассудительной, как и я. Мы с тобой из одного теста.

– Возможно, но за последние месяцы в моей жизни столько всего произошло, что я пересмотрела некоторые свои взгляды.

– Ты хочешь сказать, что все бросишь и уедешь непонятно с кем и неизвестно куда?

– Да, если потребуются.

– Но это же не разумно.

– Может, впервые в жизни я не хочу быть разумной, а хочу довериться чувствам. Пусть я сто раз об этом пожалую, но никому не убедить меня в обратном. Знаешь, что я поняла, самое страшное в жизни – оставаться всегда разумной, правильной и уравновешенной. Но ведь так можно и не узнать, какая она в действительности, не испытать настоящих чувств...

– Лесь, послушай, – перебил меня Сергей. – Ты сейчас находишься под впечатлением, но пройдет время, и пелена спадет с глаз, ты начнешь здраво рассуждать. Я готов подождать, сколько потребуются...

– Довольно! – встав со стула, возразила я, чем привлекла взгляды других посетителей, и продолжила говорить немного тише. – Между нами не может быть больше никаких отношений. Все кончено!

И решительно направилась к выходу. Сергей последовал за мной и, догнав возле двери, остановил.

– Подожди, я тебя отвезу, только счет оплачу.

– Это ни к чему. Я хочу прогуляться...

Сумерки уже окутали город; вечер выдался не по-осеннему теплым и тихим – последние утешения октября перед ноябрьской стужей. Я брела не спеша; в мыслях всплывали обрывки разговора с Сергеем. Его доводы, как назойливые мухи в летний зной, крутились в голове, зарождая нотки сомнения и сея неуверенность. «Возможно, он и прав. Я ведь в сущности ничего не знаю о Жене, не знаю, что ждет нас впереди. Надолго ли я останусь в его сердце, и он не найдет мне замену?» В груди болезненно защемило, и мне захотелось разрыдаться прямо на улице. И зачем я только обо всем рассказала Сергею? Он должен был быть последним человеком, который об этом должен был узнать.

Когда подошла к дому, совсем стемнело. Открывая входную дверь, в сумочке заиграл телефон. Я попыталась его отыскать, но тщетно. Из гостиной раздался голос мамы:

– Леся, это ты?

– Да!..

– Ты сегодня что-то поздно!

Со словами «Были дела, сейчас спущусь, только переоденусь» поднялась к себе и высыпала все содержимое сумочки на кровать. Снова раздалась мелодия звонка. Это – Женя. Поговорив несколько минут, он сразу обратил внимание на интонацию моего голоса.

– Жень, да все в порядке. У меня был неприятный разговор с одним человеком, которого избежать никак нельзя было, но теперь все хорошо, просто остался осадок в душе.

– Хорошо? Но я же слышу, что глаза у тебя на мокром месте, – не отставал Женя.

– Еще раз повторяю все хорошо, а если ты и дальше будешь настаивать, я точно расплачусь и положу трубку. Лучше расскажи, как ваш тур? Как концерты?..

– Говори! – приказным тоном произнес Женя.

– Почему ты вынуждаешь меня делать то, чего я не хочу?!

– Ладно, – спокойно сказал Женя, и я уже обрадовалась, но нет, следом добавил. – Пойду менять билеты, завтра приеду к тебе!

– Жень, не говори глупостей! Куда ты поедешь, у вас только начались гастроли.

– Не беда, отменим один концерт, ничего не случится.

– Жень!

– Тогда говори! Я слушаю.

Я рассерженно вздохнула.

– Так получилось, что сегодня во время разговора ненароком упомянула о тебе. И все бы ничего, но когда я заикнулась о том, чем ты занимаешься, он сразу принялся меня поучать, наставляя, предостерегать, а мне это не нравится. После таких разговоров я сама начинаю надумывать себе того, чего и в помине нет. Они меня выбивают из колеи. Вот и все.

– Отправить бы того, кто тебе сейчас это наговорил, в один такой тур, – возмутился Женя. – Я бы на него по-

смотрел. У нас концерт на концерте, постоянные переезды, гостиничные номера, репетиции, а зимой добавляются еще и задержки рейсов. Иногда не получается во время поесть, выспаться хорошо, спим на ходу, в самолете или поезде. Это страшно выматывает. О каких девушках может идти речь! Хотя по молодости... ну, бывало. Но ты не сравнивай, когда ты молод, горяч, тебе кажется, что и море по колено, и когда почти сорок.

– Просто у большинства сложилось весьма устоявшееся представление об артистах: все они – пьяницы и гуляки. И подобное клише шьют всем подряд. Что греха таить, у самой поначалу было неоднозначное мнение на твой счет.

Женя усмехнулся.

– Надо будет взять тебя как-нибудь с нами в тур, чтобы ты убедилась, что я имею в виду.

– Жень, я понимаю...

– Тогда в чем дело? Прекращай хандрить!

– Все перестала...

Было бы еще так легко сделать, как сказать. Попрощавшись с Женей, я опять вернулась к прежним мыслям. Да, его слова немного успокоили меня, но... Уже лежа в постели, я пришла к вымученному умозаключению, что я должна доверять Жене, если хочу сохранить наши отношения. В противном случае ничего хорошего из этого не выйдет, я изведу и его и себя не имеющими под собой почвы сомнениями и подозрениями. Тогда уж лучше сразу все забыть как пре-

красный сон, пока мы не зашли слишком далеко.

3.12.2005 г. Незаметно закончился октябрь, а за ним ноябрь. Через две недели у Насти с Пашей состоится бракосочетание. Я буду свидетельницей. Но предсвадебные хлопоты доставляют столько беспокойств. Настя везде меня за собой таскает, как собачонку, без моего одобрения не может ничего решить. А у меня совершенно не то настроение, чтобы заниматься подобными делами.

Вдали от Жени меня все чаще стали одолевать сомнения: правильно ли я поступаю? Никогда не предполагала, что буду стоять перед таким сложным выбором. Ведь я всегда думала, что моя жизнь пройдет спокойно и размеренно: я выйду замуж за кого-нибудь из нашего круга общения, пусть даже не по большой любви, но это будет хотя бы взаимная приязнь, продолжу работать на кафедре. А теперь... Может, папа и прав? Может, такова моя судьба?!

Но дальнейшее будущее представляется туманным и расплывчатым, мне необходимо чувствовать себя в безопасности, знать, что произойдет завтра. По-другому я не умею. Находясь дома, по-прежнему хватаюсь за прошлое, несмотря на то, что привычный уклад жизни больше не приносит ни удовлетворения, ни счастья, но я все больше начинаю бояться неизвестности. Я ощущаю, что моя решимость постепенно угасает. Ее не сравнить с тем чувством, с которым я приехала из Кисловодска. С желанием все изменить в своей жизни и бороться с каждым, кому вздумает

ется встать у меня на пути. Может, мне нужно уехать?!

Единственное, что радует и вызывает улыбку – фото с концертов, которые Женя или Кирилл периодически скидывают на электронку. Но им не под силу, да и телефонным разговорам, заменить радость личной встречи и «живого» общения.

10.12.2005 г. Сегодня неожиданно позвонил Кирилл, сначала болтал без умолку, рассказывая об их турне, прошедших концертах, а потом резко заявил:

– На праздники мы вас ждем!

– Куда ждете? – переспросила я, но, сообразив, добавила. – А поняла, вы снова работаете сводой?

– Нет, вежливо приглашаю на новогодние праздники. Kislovodsk зимой прекрасен!

– Ах, вы! Знаете, чем подкупить! У меня есть время подумать?

– Нет, отвечайте сразу.

– Двадцать восьмого у меня последний зачет.

– Ну и договорились...

Сказать, что я была рада, ничего не сказать. Я находилась на седьмом небе от счастья и, сбросив звонок, сразу же помчалась к папе. Он был у себя, и, постучав, заглянула в кабинет:

– Пап, у меня к вам дело.

– Проходи...

– Мне нужно уеха... – начала я говорить, но от волнения и

быстрой ходьбы замолчала на полуслове: эмоции били через край.

– В Кисловодск? – договорил за меня папа и, сдвинув очки на нос, поднял голову.

Я улыбнулась и кивнула.

– Ты просто светишься! Даже если запрещу, ты все равно сбежишь, выпорхнешь бабочкой в окно и улетишь. Решай сама, если для тебя эта поездка важна, я не возражаю.

Со словами благодарности бросилась к папе и, чмокнув его в щеку, крепко обняла.

– Как же я вас люблю!

– Ну, будет тебе. Когда хочешь поехать?

– Двадцать восьмого у меня последний зачет, а там, на ближайший рейс. Завтра позвоню, узнаю насчет билетов.

– Хорошо.

Я еще раз обняла папу и хотела уже выходить, но в дверях налетела на маму.

– Что с тобой? Куда так несешься?

– Много дел, скоро же свадьба. Пойду готовиться, еще столько нужно успеть сделать!

И на радостях выскочила из кабинета, но прикрыв дверь, не удержалась и немного подслушала их разговор.

– Что с ней? То ходила целыми днями понурая, а теперь скачет как стрекоза!

– Ничего, просто я хочу отправить ее в командировку на некоторое время, вот она и обрадовалась.

– Куда?

– Точно не скажу. Нужно уладить кое-какие детали.

– Но на днях же свадьба?

– Не сейчас, ближе к Новому году.

– Ты хочешь отправить дочь под Новый год непонятно куда? – возмутилась мама.

– Это важно, и главное Леся не против. Можно подумать, это единственный Новый год в нашей жизни. Она и так долго засиделась у нас на шее. Кроме того это по работе.

– А традиция...

Дальше не стала слушать. Как хорошо, что папа всегда меня поддерживает и прикрывает в некоторых делах. Мама почему-то никогда не одобряет моего выбора.

15.12.2005 г. С утра забронировала билет до Кисловодска. Благо они еще остались, а то я боялась, что вдруг не смогу уехать. Но обошлось: двадцать девятого днем уезжаю. А в четыре часа была последняя примерка свадебного платья у Насти. Между делом она мне сообщила, что друг Паши, который должен был быть свидетелем, неожиданно уехал, и им пришлось попросить Сергея его заменить.

– Ты рада? – допытывалась Настя.

Я сидела молча: я ей не говорила, что между мной и Сергеем все кончено, похоже, и он это утаил.

– Можешь не отвечать, вот увидишь, и ваша свадьба не за горами. Я заметила перемены в твоём настроении.

Ее пронизательность заставила меня улыбнуться. Все же совсем не так. Жаль, она не знает, что после отъезда моя жизнь перевернулась на сто восемьдесят градусов, и теперь я беспокоюсь совсем по другому поводу. Мне жутко захотелось обо всем ей рассказать, но в последнюю секунду остановилась, посчитав, что время еще не настало, да и место для душевных излияний неподходящее.

– По-моему ты чересчур озабочена нашими отношениями с Сергеем, чем собственной свадьбой. Все разговоры только о нем, – и взглянула на низ платья. – Мне кажется, с левой стороны оно чуть-чуть длиновато. Посмотрите, пожалуйста? – обратилась к мастеру.

– Сейчас, – отозвалась она и пригнулась к подолу. – Так лучше?

Я кивнула.

– Ну все, к завтрашнему дню платье будет готово, – подытожила консультант.

– Замечательно, – ответила Настя и, еще раз покрутившись у зеркала, ушла переодеваться, но вернулась со странным выражением лица. Я слишком хорошо его знаю: она что-то затеяла. – Лесь, слушай. Я вот о чем подумала, давай, ты тоже что-нибудь примеришь?

– Зачем? Я замуж пока не собираюсь.

– Ну, пожалуйста!

– Нет.

– Ну, ради меня!

Я вздохнула.

– Я даже не знаю, какой фасон мне подойдет.

– Я тебе подберу! – с воодушевлением воскликнула Настя и на радостях прихлопнула в ладони.

– Если ты начнешь выбирать, мне придется перемерить все платья с витрины магазина и еще со склада.

– Не будь занудой!

– Настя, предупреждаю только одно.

– Хорошо, – произнесла она и окинула меня с ног до головы оценивающим взглядом. – Иди, готовься, а я пока все подберу...

И Настя отправилась рассматривать платья, висевшие на витрине, а я – в сторону примерочной. «И чем они отличаются, белое и белое – любое одень, ничего не изменится. Главное же не ошибиться с выбором партнера на всю жизнь, а не с выбором платья...» Настя не заставила себя долго ждать, через минут пять ворвалась в примерочную с целым ворохом свадебных платьев.

– Смотри, что я нашла! – воскликнула она и стала их развешивать на вешалку. – Примерь!

– Настя, одно!

Она расстроено вздохнула:

– Лесь, ты неисправима! Ладно, давай вот это. Оно мне больше всего понравилось.

Настя подобрала классическое белое платье «принцессы» с открытым декольте, без рукавов и лямок и облегающим

фигуру корсетом. Ажурный лиф со всех сторон был расшит вышивкой и стразами и плавно переходил от талии в пышную юбку. Консультант салона помогла мне его надеть.

– Ах! – вздохнула Настя, увидев меня выходящей из прищипочной. – Лесь, ты только взгляни в зеркало: ты сама невинность! И куда Сергей смотрит, дождетя, что тебя кто-нибудь другой под венец уведет.

– Перестань!.. – взволнованно отозвалась я.

– Это правда.

«Знаю, что правда!» – промелькнуло в голове, и принялась пристально всматриваться в отражение. Странное волнующее чувство завладело мной. До этого я никогда серьезно не задумывалась о замужестве, если только в юности, когда мы встречались с Сергеем. А с Женей?.. С Женей мы еще слишком плохо знаем друг друга, так что подобные предревременные мысли ни к чему... Издавна до моего сознания долетели обрывки разговора Насти с консультантом, они обсуждали, как платье хорошо сидело, словно его шили специально под меня.

– Мне кажется, на любой девушке свадебное платье сидит идеально, – отозвалась я и, взглянув на себя в последний раз, добавила. – Ну все, ты довольна?! Пойду переодеваться. Нам еще в кафе нужно успеть заехать.

– Стой на месте! – воскликнула Настя. – Я тебя щелкну! И она полезла в сумочку за телефоном. Я ахнула.

– Все переодевайся, а вы поберегите это платье, – обра-

тилась она к консультанту. – Возможно, мы скоро за ним вернемся.

На что я лишь вздохнула.

17.12.2005 г. Вот и свадьба. С утра салон красоты, выкуп, в два часа регистрация в загсе, фотосессия и застолье. Весь день я держалась подальше от Сергея, но в ресторане во время танцев мы все-таки перекинулись несколькими фразами.

– Ты так и не выбросила из головы свою бредовую идею?

– Нет, перед Новым годом уезжаю.

Он нахмурился.

– Мне интересно, как ко всему отнесутся твои родители?

Я усмехнулась.

– Папа все знает.

– Знает! – воскликнул Сергей.

– Тише! На нас оборачиваются.

– И он одобряет твое поведение? – недоумевал он.

– Да, потому что желает видеть дочь счастливой.

Сергей лишь покачал головой...

27.12.2005 г. Завтра последний зачет у второго курса, а послезавтра я уезжаю в Кисловодск. Это так скоро... Мне почему-то не по себе, даже трудно писать, постоянно путаюсь в словах и мыслях... Вечером звонил Кирилл, интересовался, во сколько приеду, обещал встретить, но о Жене ни слова, да собственно я и не спрашивала...

31.12.2005 г. Вот я и в Кисловодск. На перроне меня

встретил Кирилл. Один!..

– Я забронировал вам номер, как и договаривались.

– Спасибо.

– Вы бледны. Устали с дороги? – Я кивнула. – Ничего сейчас отдохнете, а вечером ждем у себя.

Я улыбнулась. Дошли мы быстро: гостиница оказалась недалеко, в двухстах метрах от вокзала, небольшая и уютная. На первом этаже располагались просторная гостиная и кухня, на втором – номера. Попрощавшись с Кириллом, я поднялась в номер и странно себя почувствовала. Не могу объяснить, неловко, что ли? Не знаю... Скинув только верхнюю одежду, прилегла и не заметила, как задремала. Очнувшись от непонятного предчувствия, будто за мной кто-то наблюдал. Настороженно обернулась и увидела Женю: он сидел позади меня. От неожиданности чуть не вскрикнула.

– Тихо-тихо. Это я!.. – произнес он и, придвинувшись, обнял и поцеловал: все чувства вмиг перемешались, а потом спросил. – Что ты так пугаешься?

– Как ты сюда попал?

– Второй комплект ключей, пришлось взять у хозяйки. До тебя же не достучаться! – ехидно добавил Женя.

– Я не слышала...

Он только усмехнулся и потрепал за щеку.

– Выглядишь уставшей. Снова тряслась два дня в поезде? – укоризненно спросил Женя. – Не могла взять билет на

самолет?

– Ты же знаешь, что я до жути боюсь летать, а в одну ночь и подавно.

– Ладно. Смотри, что я привез тебе из Лондона, пока не забыл, – и он засунул руку в карман брюк и достал небольшую черную коробочку и протянул мне.

– Что это?

– Открывай, увидишь.

Внутри лежала серебряная цепочка с подвеской в виде капельки, посередине которой был вставлен небольшого размера полупрозрачный камешек бледно-голубого цвета с молочным отливом. Я высунула ее и стала внимательно рассматривать:

– А что это за камень?

– Халцедон... Дай сюда, я надену... Теперь повернись, оценю свой выбор, – и Женя посмотрел на меня. – Тебе идет, подчеркивает всю глубину глаз.

Я смущенно толкнула его плечом.

– Вы были в Лондоне?

– Да, а почему ты думаешь, я тебе не звонил и доверил все Кире? Мы с Максом сводили несколько новых песен, решили до праздников все закончить. А теперь иди сюда, я соскучился...

Кто бы знал, как я соскучилась!

К восьми часам мы пошли к Кириллу и Майе. Они жи-

ли неподалеку в небольшом загородном доме с мансардой. Внутри было хорошо, светло и просторно. Я помогла Майе с приготовлениями, а в одиннадцать мы отправились на Курортный бульвар – главную городскую площадь – встречать Новый год. На улице была настоящая зима. Погода разгулялась не на шутку: снег летел такими огромными хлопьями, что запорошил все тротуары, деревья, клумбы. Но обильный снегопад не остановил людей, и на бульваре было многолюдно. Мы полюбовались салютом, прогулялись и вернулись. Посиделки за столом. Кроме нас и Кирилла с Майей к нам присоединилось еще несколько человек, которых мы встретили на бульваре, но они надолго не задержались, и вскоре все разошлись по домам. Я хотела тоже уйти, но Майя уверила меня, что мы им не помешаем. Кроме того она уже приготовила нам комнату. Я была польщена ее гостеприимством.

Пока мы с Майей убрали со стола, Женя с Кириллом вышли на улицу и некоторое время отсутствовали. Все закончив, Майя пожелала спокойной ночи и поднялась к себе, а я решила дождаться Женю и присела в гостиной на диван. В камине разгорался огонь; языки пламени постепенно прорывались сквозь свежие поленья и вскоре превратились в сплошное ярко-оранжевое огниво. Меня это так увлекло, что я и не заметила, как вернулись Женя и Кирилл. Кирилл уже успел подняться к себе, а Женя присел рядом и, обняв, сказал: «Я думал, ты уже легла».

– Нет, решила дождаться тебя...

Потом слово за слово и мы с ним разговорились. Мне это так нравится, что мы можем подолгу о чем-то беседовать, невзирая на время и обстоятельства. И самое главное, мы внимательно слушаем друг друга, что очень ценно. Буду надеяться, что подобную привычку мы сохраним и не утратим в дальнейшем...

1.01.2006 г. А утром после завтрака мы сразу же пошли гулять. Погода на улице установилась отменная: за ночь прояснилось и от вчерашнего ненастья и следа не осталось; было морозно; ярко светило солнце, и выпавший снег поблескивал в его лучах. На ум невольно приходили строчки: «Мороз и солнце. День чудесный...»³ К тому же мне не хотелось злоупотреблять гостеприимством и обременять Кирилла и Майю. Так что мы немного погуляли, повалялись в снегу, точнее меня поваляли. Что уж там дети! Благо на улице было ни души, город словно вымер. В принципе первого января каждый год наблюдается подобная картина. В гостинице позвонила папе: поздравить с праздником и сказать, что у меня все в порядке. Женя удивился:

– Почему папе? Я думал, что дочери ближе к мамам? Это они знают обо всех девичьих секретах и тайнах.

– У нас сложилось не так: с детства мы с папой друг друга прикрываем. Кроме него меня больше никто так хорошо не понимает.

³ Пушкин А.С Зимнее утро. 1829.

– Он все знает?

– Да.

– А мама?

– Если бы она знала, меня бы здесь не было... Ну, все пойдем! Я хочу прогуляться по парку!

Несмотря на то, что на улице зима, парк все равно выглядел очаровательно: вечнозеленые деревья и кустарники наперевес с ослепительно белым снегом, бережно накрывшим все мохнатыми шапками, придавали ему особую праздность и красоту. Казалось, можно было бесконечно гулять по заснеженным аллеям и любоваться природой, услаждая глаз, после пейзажей улиц больших городов, где сплошь грязь и выхлопные газы.

8.01.2006 г. Сегодня узнала не очень приятную новость. Мы сидели в гостиной, пили чай вместе с Кириллом – они что-то решали насчет предстоящих концертов. Между делом Жене кто-то позвонил, и он на несколько минут отлучился. Мне почему-то сразу бросилось в глаза, что, услышав вибрацию, они оба переменились в лице, но я не придавала этому значения. Потом когда Кирилл собрался уходить, он что-то шепнул Жене, он кивнул ему в ответ и только вечером перед сном заговорил:

– Мне нужно тебе кое о чем сказать...

От тона его голоса по спине пробежал холодок, а сердце затрепетало. Я склонила голову ему на плечо. Речь пошла о его бывшей жене – Алине и ребенке. Как бывшей! Брак офи-

циально не расторгнут, но по его словам, они не живут вместе больше пяти лет: Алина с ребенком сейчас живет за границей, а он выплачивает алименты.

– Когда мы познакомились с Алиной, были молоды и не готовы строить семью. Я только начинал строить карьеру. К тому же Алина никогда не относилась к моему творчеству серьезно, считала пустой тратой времени. «Кому нужны твои песни, лучше чем-нибудь перспективным занялся», – всегда она повторяла, подразумевая под этим спекуляции. В девяностые все этим грешили и неплохо зарабатывали. Но постепенно наши песни зазвучали на радио, нас стали приглашать на концерты, начались сольные выступления. Несмотря на это, денег по-прежнему катастрофически не хватало. Сама понимаешь девяностые – кризис в стране. Каждый выживал, как мог. К тому же Алина вскоре забеременела. Тут-то и начались трудности...

Я был постоянно в разъездах, соглашался на любые концерты, корпоративы, лишь бы хорошо платили, а Алина оставалась одна с Данькой. Помощи было ждать не от кого. И когда я приезжал домой, она срывалась на мне. Вместо того чтобы проводить время вместе, мы выясняли отношения. Приедешь уставший с гастролей, думаешь, сейчас, наконец, побудешь дома, отдохнешь. Но нет, дома скандал. Я особо не церемонился и молча уходил, хлопнув дверью. Пьяные посиделки с друзьями... Возвращался под утро, и снова выяснение отношений...

Женя откашлялся и продолжил:

– Конечно, вел я себя по-скотски, но по молодости не задумываешься об этом. Горячий нрав. Это спустя годы многое начинаешь понимать и жалеть. Помню один раз... – И он резко замолчал, отчего мне сделалось не по себе. – Мы сильно поссорились. Я тогда не на шутку вышел из себя, очнулся от того, что стало тихо-тихо... Алина сидела на стуле вся в слезах и держалась за лицо. Я, не зная, что делать, взял и ушел, оставив ее одну...

И Женя резко соскочил с постели и, подойдя к окну, закурил. Сделав несколько глубоких затяжек, он продолжил говорить:

– После этого мы не разговаривали: я уехал на гастроли, а когда вернулся, мне показалось, что она притихла, держала себя в руках, но это продлилось не долго. Спустя неделю снова начались придирки, ссоры. Честно говоря, я тогда не на шутку испугался того, что ждет нас впереди и не нашел ничего лучшего, как предложить пожить отдельно... Алина поначалу противилась, возмущалась, но в итоге согласилась. И не зря, как оказалось. Наше расставание пошло ей на пользу. Она оставила Данила на попечение своим родителям и снялась в одной фотосессии, и как оказалось удачно. Ее стали приглашать на съемки. Карьера ее взмыла вверх, как и моя... – Женя перевел дыхание. – Повстречались мы спустя, наверное, год после расставания, и бывшие чувства вспыхнули вновь. Мы опять съехались. Но

это были странные отношения. Мы теперь вдвоем пропадали в разъездах, а то время, которое удавалось проводить вместе, вечно ссорились... Тем не менее, так мы еще прожили года три. После чего окончательно разбежались.

Я все то время пока Женя говорил, слушала его молча, еле дыша. А что я могла сказать? Естественно, я обо всем знала, конечно, не в таких подробностях. Странно было бы не знать, когда в газетах и журналах неоднократно об этом писалось, и сочла правильным не усложнять: всякое в жизни бывает. В принципе все, как у всех, по молодости по глупости женился, потом не сошлись характерами и разбежались. Пока я рассуждала про себя, Женя присел на постель и резко спросил:

– Осуждаешь?

– Нет, я тебе не Гаагский суд, чтобы выносить вердикт. Единственное, что для меня имеет значение, как ты относишься ко мне, а остальное меня не касается. А мальчику сколько?

– Десять.

– Взрослый уже. А как зовут?

– Данил.

– Видитесь с ним?

– Раньше постоянно, сейчас редко, только когда Алина приезжает в Россию.

– Почему ты боялся мне рассказать? Ведь в прессе об этом неоднократно писалось.

– Не знаю, не подумал...

Я улыбнулась и, шутя, произнесла:

– Что-то свода плохо работает!

– Свода? – не совсем понимая, переспросил Женя

– Друг твой, не доглядел!

– Кира, хороший...

– Знаю, но с тебя должок! Завтра идем встречать восход!

Он улыбнулся.

9.01.2006 г. Конечно, зря я это затеяла, идти по снегу в мороз в такую даль, да еще чуть свет, оказалось труднее, чем я могла себе представить. Но мучения стоили того. На самом деле красотища! Вид открывался неопиcуемый. Весь парк выглядел таким заснеженным. Белым-пребелым! Ну, а когда взошло солнце, все вспыхнуло тысячами огоньков. Было ощущение, что ты попал, словно в сказку. Восторг непередаваемый! А красное солнце все таким и осталось. Дома оно почему-то другое: сколько я в него не всматривалась, не смогла отыскать столько величия и красоты, как здесь!..

6.02.2006 г. Четыре недели безоблачного счастья, наполненные ароматом хвои, сверканием мишуры и елочных гирлянд пролетели так, как будто их и вовсе не было. До чего же несправедливо! Ведь возьми любой год, и январь после новогодней суеты и праздности длится мучительно долго и нудно. Мне пора возвращаться: мы с папой договаривались, что я уеду примерно на месяц. Но Женя не торопился, на-

оборот настаивал, чтобы я осталась еще на недели три. В конце февраля у них будут по графику два крупных отчетных концерта в Москве и Питере, а потом продолжится гастрольный тур по стране. Конечно, мне хотелось остаться, но в то же время было немного совестно. Я позвонила папе. «Если нужно, оставайся!» Сказал бы нет, а то делай, что считаешь нужным... Ну и, конечно, я осталась.

Но спустя неделю Жене позвонил Макс и сообщил, что концерт в Москве по техническим причинам переносится. Теперь Жене нужно уезжать на неделю раньше. Поначалу я расстроилась, но Кирилл предложил поехать вместе с ними. Долго я отнекивалась, но этим двоим, все-таки удалось меня уговорить. В сущности, какая разница, где мы проведем последнюю неделю в Кисловодске или в Москве.

11.02.2006 г. Сегодня вечерним рейсом прилетели в Москву. Когда отъезжали от аэропорта, я поинтересовалась у Жени:

– Где мы остановимся?

– У меня, – шепнул он на ухо.

Я дернулась.

– Ты снова вздрогнула! У меня есть небольшая квартирка неподалеку от центра.

Я лишь улыбнулась. Ехали мы и вправду недолго, и примерно через полчаса оказались во дворе жилого комплекса с трех сторон окруженного многоэтажными домами. Квартира Жени находилась аж на десятом. Это так непривыч-

но, у нас в Оренбурге нет высотных зданий, а здесь...

Женя сразу отправился в душ, а я пока осмотрелась. Квартирка и впрямь была небольшая. Как сейчас модно говорить квартира-студия, но есть все самое необходимое: гостиная, кухня и даже отгороженная от общего пространства деревянной перегородкой спальная зона. Все достаточно компактно и сдержано в цветовой гамме. Сразу понимаешь, что попал в холостяцкую берлогу, которой не касалась рука женщины: никаких лишних предметов, комнатных растений, скатертей.

Посреди гостиной располагались черный кожаный диван, два кресла и низенький журнальный столик. Напротив, на стене, оформленной под кирпичную кладь, висел телевизор, по бокам несколько больших фотографий с изображением группы в полном составе и примерно столько же наград. Я подошла ближе и пока с любопытством разглядывала их, не заметила, когда Женя вышел из душа и приблизился ко мне.

– И что это ты тут делаешь? – заговорщически спросил он, положив голову мне на плечо.

– Рассматривала фотографии...

На что Женя только усмехнулся и увлек за собой на диван. Мгновенно взглядом скользнула по подушкам, которые стояли так ровно, будто их выставляли с помощью линейки, и не удержалась и спросила об этом – меня сразу удивило, только мы перешагнули порог квартиры, какие везде царили чистота и порядок.

– А ты думала, застать все в полном беспорядке?! – съехидничал Женя.

– Нет, просто такая идеальная чистота сразу бросается в глаза.

– За чистоту и порядок нужно благодарить добрейшую женщину, живущую со мной по соседству, которая и приглядывает за квартирой, пока я подолгу пропадаю на гастролях. Не люблю возвращаться домой и находить все в беспорядке. Ты идешь в душ?

– Да, сейчас...

А когда вышла, свет везде был потушен, и горел только небольшой ночник в спальном зоне. Женя, полулежа, сидел на разобранной постели с закрытыми глазами. Я молча присела с другой стороны и продолжила обмакивать полотенцем волосы, заодно осмотрелась. Внимание привлекли три гитары, гордо висевшие на стене, и письменный стол с компьютером и еще каким-то малопонятным для меня оборудованием. «Видимо это своеобразное рабочее место», – подумала про себя, а вслух поинтересовалась:

– Здесь ты пишешь песни?

– Да, – отозвался Женя и приоткрыл глаза, – делаю наброски, потом уже в студии доводим их до ума.

– А что сначала пишется музыка или слова?

– У всех, наверное, по-разному. У меня сперва возникает определенный мотив, своеобразная зарисовка, по которой ты уже знаешь, какой будет песня тяжелой и ритмич-

ной или медленной и лиричной, потом под нее сочиняются стихи.

– Я почему-то всегда думала, что наоборот.

– Бывает и, наоборот, на готовые слова сочиняется музыка, но так происходит очень редко, когда я откопаю в своих закромах какой-нибудь текст, и он как нельзя, кстати, оказывается актуальным и сегодня. Еще вопросы?

Я усмехнулась.

– Нет, просто для меня это ново и совсем непонятно. Я никогда не задумывалась о том, что как же тонко нужно чувствовать музыку, чтобы под нее написать подходящий текст, и они зазвучали единым целым. Я могу понять по отдельности, но вместе это сложно.

Теперь усмехнулся Женя.

– Все приходит с опытом, – и он подозвал меня к себе. – Ложись, любопытная Варвара! Уже поздно, а мне завтра надо встать пораньше и успеть к эфиру на радио.

– На радио?

– Да, небольшое интервью-реклама перед концертом...

12.02.2006 г. Проснулась поздно, около десяти часов. Женя уже не было. Вставать мне не хотелось, и я решила еще немного понежиться в постели. Резко раздался шум возле входной двери. Я подумала, что это вернулся Женя и без задней мысли, в чем была с взъерошенными после сна волосами, вышла в прихожую и здорово удивилась, когда вместо него дверь открыла женщина лет сорока пяти: она что-то

бормотала себе под нос, но заметив меня, встала как вкопанная. Мы уставились друг на друга и молчали. Я ощущала себя неловко, будто меня поймали с поличным в чужой квартире, но потом резко спохватилась и первая отозвалась:

– Вы, наверное, тетя Света. Мне Женя говорил о вас. Вы пришли сделать уборку?

– Да...

– Мы вернулись поздно вечером, Женя не успел предупредить...

Она многозначительно окинула меня взглядом и произнесла:

– То-то я смотрю, дверь заперта только на нижний замок... Я начну пока убираться в гостиной...

– Да, конечно, – смиренно ответила я.

И тетя Света принялась за уборку, а я отправилась в ванную приводить себя в порядок: мне стало неудобно перед чужим человеком за свой растрепанный вид. Пока принимала душ, тетя Света собрала постель, разложила разбросанные вещи по местам. Мне было жутко неловко. Я не привыкла, чтобы за мной убирали, тем более женщина в возрасте. Понимаю, она получает за это деньги, но все равно как-то неудобно. Я приготовила чай и, когда тетя Света закончила, предложила и ей. Она не отказалась.

– Вы извините меня за недоверие! Впервые за пять лет, сколько приглядываю за квартирой, наткнулась здесь на женщину.

– Все в порядке. Вы живете по соседству?

– Да, этажом ниже. Муж не хочет, чтобы я работала, боится: сердце у меня не важное. А приглядывать за квартирой мне не тяжело, и муж спокоен, и лишняя копейка есть.

Раздался звук ключа в замочной скважине. «Ну, это наверняка Женя», – подумала про себя, а тетя Света сразу же спохватилась и направилась в прихожую, я последовала за ней.

– Я только кухню не прибрала, – говорила она Жене.

– Не волнуйтесь, я все сама закончу.

– Ну, ладно, – она развела руками и направилась к двери.

Уже стоя на лестничной площадке, тетя Света все-таки обмолвилась Жене:

– Ну и подвели же вы меня, хоть бы предупредили, я бы не приходила, а то такой конфуз получился.

– Все в порядке, – ответил он добродушно и, уже прикрывая дверь, добавил. – Да и эту неделю можете не приходить, только на следующей...

Остаток дня провели дома: идти никуда не хотелось, и мы пересмотрели несколько старых советских комедий на DVD. Женя тоже оказался их ценителем и обладателем небольшой коллекции. Не знаю, кто-то называет эти фильмы скучными, примитивными и снятыми по госзаказу, но я обожаю их и всегда смотрю с огромным удовольствием и наслаждением. От современного кинематографа почему-то

не веет таким согревающим душой теплом и светом...

13.02.2006 г. Сегодня к обеду мы поехали в «Лужники», где через пару дней состоится концерт. Женя взял меня с собой, если быть точнее, я сама с ним напросилась. Мне не захотелось оставаться в квартире в гордом одиночестве, как и бродить по незнакомому городу в поисках приключений. Когда ребята увидели меня вновь, озадачились. Никита даже пошутил, что я опять буду участвовать в концерте. Ну, уж нет! Я для себя твердо решила: на сцену больше ни ногой. В это время Женя стоял рядом.

– Нет, она со мной!.. – отозвался он и, обняв, при всех поцеловал.

От неожиданности я смутилась и, мгновенно покраснев, попыталась отстраниться от него: я жутко стесняюсь показывать на людях свои чувства, а Жене хоть бы что. Я подметила, ему даже нравится ставить меня в неловкое положение, а потом наблюдать за моей реакцией и потешаться. Но, несмотря на смущение – я, наверное, воспитана как-то не так, – в глубине души мне стало тепло от его слов, ведь я впервые слышала, как он при ком-то говорил о нас...

16.02.2006 г. Вот и день выступления. С двенадцати часов начались последние репетиции, а вечером состоялся и сам концерт. Перед выходом на сцену все собрались в гримерке: посидеть на дорожку перед концертом – это у них такая традиция. Женя уходил последним.

– Волнуешься?

– Перед каждым выступлением.

– А я перед каждой лекцией, такое ощущение будто читаю ее впервые.

– Я тоже, – согласился Женя и, поцеловав, поспешил на сцену.

А я поначалу сидела в гримерной, но мне это быстро наскучило. До перерыва оставалось около тридцати минут, и я решила выйти к сцене и посмотреть на выступление из-за кулис... Странные были ощущения, особенно когда звучали давние песни, которые мы с Настей слушали еще на кассетном магнитофоне... Как же все круто перевернулось! В юности мы мечтали попасть на их концерт, а теперь я стояла за кулисами и ждала Женю... Еще одна песня и гитарное соло, сейчас будет перерыв, и я поспешила в гримерку. Следом появился Женя: он весь вспотел и запыхался. Я подала ему полотенце и сменную одежду. Женя мигом переоделся и подошел ко мне и, резко схватив за руку, со словами: «Пойдем со мной!» потянул за собой. Я ничего не понимала: мы шли в направлении сцены.

– Пусти! – запаниковала я. – Я не пойду с тобой!

– Не кричи! Последний раз! Обещаю!

– Но что я там буду делать? – недоумевала я.

– Ничего, просто постоишь рядом.

Я насупилась, но все равно последовала за ним. На сцене было темно; мы шли осторожно, стараясь не наступить

на какой-нибудь провод или обо что-нибудь не споткнуться и, наконец, остановились у микрофона. Постепенно загорелись прожектора, и когда послышались первые аккорды, Женя запел... Голос зазвучал его плавно и мелодично, с акцентом на округлые длинные гласные, в который он вкладывал особое чувство, особую выразительность... Лирический баритон... Я незаметно склонила голову ему на грудь и просто слушала, не разбирая слов, они, казалось, слились в единое целое с музыкой, подобно гулу ветра или шуму прибоя, и проникали в самое сердце, странно волнуя. Конечно, его голос не идеален, но для меня он лучший. Я наполнилась им до краев и без него мне теперь точно не жить...

От захлестнувших эмоций по щекам потекли слезы. Женя это почувствовал и лишь сильнее прижал к себе.

А после выступления все собрались в гримерке: устроили небольшие посиделки. Макс заодно припомнил и конкурс... Все шутливо начали вспоминать о тех событиях, хотя тогда было не до смеха. Случайно заметила пропущенный звонок от мамы и вышла в коридор. Быстро поговорив с ней, хотела зайти обратно, но не успела, из гримерки выглянул Женя.

– Вот ты где! А то я тебя обыскался. Все хорошо?

– Да, просто звонила мама, вот я и отлучилась, чтобы перезвонить ей.

Женя приблизился и приобнял за плечи:

– Устала? Утомили мы тебя?

– Немного...

– Сейчас мальчики еще малость расслабятся, и поедем домой, – шутливо произнес он.

– Что-то только вы с Кириллом отбиваетесь от мальчиков?

– Да, мы с Кирой ни-ни! – важно заявил Женя.

– А как же «sex, drugs and rock-n-roll?» – съехидничала я.

– Ха-ха! Это скорее такой дух молодости, безбашенности. Просто однажды ты подходишь к точке невозврата и решаешь, что для тебя важнее: всерьез заниматься творчеством или и дальше скатываться по наклонной, – и он, подмигнув мне, добавил. – Неплохо сказал?! – Я улыбнулась. – Я прекрасно знаю, как алкоголь и наркотики действуют, и поверь мне, лучше без них.

– Знаешь?

– Да, – ответил Женя и, поцеловав в лоб, добавил, – но твоей ангельской головке лучше про это ничего не знать. Получать удовольствие от концерта можно и без всей этой дряни. Кроме того выходить на сцену с бодуна не уважительно по отношению к слушателям и фанатам: люди потратили деньги, нашли время, чтобы прийти на концерт и послушать любимые песни, а вместо этого наблюдают на сцене пьяного, не владеющего собой артиста.

– Но почему тогда... – заговорила я, но осеклась.

– Что тогда?

– В Лондоне...

Женя ехидно ухмыльнулся:

– Тогда причина была иная, – произнес он и, стиснув в объятиях, добавил. – Ревность!..

– Жень!..

– Да, похотливого взгляда того чувака было достаточно, чтобы разжечь во мне пламя ревности. Ты видела, как он смотрел! Да он пожирал тебя глазами, прилюдно раздевал!

Я съезжилась и попыталась отстраниться.

– Ничего подобного.

– Врешь, ты все видела и чувствовала.

– Возможно, но поэтому я и попросила Кирилла вернуться в гостиницу.

– Ох уж этот, Кира! Не знаю, что меня сильнее разозлило, тот чувак или то, что вы ушли с Кирой. Я, может быть, весь вечер только о том и думал, как подкатить к тебе: время поджимало, конкурс был на носу, а потом бы ты уехала, и тут появилась такая возможность, но вмешался Кира! Я ему и свистел и руками махал, но он меня не замечал. Просто увел тебя и все.

– А с чего ты взял, что я бы пошла с тобой?

– А то нет? Предпочла бы остаться в малоприятной компании или куда хуже возвращаться в гостиницу в одиночку в незнакомом городе?

– Не знаю...

– То-то же!

– Пойдем, вернемся...

– Пойдем... Но вселенная все-таки ответила на мои чаяния, правда, не в той форме, в какой хотелось бы мне. Как ты считаешь?

Я лишь толкнула его локтем.

Ушли мы поздно. На выходе из здания нас окружила небольшая толпа фанаток, совсем еще девчонки, мы кое-как протиснулись мимо них. Когда машина тронулась, я стала смотреть на фонари, мелькающие за окном, Женя обнял меня и шепнул с ухмылкой:

– Ты никак не отреагировала? Ты не ревнуешь?

– Нет.

– Почему?

– Не думаю, что они тебе интересны, они ведь совсем молоденькие и глупенькие.

– А вдруг? – Я ничего не ответила. – Кстати, как тебе новая песня?

– Песня?.. – с удивлением переспросила, но потом, сообщив, к чему он клонит, осеклась.

– Ну!.. – толкнул он плечом.

– Жень, честно... – начала я говорить, но слова не шли с языка. – Я плохо... точнее не поняла, не совсем разобрала... – и в конец, запутавшись, замолчала.

– Нет, я ее вытянул, чтобы она оценила новое творение! А ты! – усмехнулся Женя. – Стояла рядом и ничего не слышала.

– Жень! Для меня это было слишком волнительно... Все смешалось в голове... – покрасневшись, произнесла я.

– Эх, ты! – и поцеловал в щеку...

Глава V

22.02.2006 г. Сегодня после обеда Женя с группой должен улететь в Санкт-Петербург, а я возвращаюсь в Оренбург. Преодолевая километр за километром, поезд приближает меня к дому и все больше отдаляет от Жени. Снова сердце сжимается от боли, как и в прошлое наше расставание. Вчера мы попрощались, хотя он до последнего настаивал, чтобы я села на самолет и улетела сегодня вечерним рейсом – билеты в кассе еще были, – но я наотрез отказалась: лучше потрачу лишние сутки в пути, чем одна полечу на самолете.

Всю дорогу из головы не выходил наш разговор ночью перед отъездом. Мы лежали в постели друг напротив друга. Женя водил кончиками пальцев по моему лицу и волосам, приговаривая:

– Перебирайся ко мне.

– И что я тут буду делать?

– То же, что и все: жить, работать, не знаю, подыщешь себе какое-нибудь занятие. Переезжай... – Я молча отвела взгляд в сторону, а Женя говорил дальше. – В Москве мы постоянно бываем проездами, даже во время гастролей. Мы чаще будем видеться. – Я молчала. – Лесь, тебе все равно придется переехать, долго так не может продолжаться.

– Знаю...

– Или ты до сих пор сомневаешься в моих намерениях? Причина в этом? – Я молчала: слова не шли с языка. – Лесь, ну послушай, тебе не кажется, что я уже немного стар для подобной драмы. Да, по молодости я наделал кучу ошибок и глупостей, не отрицаю, но на то она и молодость. Но сейчас я точно знаю, что мне нужно. Ты мне нужна! Я очень дорожусь тобой. Переезжай, зачем тянуть?..

Действительно, зачем? Женя прав. Я и сама больше не вижу своей жизни в Оренбурге и не рада возвращению домой, душа рвется обратно... Никогда не представляла, что захочу покинуть родной город. Для меня это всегда было чем-то невообразимым. А теперь...

Все попутчики по купе сошли на предыдущих остановках, и я осталась в полном одиночестве. Сидя у окна, наблюдала за мелькающими пейзажами и продолжала думать о том, о сём... Почему-то припомнился разговор с Майей. Перед отъездом в Москву последний вечер мы провели у них: Кирилл с Женей обговаривали детали предстоящих концертов, а мы с Майей сидели на кухне и пили чай. И тоже говорили о переезде...

– Перебраться сюда не думали еще? – спросила Майя невзначай.

– Пока нет. Сложно решиться порвать с прошлым и начать все с чистого листа.

Майя усмехнулась.

– Что правда, то правда. Знаю не понаслышке.

– Не в этом дело, просто я не вижу себя в Москве.

– Да, на кой вам Москва! Я вон коренная москвичка и что?

– Ты тоже из Москвы?

– Да, мы-то там с Кирой и познакомились в одном из ночных клубов. Надо сказать, полоса у меня в жизни была тогда не из легких, если не худшая, но это неважно. А когда поженились, переехали сюда, Кира ведь родом из Кисловодска. Я так устала от столичной жизни, что особо не возражала. Поэтому перебирайтесь лучше к нам! – с воодушевлением произнесла Майя. – С работой я помогу. Психологи в санатории всегда нужны, особенно летом. Конечно, платят здесь не ахти, но думаю, для тебя это будет не столь важно.

– Не знаю, согласится ли Женя?

– Поверь мне, этим двум перекаати-поле все равно где жить, они и в самолете приспособятся, и в поезде, и даже на луне, если понадобится. Поэтому смело решай за двоих...

За двоих!.. Пейзаж за окном сменился: лес закончился, и только изредка попадались одиноко стоящие деревца на бескрайних просторах степи, застланных ровным снежным покрывалом, на которое предзакатное солнце, словно на белый холст, разлило нежно-розовые лучи. Осталось еще чуть-чуть, и я буду в Оренбурге...

А дома не успела перешагнуть порог, как мама, не позволив мне даже переодеться с дороги, потащила в кабинет к

папе и устроила нам настоящий допрос.

– Что-то ты стала подолгу пропадать вне дома? – негодовала она. – Перед отъездом вы меня заверили, что ты вернешься в конце января, а уже скоро закончится февраль.

– Мама, так сложились обстоятельства...

– Что еще за обстоятельства!.. – продолжала причитывать мама. – О чем ты только думаешь? А ты, Юра, во всем ей потакаешь!

– Сонь!..

Потом мама ни с того ни с сего переключилась на Сергея. «Ну почему любой разговор с ней сводится к одному и тому же?!»

– Я не выйду за Сергея!

– Но почему? – недоумевала мама. – Он из нашего круга, у вас общие интересы, да и знаете вы друг друга давно или у тебя кто-то есть?

Я вздрогнула и нерешительно обронила: «Нет...», мысленно рассудив, что пока так будет лучше: если открою правду сейчас, она ее не примет, и все только усложнится, и добавила:

– Просто мы с ним совсем разные.

Мама хотела что-то возразить, но у нее зазвонил телефон, и она, взяв трубку, между делом бросила папе: «Образумь ее!» и торопливо вышла из кабинета.

– Ух, кажется, пронесло! – отишутился папа и, присаживаясь ко мне на диван, обмакнул лоб.

– Похоже...

– Но ей придется обо всем рассказать, милая.

– Знаю, но пока еще рано...

– Как ты? – сердечно спросил папа и от его пронзительного взгляда навернулись слезы.

– Хорошо... – прошептала я и прилегла к нему на грудь.

– Тебе там лучше, я вижу. Хочешь уехать?

– Не знаю... – отозвалась я. – Но все больше и больше склоняюсь к этому... Кроме того у меня появилась одна идея...

– О, узнаю свою девочку! Ну и?

Я отстранилась от папы и заговорила более серьезным тоном:

– Я вот о чем подумала. Ведь многих наших пациентов можно отправлять в Кисловодск на санаторное лечение, для начала хотя бы просто рекомендовать. Как вы считаете?

– Идея не плохая. Это положительно скажется на работе консультации.

– А я бы могла решать все организационные вопросы на месте.

– Какая шустрая! – воскликнул папа. – А я сижу, гадаю, не возьму в толк, к чему она клонит!

– Пап!..

Он потрепал меня за щеку и добродушным голосом произнес:

– Позже все обсудим. И еще... – произнося эти слова, папа переменялся в лице и даже немного отстранился от меня. – Раз уж все так серьезно, я бы хотел побеседовать с этим молодым человеком. И лучше, если это будет личная встреча.

– Папа!.. – воскликнула я и уже собиралась возразить, но папа перебил меня, повысив голос. – Не перечь мне! Я хочу с ним поговорить и точка! А то больше не рассчитывай на мою благосклонность!

– Хорошо... В мае у них будет концерт здесь...

– Вот и ладно, – снова добродушно произнес папа. – А сейчас ступай и отдохни, ведь устала с дороги?

Я кивнула и, обняв папу на прощание, ушла к себе.

25.02.2006 г. Вернувшись в Оренбург, жизнь снова потекла в привычном русле: размеренно и неторопливо. На днях созванивались с Настей и сегодня договорились встретиться: они с Пашей как раз приехали из медового месяца. А то за последнее время мы с ней так отдалились, что и не припомню, когда мы просто сидели и о чем-нибудь сплетничали, не говоря уже о том, чтобы затрагивали важные жизне-трепещущие темы.

Поначалу разговаривали о делах, о работе, потом Настя переключилась на их путешествие – тараторила без умолку, что я только и успевала поддакивать ей, но вдоволь наговорившись, она притихла, и в воздухе повисло тягостное молчание... Я, опустив глаза, колотила остывший чай, а ко-

гда на миг подняла их, наткнулась на пристальный взгляд Насти, в голове невольно промелькнуло: «Похоже, пришло время обо всем ей рассказать...»

– Ты что-то утаиваешь от меня, подруга?

– Нет, почему ты так решила?

– На днях разговаривала с Сергеем. Я-то думала, пока мы вернемся, между вами хоть что-то завяжется, но нет! Сергей сказал, что ты давно поставила точку в ваших отношениях, еще до нашей свадьбы. Как это понимать?

– Я осознала, что нас больше ничего не связывает, мы стали слишком разными.

Услышанный ответ Настю не устроил, и она продолжала пристально смотреть на меня.

– Что-то ты темнишь, подруга! Выкладывай все. Осенью я не придавала особого значения твоему странному поведению, так как с головой была поглощена предсвадебными хлопотами, но сейчас тебе не отвертеться. Это связано с клипом, который я совершенно случайно увидела на днях? И то благодаря Пашке. Я права?

Я с удивлением посмотрела на нее и собиралась уже возразить, но Настя меня перебила:

– Не пытайся выкрутиться! Пашка, конечно, не поверил, что это можешь быть ты, но я-то еще в состоянии узнать свою подругу!

– Ну да, ты права...

– И это все, что ты можешь сказать?!

– Да...

– По глазам вижу, что-то скрываешь от меня!

– Скрываю... – На щеках предательски выступил румянец, и я вздохнула. – Да и после клипа столько всего произошло, что он уже не имеет никакого значения, – помолчав с минуту, добавила. – Летом собираюсь уехать в Кисловодск, возможно, навсегда...

– К нему? – озадаченно спросила Настя и вытаращилась на меня. Я утвердительно кивнула. – Я начинаю тебя ненавидеть! Ты украла мою мечту!

Я усмехнулась: я и забыла, что Настя грезила по Жене в годы нашей юности...

– Дыши равномерно, у тебя есть Паша!

– Да, но это же мечта! – с восхищением произнесла она и, подперев рукой голову, устремила восторженный взгляд вверх, но очнувшись, спросила. – Все так серьезно?!

– Более чем.

Потом я поведала ей в мельчайших подробностях обо всех своих приключениях: она и вправду была поражена.

– Ну ты, подруга, даешь! И ты целый год ухитрялась держать все в тайне? Я бы так не смогла! От одной мысли о нем я впадаю в эйфорию!.. Я бы, наверное, кричала об этом на весь свет. Какой там Сергей!..

Я лишь усмехнулась.

30.06.2006 г. У работы есть такая особенность, она умеет затянуть тебя с головой, тем более у меня: погру-

жаясь в чужие заботы и передраги и отвлекаешься от собственных. Завтра уже первое июля!.. До отъезда в Кисловодск остается три недели. С утра забронировала билет на двадцать первое число и написала заявление на отпуск с последующим увольнением. Страшно!.. Полчаса сидела за рабочим столом и не решалась пойти к папе и поставить визу.

– Уверена? – спросил он, взглянув на заявление, а потом пристально посмотрел на меня.

– Да.

– Я подписываю?

– Да, – произнесла и, улыбнувшись, добавила, – третий раз можете не спрашивать, я уверена.

– Да вижу, что настроена решительно. Узнаю себя в молодости: если уж принимал решение, переубедить не имело смысла. – И он опустил голову и сделал запись. – Вот и все! Держи!

– Пап, и еще... вы скажете маме об отъезде?

– Ага, бросаешь меня на амбразуру!

– Пап!..

– Не волнуйся! Сегодня или завтра поговорю...

Раздался стук.

– Я пойду, – произнесла я и, встав, хотела уходить, но в кабинет заглянул Анатолий Владимирович. Я его поприветствовала.

– О, давно я тебя не видел! – обратился он ко мне и хлопнул по плечу.

– И теперь не скоро увидишь! – вмешался папа. – Вот, погляди на нее, увольняется!

– Как? – удивился Анатолий Владимирович. – И куда? Я что-то пропустил?

– Я уезжаю в Кисловодск.

– Ничего не понимаю! Как так?

– Что тут непонятного! Покидает птичка родное гнездышко и летит навстречу самостоятельной жизни. И ты, Толя, не последнюю роль в этом сыграл!

– Я?! – изумился Анатолий Владимирович.

– Пап, вы тут беседуйте, – смутившись, произнесла я. – А я схожу, отнесу заявление.

И поспешила к двери и уже хотела схватиться за ручку, но вдруг она открылась, и на меня чуть не налетел Сергей. От неожиданности выронила заявление. Он помог мне его поднять, бегло скользнув взглядом по листку. Я торопливо вышла и направилась в сторону ректората. Сергей не стал заходить к папе, а последовал за мной.

– Ты увольняешься? – растерянно спросил он.

– Да.

– Почему?

– В конце месяца я уезжаю.

– Но...

Не позволив Сергею договорить, произнесла:

– Я не хочу это обсуждать.

– И что ты там будешь делать?

– Почему тебя это волнует? То же, что и здесь: психологи везде нужны, – ответила я и ускорила шаг.

– Лесь! Послушай...

– Не надо меня преследовать! Это решенный вопрос. В конце июля я уезжаю!

А после ужина папа, как и обещал, поговорил с мамой: сначала наедине, а потом они позвали и меня. Когда я вошла, мама стояла у окна.

– Ты меня разочаровала, – резко произнесла она и обернулась. – Я всегда беспокоилась за Оксану, думала, она выкинет какой-нибудь подобный фокус, но от тебя я не ожидала, – и она посмотрела на папу. – Это все результат твоего попустительского отношения. Слишком много свободы ты ей дал, вот она и допрыгалась. До сих пор не укладывается в голове! Лесь, ты же здравомыслящая девушка! Ты хоть осознаешь, на что себя обрекаешь?

– На что? Мам, он такой же человек, как и все мы, и у него такие же земные потребности в любви и заботе, как и у всех.

– Ох, натерпишься и нагорюешься ты еще с ним! Другое дело Сергей!..

– Мам! Пожалуйста, давай только не будем трогать Сергея! Ты ничего не знаешь о наших отношениях. Уверяю, он не меньше боли и разочарований мне причинил.

– Сколько ему лет?

– Тридцать восемь.

– О-о-о! Так он, наверное, и женат был?

– Да и есть ребенок, живет с матерью за границей.

– Еще и алиментщик!..

– Мам!..

И она развела руками.

– Сонь! – вмешался папа. – У каждого есть за плечами жизненный груз, идеальных людей не бывает, и зря ты так нелестно о нем отзываешься. Мне он показался положительным молодым человеком, надежным и ответственным. К твоему сведению его родители тоже из преподавательской среды. Отец – профессор, как и я, заведует кафедрой в университете.

– Юра, помолчи! Я не с тобой разговариваю!

– Мам! Даже если мне суждено наделать кучу ошибок, я не отступлюсь. Не знаю, как все сложится, но сейчас я больше не в силах разрываться на два города и хочу определенности, поэтому и уезжаю в Кисловодск: подыщу работу, жилье, а там как получится. Если что-то пойдет не так, я обязательно вернусь.

– Как же ты будешь там совсем одна, без родных, без знакомых? Тебе же даже не к кому будет обратиться за помощью в чужом городе!

– Почему не к кому? Кое-какие знакомые у меня там уже есть, а остальное со временем приложится.

– Нет, все-таки это как-то не правильно! – произнесла

мама и стала ходить по кабинету взад-вперед. – Что подумают люди? Если уж ты так хочешь, надо сделать все по правилам: познакомиться с родителями, расписаться...

– Мам!

– Что мам! А дальше делайте, что хотите!

– Это слишком поспешно, я не хочу торопиться.

– Ну, я не знаю, – и она закачала головой. – Твое одобрение она получила? Да?!

– Я желаю ей только добра. Возможно, это ее судьба...

И мама со словами «Вы меня в могилу загоните!» вышла из кабинета, хлопнув дверью. Отчего я вздрогнула, и на глазах выступили слезы. Папа подошел ко мне и, присев рядом, обнял:

– Не принимай близко к сердцу, она отойдет. Просто надо было ей раньше обо всем рассказать...

– Боюсь, что нет. Было бы еще хуже...

19.06.2006 г. Последнюю неделю собирала вещи: решила не временить с этим и все сделать заранее. А вечером ближе к семи зашла Настя и, окинув взглядом опустевшую комнату, произнесла:

– Смотрю, все готово к отъезду: вещи собраны, осталось только уложить их в чемоданы... – еле выговорила она и, присев на кровать, с расстановкой продолжила. – Да уж, подруга! Никогда не думала, что мы с тобой разлучимся.

– Настя, не говори ерунды! Я буду приезжать, да и ты сможешь навещать меня, только дай мне немного времени

устроиться на новом месте. К тому же не в каменном веке живем, есть мобильная связь и другие способы для общения.

– Я буду скучать!

На глазах выступили слезы, и я едва сдержалась, чтобы не всплакнуть.

– Настя, прошу, не начинай...

– Ладно, ладно, – произнесла она и добавила. – Собственно, я зашла за тобой, просто так я тебя не отпущу, поэтому договорилась с девчонками посидеть сегодня в кафе. – Я хотела возразить, но Настя меня перебила. – Даже не пытайся увильнуть, ты не в том положении.

– Хорошо. Только надеюсь, ты мне дашь хотя бы минут двадцать, чтобы я привела себя в порядок и переоделась.

– Поторопись, я засекала время!

Я улыбнулась и ушла в ванную прихорашиваться, а потом мы отправились в кафе-летник. На улице было замечательно: дневной зной почти спал, и его сменила долгожданная прохлада. Встреча получилась душевной. Жаль, что мы так редко собираемся с девчонками, а теперь, наверное, и вовсе перестанем видеться. Но сегодня наговорились и насмеялись вдоволь. Время пролетело незаметно, и вначале первого за Настей заехал Паша, и мы стали закружаться. Они предложили подвезти до дома и меня. Залезая в машину, на переднем сиденье, неожиданно увидела Сергея. Я бегло с ним поздоровалась и отвернулась к окну, а Настя, наоборот, затараторила на весь салон. Услышав голос Сергея, я заме-

тила, что он как-то странно выговаривал слова. «Да он же пьян! – резко меня осенило, и я вздохнула. – Будет хуже, чем я предполагала». Доехали мы быстро; я наспех со всеми попрощалась и торопливо пошла к дому. Открывая калитку, услышала, как хлопнула дверь от машины, и раздался голос Сергея:

– Лесь, подожди, не уходи!

«Этого я и опасалась!..» Я распахнула калитку и обернулась. Сергей быстро подошел ко мне и поначалу молчал: в ночной темноте было трудно различить выражение его лица, наверное, он собирался с мыслями.

– Когда ты уезжаешь? – наконец, спросил Сергей.

– Послезавтра вечером.

– Лесь! Одумайся! Что ты делаешь? – резко повысив голос, произнес он и схватил меня за плечи. – Остановись, пока еще не поздно. Ну, куда ты поедешь? Что ты там будешь делать одна?

– Тебя это не должно волновать, – спокойно ответила я. – Это решенный вопрос и в обратном меня никому не переубедить... Кроме того уже поздно, я пойду.

И я, освободившись от рук Сергея, торопливо пошла к дому. Почти у самого крыльца, не знаю зачем, обернулась. Сергей стоял на том же месте, но потом ринулся ко мне. Я второпях достала ключи и уже хотела открывать входную дверь, но Сергей резко подскочил сзади и с такой силой дернул меня за плечи, что я от неожиданности выронила ключи.

чи и вмиг оказалась в его объятиях.

– Что ты делаешь? – испуганно проговорила я и попыталась высвободиться. – Отпусти, пожалуйста...

– Лесь, послушай...

– Пусти!..

– Лесь, я люблю тебя! Люблю!..

– Но я разлюбила тебя. Подобным поведением ты мучаешь только себя. Прошлого не вернуть...

– Лесь... – произнес он шепотом и, совсем склонившись надо мной, хотел поцеловать...

От ужаса зажмурила глаза, но в прихожей неожиданно раздался голос папы: «Лесья, это ты?», и включился свет. Мы замерли. Сергей немного отстранился, но рук не разжимал.

– Тебе лучше уйти! – с трудом выговорила я.

Он медлил, а папа тем временем уже отпирал верхний замок. Я вздрогнула. Сергей убрал руки и, не проронив больше ни слова, поступью быстрых шагов спустился с крыльца и исчез в темноте. Я выдохнула с облегчением, а скрип двери заставил обернуться. На пороге стоял папа и пристально смотрел на меня. Я, долго не раздумывая, бросилась к нему на грудь и разрыдалась. Он приобнял и успокаивающе похлопал по спине.

– Тише, а то маму разбудишь... – Я вытерла слезы и отстранилась от него. – Это был Сергей? – Я молчала. – Хочешь, я поговорю с ним?

– Не стоит. Это уже не имеет никакого значения. Через день я уеду, Сергей со временем все примет и смирится...

20.07.2006 г. Весь день укладывала вещи в чемоданы, а вечером перед сном ко мне в комнату заглянула мама. Я с удивлением посмотрела на нее.

– Удивлена? – произнесла она, и, закрыв дверь, присела на край постели. – Не знаю почему, но наши отношения нельзя назвать идеальными, какие должны быть между матерью и дочерью. Ты с самого детства меня сторонилась, а с годами еще больше отдалилась и сблизилась с отцом...

– Мам!..

– Не перебивай и выслушай до конца... – от ее слов сделалось не по себе: сердце беспокойно застучало. – Я об этом никому не говорила... – Она опустила глаза и долго смотрела в пол. – Похоронила глубоко в душе, но сейчас что-то мне подсказывает, что именно с тобой я должна этим поделиться... – Она с минуту помолчала, потом неторопливо продолжила. – Когда я училась на третьем курсе в институте, в середине учебного года к нам перевелся новый студент. Не сказать, что красавец, но обаяние и харизма сразу выделяли его среди остальных. К тому же еще тот юморист и весельчак! С ним никогда не было скучно. Многие девчонки, мои однокурсницы, да и с соседних курсов засматривались на него, не давали шагу ступить, но он выбрал меня! Я была покорена и безумно счастлива! Мы с ним провели незабываемое лето!.. Тайные встречи, объятия, поцелуи...

И все бы ничего, но он не видел себя в нашем провинциальном городке, который был слишком мал и тесен для его вольной натуры... Он ведь мечтал о сцене, о съемках в кино. До сих пор для меня загадка, что он забыл на медицинском...

И мама, улыбнувшись, призадумалась. Все это время, пока она рассказывала, я наблюдала за ней: она говорила с таким трепетом и любовью, сама, наверное, того не осознавая, но лицо ее просияло, глаза заискрились, казалось, разгладились все мелкие морщинки и остались самые глубокие. О папе она никогда так не отзывалась! Она любила того мужчину, по-настоящему любила и, похоже, спустя столько лет продолжает любить и теплить то чувство. Но почему она не стала бороться за свое счастье, а, получается, выбрала жизнь с нелюбимым человеком?... И что еще хуже, хочет убедить меня, что поступила правильно?

– И чем все закончилось?

– В конце лета перед началом учебного года нас увидел твой дедушка и так этого не оставил. Ты бы знала, как я рыдала, злилась на него, я даже хотела сбежать в Москву вместе с ним на зло всем, но так получилось, что он уехал раньше, а одна я потом не решилась... – Мама перевела дыхание. – Где-то сразу после этого мы познакомились с твоим отцом, совершенно случайно в библиотеке. Так мы и поженились...

– С тем мужчиной вы больше не виделись?

– Почему виделись, спустя лет семь он вернулся, долго

разыскивал меня и все-таки нашел. Но от того молодого и жизнерадостного парня, которого я знала, и следа не осталось. В театральный он так и не поступил, завалил все экзамены, и не один раз, а жить на что-то надо было, поэтому и перебивался случайными заработками, пристрастился к спиртному и еще бог весть к чему. Так и скатился. Вот и представь, какая бы жизнь меня с ним ждала? – И мама укоризненно посмотрела на меня. – Молчишь? А я тебе скажу! Я бы промотала с ним всю молодость и осталась бы ни с чем.

– Мам, этого никто не может знать.

– Лесь, он спился! И ты думаешь, тебя что-то другое ждет?

– Мам...

– Ты понятия не имеешь, что собой представляют эти актеришки, певцы – все эти люди искусства, будь оно неладно! Это постоянные срывы, депрессии, попойки с друзьями, толпы женщин и извечные поиски никому неизвестного и непонятного идеала.

– Может, благодаря тебе он бы многого достиг.

– Господи, Лесь! Ну откуда в тебе столько добросердечности и сердобольности. Ты уже давно не девочка! Люди не такие и им не изменить своей сущности!.. Одного не понимаю, почему ты так категорично настроена против Сергея? – Я вздохнула. – Вы же с ним так хорошо ладили. Он так похож на твоего отца в молодости. Я всегда думала,

что ты, много общаясь с ним, подметишь это и сделаешь правильный выбор.

– Мам!.. Все закончилось. Я его больше не люблю...

– Лесь! Ну, кому нужна эта любовь! Любовь – это не все! Есть вещи и поважнее. Я тоже любила, и куда бы она меня привела? Иногда надо включать холодный рассудок, кроме того Сергей любит тебя, он все для тебя сделает.

– Почему ты считаешь, что Женя меня не любит?

– Ну, любит и что? На одной любви семьи не построить: должна быть основа попрочнее.

– Доверие.

– Лесь, умоляю! Ну, какое доверие! Его месяцами не будет дома. О каком доверии ты говоришь? На первых порах ты, может, и стерпишь, а потом? Потом что ты будешь делать? Сидеть и локти кусать?

– По-твоему лучше жить с нелюбимым человеком?

– Лесь, это не жить с нелюбимым человеком, а надежность и уверенность в завтрашнем дне!.. – И она, приподнявшись, добавила. – Ладно... Поступай, как знаешь, но над моими словами подумай...

И она вышла, а я осталась сидеть, недоумевая, что все это было?! Во рту пересохло, и я, соскочив с постели, направилась на кухню, но проходя по коридору мимо спальни родителей, услышала голос папы и невольно остановилась.

– Ну что, поговорила?

– Да! Стоит на своем!

– Я тебя предупредил...

– Это ты виноват! Ты должен был раньше обо всем мне рассказать. Я бы что-нибудь придумала.

– Сонь, не драматизируй...

– Значит, я драматизирую! Юр, тебе что ли совсем наплевать на дочь, на ее будущее?

– Сонь, ну зачем ты так? Я, может, больше тебя волнуюсь за нее: ведь она всегда была моей любимицей, и мне совсем нелегко отпускать ее так далеко. Но открыто перереча, мы ничего не добьемся. Она лишь обозлится на нас и еще больше заупрямится, а так наберется опыта, может вскорости и вернется. Не беспокойся, она у нас не глупая девочка.

– Вот ты всегда так! Всю жизнь! Ну, уж нет! Я так просто не сдамся!

– Сонь, не горячись...

Не в силах больше слушать, я развернулась и убежала к себе. Горло сдавило, а глаза наполнились слезами... Меня несколько не поколебали предостережения мамы, но сомкнуть глаз мне той ночью так и не удалось: до самого утра просидела на подоконнике, а как рассвело, вышла в сад...

21.07.2006 г. ...где в такой ранний час царили тишина и безмолвие; все излучало такой покой, такую безмятежность, а меня одолевали страхи и сомнения...

Я неторопливо прошла по саду, задержавшись у зарослей клематиса: он непомерно разросся в этом году и весь

утопал в розовых цветах, остановилась у куста алых роз и вдохнула их чудесный аромат. «Все-таки нежаркое лето идет цветам на пользу. – И вздохнула. – Как же медленно тянется время!» Незаметно дойдя до беседки, зашла вовнутрь, присела за деревянный стол и, сложив на него руки, прилегла. Взгляд остановился на лиловых, похожих на маленькие граммофончики цветках ипомеи, которые бабушка называла «зорькой». Ее вьющиеся стебли оплели восточную часть беседки. С утра она обворожительна... И не заметила, как задремала. Очнулась от того, что солнечные лучи озаряли мне лицо, и встрепенулась: солнце было уже высоко. «Пожалуй, вернусь в дом...», где мама вовсю хозяйничала и уже почти все приготовила к завтраку, во время которого царило молчание, только родители изредка переглядывались. Потом папа ушел работать в кабинет, а мама так и, не сказав мне ни слова, занялась домашними делами. Я удалилась к себе и проспала почти до обеда, а после маялась без дела, пока не пришла Настя.

– Лесь, сядь! Не маячь перед глазами!

– Не могу! Я слишком взволнована, чтобы усидеть.

Я обошла опустевшую комнату, вытащила ящики, осмотрела полки, окинула взглядом собранные чемоданы и все-таки присела к Насте, склонив голову ей на плечо. На глазах наворачивались слезы. Она меня толкнула:

– Лесь, ты чего?

– Мне так страшно, кажется, каждая клеточка тела

трясется. Может, я слишком тороплюсь, может, нужно еще подождать и не рубить все сгоряча?

– Не глупи, вернуться никогда не поздно, а вот уехать... К тому же ты разве сможешь спокойно остаться?

Я отрицательно покачала головой.

– Вот видишь. Тогда в чем дело, выше нос!

– Не знаю... – и я упала к ней в объятия и разрыдалась. Она похлопала меня по спине и отстранилась.

– Лесь, ну хватит! А то я сейчас тоже разревусь, и мой макияж пойдет псу под хвост! – Резко зазвонил телефон, и Настя сняла трубку... – Это Паша: он будет через пять минут!

Мы встрепенулись и, похватав чемоданы, вынесли их на крыльцо. Настя осталась на улице, а я вернулась в дом позвать папу с мамой. Когда вышла обратно, Паша уже приехал, и они с Настей стояли возле открытого багажника. Меня они сразу не заметили, и я невольно услышала их разговор.

– Ты домой заезжал?

– Да.

– Как Сергей?

– Хреново! Второй день не просыхает!

– Так и спиться недолго. Мне его так жаль.

– А чё его жалеть? Сам виноват! Я ему тогда сразу сказал, что такими девчонками, как Лесья, не разбрасываются, а он – дурак, сам ее бросил и умотал, черт знает куда. Не

смог унять свои амбиции. Вот и получил ответочку.

– Как ты можешь так говорить!

– А чё? Это правда, – и он опустил крышку багажника. – Не парься, ничего с ним не случится. Вот выйдет на работу и все забудет: она для него лучшее лекарство... – А увидев меня, резко спросил. – Лесь, еще есть сумки? Мне закрывать багажник?

– Закрывай...

Вскоре вышли папа с мамой, и мы поехали на вокзал. Никогда не представляла, как расстанусь с нашим домом, как смогу покинуть его. Ведь я знала, что это когда-нибудь произойдет, а сейчас, где-то глубоко в душе понимаю, что это больше не мой дом. Где-то есть что-то другое, более важное. Причем осознание этого далось так легко, как что-то само собой разумеющееся, как следующий виток в развитии...

На перроне стали прощаться:

– С богом, дочка! – произнес папа, и я почувствовала, как от его слов сжалось горло, и подступили слезы.

И быстро отошла, понимая, что, если еще чуть-чуть задержусь рядом с ним, точно расплачусь, и обняла маму. Она похлопала меня по спине и поцеловала, молча покачивая головой. Выражение ее лица было красноречивее любых слов: она не одобряла мой поступок. «Нет, мам! – мысленно отвечала ей. – Лучшие я совершу самую большую глупость, но свя-

зывать жизнь с нелюбимым человеком ни за что не стану! Я не променяю любовь на мнимое спокойствие и постоянство. Кто знает, что все эти годы чувствовал папа. Он, скорее всего, по доброте душевной ничего не говорил, ни в чем не упрекал, но...»

– Лесь! Ты чего? – донесся до меня голос Насти. – Пойдем, а то поезд уедет без тебя.

– Да, конечно... Как доберусь, сразу же позвоню...

И мы втроем направились к вагону: Паша помог занести чемоданы в купе, а мы с Настей обнялись на прощание, потом они пошли к выходу. Я тоже последовала за ними, но остановилась у открытого окна в тамбуре в ожидании отправки... Наконец поезд тронулся с места. Вот и все!.. Папа с Настей продолжали махать мне, пока совсем не скрылись из виду, и я зашла в купе: по щекам струились слезы, а в горле стоял комок. В чувства меня привел голос проводницы, которая проверяла наличие билетов... «Что ж!.. Что не делается, все к лучшему!» Я разобрала постель и прилегла. Поначалу о чем-то думала, потом все же уснула...

Глава VI

23.07.2006 г. За два дня, проведенных в дороге, волнения улеглись, и я с трепетом и воодушевлением стала размышлять о том, что же ждет меня впереди? Ведь вчера закончился целый отрезок моей жизни, а завтра, когда приеду в Кисловодск, начнется новый. Какой он будет? Смутно себе представляю. Если сказать по правде, я еще до конца не осознала, на какой шаг осмелилась. Я ведь ни в чем не уверена: ни в себе, ни в Жене. Вдруг мои действия поспешны? Вдруг у нас нет будущего? А я все бросила и уехала в неизвестность... Нет! В глубине души я знаю, что поступила правильно. Я это чувствую, только к этому пока не привык мой разум и продолжает вставлять палки в колеса...

К вечеру я уже была в Кисловодске. Заселилась в ту же гостиницу, что и зимой. На удивление хозяйка меня узнала и радушно поприветствовала, а, протягивая ключи, учтиво предложила поужинать или хотя бы отведать травяного чая с дороги. Я не возражала и, отнеся чемоданы в номер, спустилась на кухню. Чай как раз подоспел, и хозяйка принялась разливать его по чашкам, не переставая нахваливать и заодно рассказывать, что он готовится по особому рецепту, доставшемуся ей еще от прабабушки, а благодаря тщательно подобранному составу освежает и придает сил после утомительной дороги. Пока пили чай, немного побеседо-

вали: я поделилась с ней своими планами, которые ее очень удивили: «Молодежь, наоборот, бежит из глубинки в поисках лучшей жизни и возможностей». «Наверное, каждому свое», – ответила я. Следом к ней подошел другой постоялец, и они вышли, а я допила чай и поднялась в номер. После длительной поездки и душевного напряжения последних трёх дней, наконец, как ни странно, почувствовала себя в безопасности и преисполненная воодушевлением и радостью легла спать.

24.07.2006 г. Утром проснулась в приподнятом настроении. Не желая задерживаться в гостинице ни одной лишней минуты, быстро позавтракала и отправилась в парк. День выдался ясный и теплый, и я, выйдя за ограждение, побрела по мощеной улице. Пройдя несколько переулков, оказалась на Курортном бульваре, залитом солнцем и утопающем в зелени и цветах, не спеша дошла до Колоннады и углубилась в парк. Санаторий, в котором работает Майя, находится недалеко. И вправду двадцать минут неторопливой ходьбы, и я на месте.

Зайдя за ограду, огляделась по сторонам: по дорожкам бежали дети и бродили отдыхающие. «Как же здорово, снова попасть сюда: сразу столько воспоминаний всплывает в памяти: и выступление, и нога в гипсе, и наши неторопливые прогулки с Женей... Как жаль, что в безумном потоке будничных дней, заполненных работой, мы забываем о таких простых радостях жизни...» Присев на лавочку возле фон-

тана, позвонила Майе. Через минут двадцать она вышла. Мы сходили с ней пообедали, а после она сопровождала меня в кабинет заведующего.

Дверь нам открыл высокий, статный мужчина уже в годах с редяющими седыми волосами и залысиной на затылке. Он радушно нас поприветствовал и пригласил войти. Сначала задавал общие вопросы об образовании, прежнем месте работы, трудовом стаже, а потом вкратце рассказал о том, чем мне предстоит заниматься в санатории. Я буду вести первичные консультации, суть которых познакомиться с пациентом, с его жизненными обстоятельствами, определить основные психологические проблемы и при необходимости направить на более подробное обследование к узким специалистам – ничего сложного и замысловатого. Думаю, я справлюсь.

А после Майя устроила мне настоящую экскурсию по санаторию, показала все отделения, даже мой, если все сложится, будущий кабинет, выкрашенный в приятный персиковый цвет с рабочим столом и небольшим белоснежным диванчиком у окна. Время пролетело быстро, и из санатория мы уходили уже ближе к шести. Пока Майя сдавала ключи, я вышла на крыльцо и заметила Кирилла: он сидел на корточках и крутил что-то на велосипеде, а рядом стоял светловолосый с курносым носиком мальчик. Я подошла ближе и поприветствовала их.

– Сав, поздоровайся, – обратился Кирилл к мальчику.

Он нерешительно поднял серые глазки и, буркнув «Здравствуйте!..», прижался к Кириллу. Он потрепал его за волосы и, вставая, произнес:

– Ну все, готово. Запрыгивай, только далеко не уезжай. – Сава улыбнулся, вскочил на сидишку и бойко закрутил педали.

Честно говоря, необычно было видеть Кирилла, возившегося с ребенком. Я почему-то никогда серьезно не задумывалась о детях. Детях... «Нет! – и машинально покачала головой. – Мы с Женей еще мало знаем друг друга, чтобы думать о детях...»

– Такой скромняга...

– Да, он незнакомых людей сторонится.

– Это естественно. Дети разные... – Кирилл кивнул. – Сколько ему?

– Почти пять... А вы давно здесь?

– Нет, только вчера приехала.

– Насовсем? – спросил Кирилл и усмехнулся.

– Не знаю, время покажет.

– Решительная вы! Я в вас не ошибся.

Я лишь улыбнулась. Вскоре показалась Майя, и мы вчетвером вышли за ограду санатория, где попрощались: они направились домой, а я в гостиницу. Заодно прикупила несколько газет, чтобы вечером посмотреть объявления домов, выставленных на продажу...

26.07.2006 г. Сегодня после обеда приехал Женя. Выгля-

дел он уставшим и измотанным после дороги. Мы с ним немного поговорили, и он лег спать, а я взялась за чтение. Но вскоре мне это надоело, и я спустилась на кухню, заварила чаю и вышла на террасу, где присела на лавку-качели и стала потихоньку раскачиваться. На западе догорали последние лучи вечернего солнца, которые вскоре совсем потухли, оставив после себя ярко-красное зарево над макушками соседских деревьев... К ветру... На потемневшем небе замерцали первые звезды: они здесь поистине прекрасны. Запели сверчки. Где-то замурылькал кот...

– Вот ты где! – резко раздался голос Жени. – А то я тебя обыскался.

– Надоело целый день сидеть в номере и захотелось на свежий воздух.

Он лениво опустил ся рядом и, зевнув, приобнял за плечо. Неожиданно зазвонил телефон: это мама!

– Лесь, почему ты не перезваниваешь?! Мы же волнуемся, беспокоимся за тебя!

– Мама, у меня все в порядке.

– Что с работой?

– Как только папа вышлет мне трудовую, смогу устроиться.

– А с жильем?

– На днях будем искать.

– Ох, и чего тебе не сиделось дома! – запричитала мама и, вздохнув под конец, спросила. – Отцу дать трубку?

– Дай...

Я поговорила с папой еще пару минут и нажала на сброс.

– Контроль! – усмехнулся Женя.

– Не то слово! Мама не смирилась с моим отъездом, и теперь названивает мне дни и ночи напролет.

– Все-таки интересные у тебя отношения с родителями.

– Да. Я всегда была любимицей папы в отличие от моей младшей сестры Оксаны.

– У тебя есть сестра?

– Да, учится сейчас на переводчика. Правда, папа всегда мечтал о сыне, но, увы. Поэтому все, что смог, он вложил в меня. Он больше мамы заботился о моем образовании в надежде, что я пойду по его стопам и продолжу дело всей его жизни. Это он привил мне любовь к психологии. А вот мама... – и я невольно вздохнула. – С ней всегда было сложно. Мы очень разные, и взгляды на жизнь у нас тоже разные. Она ведь поступала в институт с единственной целью: завести нужных знакомых и удачно выйти замуж. А меня, наоборот, больше интересовала учеба, о замужестве я никогда серьезно не задумывалась. Из-за этого мы часто ссорились. Ее всегда выводило из себя, что я слишком независима, никого не слушаю и чересчур много работаю, а о личной жизни совершенно не забочусь.

– Ну, теперь-то она, наверное, довольна? – улыбаясь, спросил Женя.

– Не совсем, ты немного не соответствуешь ее представ-

лениям об идеальном муже. – Женя хмыкнул, но ничего не ответил, а я спросила. – Почему ты никогда ничего не рассказываешь о своих родителях.

– А что рассказывать?.. Они живут в Самаре... – произнес Женя и зачесал затылок.

– У меня крестные из Самары...

– Мама не работает, а отец до сих пор заведует кафедрой в институте...

– Редко общаетесь?

– Да, только когда бываем там с концертами, но не более. Мы с отцом горячего нрава, и если возникнет спор, ни один из нас не уступит другому.

– Всегда чувствовал его давление?

– Не то слово! Он хотел, чтобы я, следуя его примеру, был дисциплинированным и воспитанным. Что сказать единственный сын, опора и ходячее воплощение несбывшихся мечтаний. До класса восьмого так и было: учился я хорошо, вел себя скромно и послушно, даже чересчур, но в старших классах меня словно подменили: учебу я забросил, стал пропадать в компании друзей. Отец пытался повлиять на меня, но безуспешно: моя вольнолюбивая натура не терпела ограничений и требовала свободы. Правда, после окончания школы я поддался на уговоры мамы и поступил в инженерный. Но учеба не вызывала у меня ни малейшего интереса, и я возненавидел ее до такой степени, что после первого года забрал документы.

– Я представляю, как к этому отнесся отец!
Женя усмехнулся.

– О да! Он всеми силами старался повлиять, образумить. Это же такой стыд! Что скажут другие? Сын светила науки бросил институт! Но я проявил настойчивость и упорство. На время ушел из дома и скитался по друзьям, каким-то работам. Так накопили на билет до Москвы, и все гуляй, Вася! Несколько лет метаний, а потом все само собой закрутилось-завертелось... Трудно было найти свою нишу, но как видишь...

– Вижу, – и я невольно улыбнулась. – Когда ты начал писать песни?

– Не помню, в школе, наверное, в старших классах, но это трудно было назвать творчеством. Так... Собственно мы ни о чем серьезном и не помышляли, играли для себя. Ну и чтобы покадрить девчонок!

Я пихнула Женю локтем.

– Ну, а ты как думала, зачем еще пятнадцати-шестнадцатилетние мальчишки берутся за гитары?! – Я промолчала. – Ты даже не представляешь, как ты возвышаешься над остальными, когда у тебя в руках появляется гитара, и ты еще умеешь бренчать на ней.

27.07.2006 г. Сегодня с утра прошлись с Женей по тем адресам домов, которые я присмотрела до этого в газете, и к полудню успели взглянуть на пару из них, но ни один нам не понравился. Утешало лишь то, что у нас в запасе было еще

два адреса. Мы свернули с Курортного бульвара в небольшой проулок и через минут пятнадцать были на месте. Решетчатый деревянный забор густо оплел девичий виноград, а над почтовым ящиком красовался номер «88».

– Хорошее число, – произнес Женя и нажал на звонок.

– Заходите, открыто! – послышался женский голос.

Женя дернул за ручку, и мы вошли в калитку, где перед нашими взорами раскинулся широкий двор с клумбами, а на заднем плане достаточно большой одноэтажный дом, к которому вела узкая дорожка, усыпанная гравием и окаймленная речными камнями и низенькими кустиками бархатцев. На просторной террасе, увешанной корзинками с петуниями, стояла пожилая женщина в тунике-разлетайке с броским рисунком и махала нам рукой.

– Не бойтесь, проходите сюда.

– Здравствуйте, мы по объявлению... – отозвалась я и хотела еще что-то сказать, но разглядев поближе ее лицо, меня осенило: «Это же Надежда Самсоновна». – Я вас узнала, мы с вами встречались в парке в прошлом году.

– Возможно...

– У меня нога была в гипсе...

– А точно-точно, припоминаю, – произнесла она и, окинув нас добродушным взглядом, добавила. – Значит, вы подыскиваете жилье?

– Да.

– Аренда или покупка?

– Пока аренда.

– Ну да, ну да, в таком вопросе лучше не спешить. Что ж мы зря стоим, пойдёмте, я вам все покажу, – и она, опираясь на трость, повела нас внутрь дома.

Через открытую дверь, мы попали на кухню, объединённую с просторной гостиной, стены которой были оклеены светлыми обоями с едва заметным рисунком и завешаны старинными фотографиями. У большого окна располагался обеденный стол, покрытый белой ажурной скатертью. Небольшая прихожая и вторая входная дверь... Камин... По бокам которого стояли два стеклянных шкафа: один – с семейным фарфором, другой – с книгами. Я подошла ближе и бегло почитала названия. «В основном вся классика, есть и мои любимые... Уезжая из дома, единственное, о чем жалела, что не в силах забрать свои книги». Пока я разглядывала их, Надежда Самсоновна показала Жене оставшуюся часть дома, и они вернулись в гостиную, так что я успела увидеть только просторный коридор с множеством дверей. Потом мы снова вышли на улицу.

– Участок небольшой, но есть все необходимое. Тут у меня цветники, а сзади дома сад из яблонек, груш, слив. При желании можно разбить огородик, места хватит... Что ж, как видите, дом большой, добротный. Мой покойный муж строил его на века. Но он умер, дети разъехались кто куда, а мне самой содержать его в последнее время совсем в тягость.

Женя выслушал Надежду Самсоновну, поблагодарил ее и сказал, что мы подумаем и до начала августа сообщим о своем решении.

– Ну как тебе? – спросила у Жени, когда мы вышли со двора. – По мне неплохой.

– Не знаю, дом не совсем новый, ему требуется ремонт.

– Частному дому всегда требуется ремонт.

– Не знаю, может, лучше присмотреть небольшую квартиру?

– Нет, я привыкла жить в отдельном доме, где можно выйти во двор, подышать воздухом, поковыряться в грядках...

Женя не дал мне досказать и хохотнул:

– Поковыряться в грядках?!

– Да! Тем более здесь, где такой чистый воздух, прозябать в квартире, ну уж нет!

– Если тебе все нравится, я не возражаю. Просто тебе не кажется, что он слишком большой для нас двоих?

– Согласна, большой, но можно подыскать что-нибудь другое. У нас в запасе еще один адрес, кроме того я смотрела только те дома, которые находятся поближе к санаторию, но можно взглянуть и на другие объявления.

– Хорошо, но мне что-то подсказывает, что ты уже все решила...

25.09.2006 г. И Женя оказался прав...» – Я ухмыльнулась и окинула долгим взглядом обстановку гостиной, подумав:

«И вправду оказался прав. Как в начале августа две тысячи шестого мы заселились к Надежде Самсоновне, решив пару месяцев поснимать, а дальше будет видно, может, подыщем что-нибудь другое, но что-нибудь другое мы так и не стали подыскивать, так и живем здесь. Даже обстановка осталась прежней, если не считать переклеенных обоев, замененных штор и подушек на диване и креслах и прибавившихся за почти десять лет фотографий на стене...» Резко мой взгляд остановился на часах. «Три часа ночи... Что-то долго я за- сиделась, а ведь это только начало нашей совместной жизни с Женей. Сколько еще всего было и не вспомнить, но то, что она началась с обоюдной ревности, я это хорошо помню...»

«26.09.2006 г. Что сегодня было. У нас как раз была Надежда Самсоновна. Они с Женей обсуждали покупку дома, а я только пришла из санатория и готовила чай, как разда- лась мелодия звонка. Я почему-то подумала, что это кто- то из санатория, потому что заиграла общая мелодия, ко- торая у меня стоит на звонках, и я, даже не взглянув на экран, сразу же ответила. Но услышав голос Сергея, засты- ла в нерешительности. После недолгих приветствий Сергей сказал:

– Я сейчас возле твоего дома. Ты бы не могла выйти? У меня к тебе дело.

– Хорошо...

Несколько минут пребывала в замешательстве и продол- жала задумчиво глядеть на телефон. Потом все-таки по-

ложила его на стол и, не знаю зачем, посмотрела в гостиную. И как назло, встретилась глазами с Женей – по спине пробежался холодок, – быстро опустила их в надежде, что он не успел заметить моего смятения, и поторопилась выйти на улицу. «Ох, какая нелегкая принесла Сергея?! Только этого мне не хватало!» – негодовала, пока шла до калитки.

– Рад тебя видеть! – отозвался он, увидев меня.

Не обращая внимания на его слова, я спросила:

– У тебя что-то важное?

– Да... Извини, что потревожил, но я не застал тебя в санатории... В общем, я привез маму на лечение и хотел попросить присмотреть за ней... Я не могу остаться, дома ждет работа.

Пока Сергей говорил, краем глаза увидела Женю, он вышел на террасу и смотрел в нашу сторону: сердце учащенно забилось.

– Хорошо... Мне пора!..

И наспех попрощавшись с Сергеем, закрыла калитку и направилась к дому: Женя тем временем уже зашел. Потом мы пили чай, и все то время, пока у нас была Надежда Самсоновна, Женя сверлил меня взглядом и, как только она ушла, сразу же накинулся с расспросами. Похоже, он что-то заподозрил. Ох!.. Поначалу хотела сказать, что он из санатория, но передумала: это будет не правильно и не честно, и лишь обмолвилась, что «просто знакомый, мы вместе работали».

– И что ему понадобилось?

– Ничего, он привез сюда маму на лечение и попросил меня позаботиться о ней. Он не может остаться, поэтому и обратился ко мне.

Я думала, что все, и, приподнявшись со стула, хотела собрать грязные чашки, но Женя резко схватил меня за руку и сжал ее.

– Что ты делаешь? Больно же!

– Не обманывай! Ты вся переменялась в лице, когда он позвонил. Я все видел.

– Потому что ожидала подобной реакции.

– Я жду!

– Женя, ну зачем ворошить прошлое? Ну да мы вместе учились в институте, некоторое время общались, а потом он уехал. Последние шесть лет стажировался за границей, и связь мы не поддерживали.

– И все?

– Все... Если не считать того, что он вернулся незадолго до нашего с тобой знакомства и хотел наладить отношения, только мне этого уже не нужно было. – Женя разжал руку, но лишь для того, чтобы усадить меня к себе на колени. Я провела пальцами по его волосам и произнесла. – А кто-то тут, кажется, ревнует!

– Ревную, и уясни раз и навсегда: я не потерплю всяких бывших, крутящихся возле тебя! Ты только моя! – резко ответил Женя и, стиснув в объятиях, спросил. – Вы с ним

спали?

– Жень! – воскликнула я и отвернулась: на щеках выступил румянец, а сердце затрепетало. Мне захотелось отстраниться от него, но он не позволил, и я снова присела, но головы не поворачивала.

– Куда ты?

Я смущенно смотрела в пол и не поднимала глаз. «Как ему все объяснить? Как?..» И так, не придумав, что сказать, отрицательно покачала головой...

28.09.2005 г. Сегодня в перерыве между приемами заглянула к Татьяне Михайловне: она очень обрадовалась, увидев меня на пороге.

– Значит, теперь ты работаешь здесь? – спросила она и, приподняв подушку, уселась поудобнее.

– Да...

– Возвращаться не собираешься?

– Пока нет...

– Ты так внезапно уехала, что я сначала и не поверила. Я ведь в душе до последнего надеялась, что вы с Сереей помиритесь, и все у вас наладится, как у Паши с Настей.

– Когда-то я об этом только и мечтала...

– Ты его так и не простила? – с разочарованием спросила Татьяна Михайловна.

– Ни в этом дело. Сергей всегда был положительным, целеустремленным и надежным. С годами эти качества только усилились в нем, мечта любой девушки. Просто измени-

лись мои чувства. Увы, я встретила другого человека и разлюбила Сергея.

– Перед отъездом мы виделись с твоей мамой, она беспокоится за тебя.

«Ах, мама! Мама! Теперь понятно к чему этот разговор», а вслух добавила:

– Знаю, мое решение покинуть дом, стало для нее неожиданностью. – Татьяна Михайловна лишь покачала головой, и на глазах у нее сверкнули слезы. – Прошу, не расстраивайтесь. Этим вы только сделаете хуже себе, да и меня заставите чувствовать вину.

– Извини, это я так, все в порядке, – и она вытерла слезы руками.

– Не тревожьтесь, встретит Сергей еще достойную девушку, какие его годы. На мне свет клином не сошелся.

– Да, ты права...

– Я пойду, у меня скоро начнется прием, а вы отдохните. Постараюсь навещать вас почаще, – произнесла я и торопливо вышла в коридор.

После обеда работа с пациентами отвлекла от разговора с Татьяной Михайловной, но по дороге домой, я мысленно вернулась к нему. «И почему все так и норовят вызвать у меня чувство вины? Что я сделала такого предосудительного? Всего лишь полюбила другого человека!..» Неожиданно на лоб упала холодная капля, и я посмотрела вверх. Выходя из санатория, я и не заметила, что погода переменилась –

все небо заволокло тучами, и начал накрапывать дождь, – а я, как обычно, не взяла с собой зонт. Пришлось прибавить шагу, но это не спасло: пока дошла до дома насквозь промокла и озябла. Женя, увидев меня, не одобрительно произнес:

– Зонт, не судьба, было взять?

– С утра было солнечно... – отозвалась я. – Нагрей, пожалуйста, чай, а я пока схожу, переоденусь.

И ушла в спальню, а когда вернулась, Женя уже разлил по чашкам чай и поставил их на стол. Я молча присела и сделала несколько глотков.

– Что с тобой? – спросил Женя, видимо, обратив внимание на мой задумчивый вид.

– Ничего, днем навещала Татьяну Михайловну, маму Сергея, – произнесла я и невольно подняла глаза на Женю: он нахмурился. – Мы немного побеседовали, но после разговора стало как-то скверно на душе.

– Зачем тогда ходила?

– Я пообещала, – раздосадовано ответила я. – К тому же Татьяна Михайловна мне не чужой человек, я ее давно знаю, поэтому в любом случае бы навестила. Просто мне не нравится, что все, кому не лень, суют нос в мою личную жизнь и норовят указывать, что делать, будто от меня что-то зависело. Я просто встретила другого человека и разлю... – и осеклась.

– Но ты вчера говорила, что вы только общались?

– Да, только общались, но у родителей были другие планы.

– Не нравится мне этот Сергей!

– Зачем тогда спрашиваешь, если не в силах спокойно выслушать! – вспыхнула я. – Я понимаю, что мама беспокоится, но зачем через посторонних людей пытаться вразумить меня!

Женя встал, подошел сзади и обнял:

– Ну, прости! – шепнул он на ухо и, взяв за руку, потянул за собой. – Пойдем, я тебе кое-что покажу!

Недоумевая, я последовала за ним: он зачем-то направлялся в самую дальнюю комнату дома и, открыв дверь нараспашку, воскликнул:

– Смотри, что я сегодня обнаружил! – И указал на старое пианино.

– Я видела его, но оно, наверное, уже нерабочее.

– Ошибаешься, вполне рабочее, – ответил Женя и, присев на банкетку, вскользь пробежался по клавишам. – Немного наладить тональность и будет очень даже сносно звучать. Я удивился, обнаружив его здесь.

– Почему? Ведь Надежда Самсоновна преподавала сольфеджио в музыкальной школе.

– Я не знал. Перенесу его в кабинет.

– Как хочешь, а я не знала, что ты играешь и на клавишных. Я думала, твоя стезя – гитары.

– С годами Кира меня поднатаскала. Это очень удобно при

написании песен, но поупражняться с Надеждой Самсоновой будет не лишним. А вот и последнее творение!

Этих слов было достаточно, чтобы я перевернулась в лице, а сердце безудержно затрепетало в груди. Женя это заметил и не сводил с меня глаз, чем вынудил отвести взгляд в сторону. Закончив припев, он перестал играть, подозвал к себе и усадил на колени.

– Ты меня смущаешь, – шепнул он, уткнувшись головой в грудь, – когда слушаешь так зачарованно и, кажется, не можешь наслушаться, хотя и инструмент и исполнение ужасны и примитивны.

– Все относительно. В звуках дождя, шуме прибоя, трелях птиц и жужжании пчел тоже нет ничего сложного и замысловатого, но всем людям они нравятся. К тому же, когда что-то делается с душой и пропускается через себя, то и самая примитивная и однообразная мелодия трогает за живое и доводит до слез.

Женя лишь покачал головой, но ничего не ответил. Несколько минут он помолчал, а потом, отстранившись, произнес:

– Через неделю собираемся снимать здесь клип.

– Ты мне об этом ничего не говорил.

– Я и сам толком не знал. Сегодня утром звонил Макс и все уточнил.

– На новую песню?

– Да, зимой выйдет альбом...

5.10.2006 г. Клип... клип... Ох уж этот клип!.. Съёмки проходили в одном из живописных мест парка вблизи твоей аллеи. Я пообещала Жене, что когда закончу все дела в санатории, приду к ним, и к четырем часам, как ни в чем не бывало, приближалась к месту съёмок, где уже издали увидела Женю с какой-то белокурой девицей: она крутилась возле него и без конца вешалась на шею... Меня словно обдало холодом. Я еле дошла до ближайшего дерева и прислонилась спиной к стволу: кровь стучала в висках, колени подгибались. Отдышавшись, снова выглянула и увидела ту же картину, только к ним подошел Макс, и они втроем над чем-то смеялись. Я снова спряталась за дерево и простояла минут десять, а потом просто ушла... Сбежала!.. Я к такому не была готова... Не знала, что делать, как вести себя... Меня будто спустили с небес на землю. Перед глазами стояло лицо той девицы, а в ушах звенели слова мамы, как наваждение: «О каком доверии ты говоришь? На первых порах ты можешь, и стерпишь, а потом? Потом что ты будешь делать? Сидеть и локти кусать?»

Женя вернулся поздно, я была в спальне и слышала, как он возился на кухне, как зашел в спальню и разделся. Но сразу не лег, а присел рядом и, убрав волосы с моей шеи, пару раз поцеловал. Я подумала что на этом все, но он продолжал сидеть и поглаживать рукой меня по плечу... Это было сущей пыткой! Я еле сдерживалась, чтобы не зашевелиться и не выдать себя. Просидев так ещё какое-то время, Женя

всё-таки откинулся на подушку и лег. Уснул он быстро, зато я так и не сомкнула глаз, а как рассвело, ушла на кухню, где чувствовалась прохлада: Женя, как обычно, не закрыл на ночь створку. Я включила чайник и направилась к окну, чтобы закрыть его, но остановилась. С улицы доносилось задорное чириканье стайки воробьев, которая что-то весело склевывала с земли... Раздался свисток. Я отошла от окна, выключила чайник, а, заварив чай, снова вернулась. Воробушки по-прежнему сидели на земле. Резкий лай соседской собаки спугнул их, и вся стайка мигом взмыла в воздух и присела на деревянную перегородку. Я в последний раз взглянула на них, допила чай и хотела идти собираться на работу, но услышала шаги. «Почему он так рано встал? – недоумевала я. – Я ведь хотела, уйти пораньше...» Пока размышляла, Женя приблизился и, приобняв за плечи, поцеловал.

– Ты чего чуть свет поднялась? – спросил Женя и зевнул.

– Вчера рано уснула, теперь не спится... – с трудом выговаривая слова, ответила я.

– Кофе сварить?

Я, не взглянув на него, молча кивнула и направилась к плите.

– Ты вчера обещала зайти, но не зашла.

– Не получилось, было много дел, – бегло отозвалась и, поставив турку на газ, ждала, пока вскипит кофе.

– Лесь, ты чего? – произнес Женя и подошел сзади и приобнял за плечи.

– Ничего... – отозвалась я, выключила газ и, отстранившись от него, потянулась в шкаф за чашкой, но она предательски выскользнула из рук и разбилась. На мгновение замерла на месте и уставилась на осколки. Опомнившись, хотела пройти и достать из мойки веник, но, как назло, столкнулась с Женей. Я уже собиралась обойти его, но он не позволил. – Пусти! Я подмету осколки!

– Никуда не денутся твои осколки! – и он пристально посмотрел на меня, чем вынудил отвести взгляд. – Неужели ты и вправду ревнуешь?

– Нет! – и попыталась высвободиться.

– Хочешь совет: тебе придется смириться с тем, что возле меня постоянно будут крутиться молодые и симпатичные девушки, пытающиеся заманить в свои сети и готовые броситься на шею при любой возможности!

– Не смирюсь!

– Ты сейчас похожа на разъяренную кошечку, но злясь, ты отпускаешь из виду одну деталь!

– Какую еще деталь?

– Мое отношение к ним. – Я хмыкнула, а Женя продолжал. – Мне на них совершенно наплевать! Когда съедаешь много зефирок, они быстро приедаются. Другое дело – ты! Ни одной из них не под силу дать мне столько эмоций и чувств, сколько даришь ты! То ты робкая и вздрагиваешь от любого слова или прикосновения, а сейчас, если я тебя отпущу, накинешься с кулаками.

– Пусти!..

Женя лишь отрицательно покачал головой. Я еще раз попыталась высвободиться, но резко припала к его груди.

– Так-то лучше, – и он расслабил руки и стал успокаивающе водить ладонью по спине, ехидно спросив. – Я кофе сегодня дождусь или нет?

– Сейчас...

Пока он пил кофе, я подмела осколки, а потом ушла собираться на работу. Уже в прихожей, крутясь возле зеркала, то и дело постукивала каблучками по кафелированному полу.

– О нет! – раздался голос Жени. – Только не каблучки! Мне всегда нравились эженицины на каблучках: они так стройнят ножки, но после одного случая меня от их стука всего передергивает! Эх, – вздохнул он и, приблизившись, положил голову мне на плечо, – придется сегодня вести себя примерно!

Я усмехнулась и, развернувшись к Жене, произнесла:

– Подделом, нечего было руки распускать!

– Твой образ слишком пленил меня, – улыбаясь, отозвался он и поправил за ухо прядь волос. – Когда я тебя увидел одну в гримерке, не совладал с собой. Но не ожидал такого вероломства с твоей стороны, я слишком привык, что девушки сами висли на мне.

– Я пойду, а то опоздаю.

– Ты будешь долго?

– Нет, у меня запись до обеда.

– К нам зайдешь? – ехидно спросил Женя. Я молчала, а он добавил. – Снова твои глазки вспыхнули, как огоньки. Ты совершенно не умеешь скрывать эмоций. Мы сегодня будем не долго, а потом Кира позвал всех к себе.

– Хорошо...

Освободиться я смогла только после двух и когда подходила к месту съемок, эта белокурая девица, как и вчера, крутилась возле Жени. Я сделала над собой усилие и направилась к ним. Правда, близко подойти не осмелилась, а встала в стороне с Кириллом и Никитой. Но взгляд мой все равно был прикован к Жене. Через несколько минут он подошел к нам и, приобняв, поцеловал. Я сразу же хотела отстраниться от него, но он и не думал отходить. Я пару раз пыталась высвободиться, но тщетно: он специально не разжимал руки, потом шепнул:

– Тебя опасно отпускать! Я видел, как ты на меня смотрела!

– Вы еще долго?

– Нет, сейчас только Макс с режиссером просмотрят отснятый материал и, если не найдут косяков, то все.

– Пойдем где-нибудь посидим.

– Пойдем! – произнес Женя и снова обнял.

– Жень, перестань!.. – не выдержала я.

– А что такого? Почему я не могу тебя обнимать?

– Мне не нравится, что ты выставляешь наши чувства

напоказ.

– Кому какое дело, все и так все знают. Кроме того даже если я ничего не буду делать, твои глаза и улыбка по-любому тебя выдадут. Ты вся светиться, когда меня видишь.

– Кто тебе такое сказал?

– Многие... Я и сам с трудом припоминаю цвет твоих глаз, но отчетливо помню их блеск. Свет, который сияет только в любящих женских глазах. Конечно, кроме сегодня. Сегодня твои глазки пылали!

30.12.2006 г. В середине октября Женя уехал, и я впервые за все то время, что я нахожусь в Кисловодске, столкнулась с реальностью. А она такова, что я осталась одна. До этого, когда он уезжал, его отсутствие ощущалось не так явно: днем я вела консультации, а вечерами чуть ли не допоздна возилась в цветнике: работа с цветами притягивала. Сколько себя помню, я всегда любила сажать, поливать, а потом наблюдать за тем, как появляются всходы, а за ними незаметно и первые бутоны. Это так здорово, тебе нужно приложить немного усилий и набраться терпения, а взамен ты получаешь настоящую красоту и благоухание.

А у Надежды Самсоновны на клумбах большинство цветов, особенно многолетники, и вправду были в запустении. Женю поначалу забавляло мое ковыряние в грядках, и он только посмеивался надо мной, потом улыбка сменилась недоумением: «Зачем заниматься самим, если можно нанять для этого специально обученного человека?» Но неза-

метно я и его втянула в это увлекательное занятие! Был случай, к Жене зашел Кирилл и застал нас в цветнике – мы как раз пересаживали большой куст пиона, который, по словам Надежды Самсоновны, не цвел несколько лет, – и долго посмеивался над ним, а Женя пошутил: «Если еще немного задержишься, тоже окажешься здесь. Все так безобидно начинается: «Ой, поддержи это, принеси то!» И вот ты уже стоишь с лопатой и что-то там ковыряешь». Ну, что сказать? Цветники – моя страсть! А без мужской силы порой никуда!

А теперь, когда дни стали короче, а вечера – длиннее, и в цветнике долго не поработаешь, появилось много свободного времени, которое нужно было чем-то заполнить. Правда, поначалу около месяца со мной прожила Надежда Самсоновна. После того как мы определились с покупкой дома, она решила собрать свои вещи, заодно и убрались во всем доме, и в нем, наконец, воцарились чистота и порядок. В сущности, мы ничего особенного не делали, только разобрали шкафы – выкинули весь ненужный хлам, который складировался годами и до него не доходили руки, – отмыли и натерли до блеска посуду и люстры, почистили ковры, отполировали паркет и много чего по мелочи. Единственное, что еще хочу: сменить шторы и тюль в гостиной, на кухне и в нашей теперь уже спальне – странно звучит!

Когда со всеми делами было покончено, а вещи собраны, Надежда Самсонова перебралась к своей двоюродной сест-

ре, живущей через несколько домов от нашего, и я по-настоящему ощутила одиночество и всю горечь разлуки... Чтобы хоть как-то себя отвлечь, когда было тепло, бродила по парку да и по городу – я ведь его совсем не знаю, того гляди и заблужусь, – а по вечерам много читала и составляла отчеты.

Женя обещал приехать в первых числах декабря, но не сложилось. Сначала у них возникли трудности с презентацией альбома. Так получилось, что группу сразу покинуло два человека. Правда, Макс быстро их заменил. Новые ребята оказались толковыми, хорошо разбирающимися в своем деле и сразу влились в коллектив, но только теперь им предстояло отрепетировать «от» и «до» всю концертную программу, чем они и занялись до праздников. Женя должен был освободиться и приехать в Кисловодск перед Новым годом, но неожиданно нас пригласил на юбилей – сорок пять лет – их московский друг, журналист и ведущий на радио Михаил. Вот везунчик! Посчастливилось же родиться первого января! Хотя мне хотелось провести этот Новый год вдвоем, дома, но ничего не поделаешь, раз уж так складываются обстоятельства. Вот я и в Москве...

31.12.2006 г. К Мише мы поехали к девяти часам вечера. В квартире уже было многолюдно. Я окинула любопытным взглядом просторный холл: повсюду кучковались мужчины все в татуировках и женицины, одетые в облегающие топы и мини, на высоких каблуках: они о чем-то разговаривали,

курили и смеялись. Что я невольно ощутила себя не в своей тарелке и шепнула Жене:

– Сколько здесь людей!

Женя улыбнулся.

– Я уже и не помню, когда в последний раз был на таких вечеринках. Если бы не день рождения Миши, мы бы сюда и не пришли. Где бы его еще найти?

И он огляделся. В другом конце холла мы увидели Макса: он тоже нас заметил и махнул рукой. Пока я с ним болтала, Женя отыскал Мишу и вернулся. Они немного пообщались, а потом Миша отправился к остальным гостям, которые все приходили и приходили. Делалось нестерпимо душно, а избыток табачного дыма сдавливал горло, отчего я стала покашливать. Женя это заметил и предложил выйти на лоджию.

– Тебе тут не нравится? – спросил Женя и обнял.

– Да нет, просто для меня все это ново и необычно. Я не привычна к таким вечеринкам.

– Здесь холодно, – произнес Женя и еще крепче прижал к себе. – Подожди! Схожу, принесу что-нибудь накинуть, а то ты совсем замерзнешь.

И он зашел. Я повернулась к окну, и стала смотреть на ночной город, который утопал в свете от придорожных фонарей, гирлянд и фар от машин... Скрипнула дверь, и я невольно обернулась: в ее проеме показался высокий мужчина средних лет, в очках с черной оправой и небольшой щети-

ной на лице. Он подошел к открытой створке, зажег сигарету и затянулся, а я снова отвернулась к окну.

– Закурить не желаете? – неожиданно спросил он.

Я отрицательно покачала головой:

– Нет, я не курю.

– Я вас что-то не припомню.

– Я здесь впервые...

Снова раздался скрип и последовавший за ним голос Жени:

– Даже не пытайся клеиться!

– Я и не думал! – улыбаясь, ответил незнакомый мужчина. Они пожали руки, и Женя, подойдя ко мне, накинул на плечи свитер. А тот мужчина спросил. – И кто это милое создание? Лицо незнакомое, не из нашей тусы.

– Это Леся, – ответил Женя, а потом обратился ко мне. – Леся, это Леонид – известный фотограф, имеет собственную выставочную галерею. Пару раз делал для нас фотосессию.

– Очень приятно! – с улыбкой произнесла я и только тогда заметила у него на груди профессиональный фотоаппарат.

Потом они с Женей разговорились, а я краем глаза поглядывала в окно. Меня снова отвлек скрип двери: на лоджию буквально вывалились двое мужчин и девушка в мини: она была изрядно пьяна и висла то на одном, то на другом мужчине. Я бросила в их сторону косой взгляд. Женя видимо перехватил его и шепнул:

– Зайдем?

Я кивнула. Пока мы отсутствовали, свет в холле приглушили, и уже вовсю играла танцевальная музыка. На часах было полдвенадцатого, и до Нового года оставались считанные минуты, которые за танцами и общим весельем пролетели незаметно. Вот так и наступил две тысячи седьмой год... После встречи которого, все дружно стали поздравлять с днем рождения Мишу. А ближе к двум мы засобирались домой. Уже у выхода нас окликнула женщина лет сорока, в черном вечернем платье, изящно подчеркивающим фигуру:

– Подцепил очередную пассию, а старых друзей и не замечаешь!

– Ванесса! Сбавь обороты! – осек ее Женя и, пожимая руку, обнял. – Как всегда шикарна! – Потом он обернулся ко мне и произнес. – Леся, это Ванесса, владелица крупной косметической компании и редактор журнала «К***». Ванесса, а это Леся, и ни какая-нибудь пассия. Все очень серьезно.

– Ну-ну. Знаю я вас! – усмехнулась она.

– Ну, верить или не верить, тебе решать.

Ванесса хмыкнула.

– Макс тоже здесь?

– Да...

Потом они перекинулись еще парой фраз, и мы ушли. На улице было хорошо и после душного затхлого воздуха квартиры дышалось легко и свободно.

– Прогуляемся? – спросил Женя.

– Нет, я устала и хочу домой...

Где, сняв только верхнюю одежду, без сил плюхнулась на диван, в отличие от Жени, который отправился в душ и переоделся, а после присел ко мне. Я не захотела вставать, только приподняла голову и положила ее к нему на колени.

– Лентяйка, переодевайся!

– Зачем? Ты все равно это сделаешь за меня.

Он довольно хмыкнул и провел рукой по волосам.

– Устала?

– Не то чтобы устала, просто я никогда не любила такие вечеринки: они мне всегда были чужды и малопонятны. А тем более такая, где было столько курящих, сплошь покрытых татуировками мужчин и столько роскошных девушек, что волей-неволей начинаешь ощущать себя белой вороной.

Женя усмехнулся.

– У меня тоже есть татуировки и что с того? – Я пожала плечами. – Не бери в голову. Все это шелуха, пустое и напыщенное. Я этот мир знаю слишком хорошо. По молодости, заимев кое-какие деньги, мы кидались во все удовольствия разумные и неразумные, дозволенные и нет. Но они быстро надоели и опротивели. Так же как и, выражаясь твоими словами, роскошные девушки: они только будоражат воображение и задевают самолюбие, но им не под силу тронуть душу и наполнить сердце.

– Зачем тогда ходить на такие тусы?

– Одни для статуса, другие, чтобы в непринужденной обстановке завести необходимые знакомства и расположить к себе людей. Кто-то от скуки. Не всем это нравится, но, не имея иных способов времяпрепровождения... – Я вздохнула, а Женя пристально взглянул на меня. – Что-то ты задаешь много вопросов, тебе не хочется спать?

Я улыбнулась и, привстав, положила голову ему на грудь.

– В голове роится слишком много мыслей, которые просятся наружу.

– Ты очень впечатлительная, относишься ко всему проще и не придавай большого значения совершенно ненужному, – произнес Женя и пересадил меня к себе на колени.

– Я бы и рада, но не всегда получается... А откуда вы знакомы с Ванессой?

– С Валеи что ли? – Я хмыкнула, а Женя ехидно добавил. – Это уже точно начинает походить на допрос, тебе не кажется?

– Нет, просто интересно. Если не хочешь, не отвечай.

Женя шутливо потрепал за щеку и произнес:

– Лет пять назад она встречалась с Максом, а после того, как они разбежались, мы все равно остались друзьями. У нас много общих знакомых, поэтому мы часто пересекаемся. И если тебе интересно, она не единственная из пассий Макса, с кем мы до сих пор продолжаем сотрудничать или просто общаться.

– Я почему-то никогда не замечала, что Макс такой бабник!

Женя усмехнулся:

– К тебе же он тоже поначалу подбивал клинья!

– Ко мне? – с удивлением переспросила я.

– Да. А ты думаешь, почему он позвонил после концерта?

– Не знаю, позвонил и позвонил.

– А зачем пригласил поучаствовать в выступлении? – заговорщически продолжал Женя.

– Не верю, ты меня хочешь запутать. Ничего подобного я за Максом не замечала.

– Ага, а кто тогда так демонстративно взял Макса под руку, когда мы гуляли по Москве? – спросил Женя и стиснул в объятиях.

– Ну, я же не из-за этого так поступила. О намерениях Макса я ничего не знала, и дальше бы ни о чем не догадывалась, если бы ты мне не сказал.

– Тогда почему? – не отставал Женя.

– Теперь с твоей стороны это походит на допрос! В тот вечер я не ожидала увидеть вместе с Кириллом и Максом тебя, поэтому неосознанно и схватилась за Макса, – ответила я, а потом резко спросила. – А ты-то, откуда обо всем знаешь?

– Кира рассказал.

– Ох уж этот Кирилл! Все-то он прознает!

– Да, он всегда в курсе.

– Но что-то Макс быстро сдался, если поверить в твои небывлицы.

– Ты оказалась для него слишком хороша!

– Это тебе тоже Кирилл донес?

– Нет, Макс. Сам слышал, как он говорил, что ему бы пришлось жениться, а этого ему не нужно.

– Почему? Он так дорожит свободой?

– По его мнению, семейная жизнь и творчество не совместимы.

– Ну, зачем же так категорично?

– Обжегшийся на молоке, дует на воду, – ответил Женя и прислонился ко мне. – Ты что-то там говорила насчет того, чтобы помочь тебе с одеждой?

Я улыбнулась, и Женя меня поцеловал. Но я всё ещё продолжала размышлять о Максе: «Кто бы мог подумать, что Макс... Так вот, почему он названивал! Нет... Пожалуй, Женя прав!.. Мне действительно нужно относиться ко всему проще...»

1.01.2007 г. Проснулась к обеду, Женя еще спал. Я не захотела больше лежать и ушла на кухню, сварила кофе, а после расположилась в гостиной на диване. В памяти невольно всплывали обрывки вчерашнего вечера, какие-то лица, фразы... «Подцепил очередную пассию... Значит, это вполне естественно. Сколько эти стены повидали таких пассий!.. – и я невольно окинула взглядом всю квартиру. – Впрочем, к чему думать об этом? Это все дела давно минувших дней...

Наверно...» Я взяла пульт и включила телевизор, где на одном из каналов показывали «Иронию судьбы...» Не скажу, что люблю этот фильм, но он почему-то привлек мое внимание, и я засмотрелась. Когда фильм почти закончился, проснулся Женя. Мы с ним позавтракали, и он уже собирался звонить заказывать билеты на ближайший рейс до Кисловодска, но у него заиграл телефон, и он, отойдя на несколько минут, вернулся с озадаченным видом.

– Что-то случилось?

– Звонила Алина... – произнес он и притих, чем заставил меня еще больше заволноваться. – У нее намечается кое-какая работа в России, поэтому до середины января будет здесь и хочет, чтобы на это время я взял Даньку к себе. У нее что-то там не получилось с родителями...

– Ну, возьмем его с собой, в чем проблема?

– Ты не будешь против?

– Нет, когда они прилетают?

– Вроде послезавтра...»

Я улыбнулась, подумав про себя «Так мы и познакомились с Данькой. Господи, как я боялась тогда этой встречи. Пока Женя ездил за ним в аэропорт, я места себе не находила. В голове крутилось слишком много вопросов, на которые не было ответов. Как пройдет наша встреча? Как Данил отнесется ко мне? Как мне вести себя с ним? Как расположить к себе? А вдруг мы не поладим? Что я тогда буду делать?! Я меньше всего хотела препятствовать их общению: они ведь

и так практически не видятся из-за постоянных разъездов и нескончаемых гастролой Жени. Но мои сомнения развеялись, когда они приехали, и я поняла, что волновалась напрасно. Данил оказался скромным и застенчивым мальчиком, внешне очень похожим на Женю, кроме глаз. У Жени они задумчивые, словно в них притаились грусть и тоска... – Половина четвертого... Пора ложиться, а ведь еще столько всего осталось... – и я невольным взглядом окинула вторую половину блокнота, решив еще немного почитать, а остальное уже завтра...

«5.01.2007 г. Вечерним рейсом улетели в Кисловодск, где почти у самого порога встретили Надежду Самсоновну, которая как раз шла, чтобы полить цветы. Женя с Данилом сразу легли отдыхать, а мы еще попили чаю и поговорили.

– Сын? – поинтересовалась Надежда Самсоновна.

– Да, от первого брака...

– Очень похожи, – а потом пристально посмотрела на меня и спросила. – Они хоть разведены?

– Разведены.

– Странно вы сейчас живете! – с возмущением произнесла Надежда Самсоновна. – Живете вместе, а не расписываетесь. В нашу молодость это было не позволительно!

– Это так важно? Мы доверяем друг другу.

– Олесь! Доверие доверяем, а порядок должен быть во всем, каких сторон жизни это не касалось. Ты детей тоже вне брака воспитывать собираешься?

– Мы еще не думали об этом...

– Сколько тебе лет? Я в твои годы уже троих родила!..

– Поверьте, об этом я сейчас меньше всего волнуюсь... По правде сказать, не знаю, как вести себя с Данькой. В голове столько сомнений. Я сама предложила поехать к нам, а теперь не знаю, что и думать.

– А что тут думать! Хочешь поладить с кем-нибудь, стань для него другом. Вот и всё...

И всё!..

14.01.2007 г. Первые дни Данил меня то ли стеснялся, то ли побаивался. Это и понятно: я ведь для него совершенно чужой человек, к тому же мальчик взрослый, все понимает. Поэтому не стала навязываться, рассудив, что пусть чуть-чуть привыкнет к новой обстановке, освоится, а там посмотрим... И вправду через несколько дней он перестал стесняться, начал меня о чем-то расспрашивать, интересоваться, мы даже пару раз, когда Женя был занят, сходили в парк покормить белочек и соек.

А на старенький Новый год поехали на конную базу, расположенную недалеко от Кисловодска. Первый день был вводным: нам показывали лошадей и знакомили с их образом жизни и содержанием в конюшнях. Кроме того время экскурсии можно было угостить понравившуюся лошадку чем-нибудь вкусным. Данил смотрел на все с замиранием сердца и неподдельным интересом, а сколько он испытал восторга, когда оказался в седле и проехался по манежу! Незабывае-

мые впечатления! Лицо его сияло, и на него было приятно смотреть.

А вот во второй день мы все вместе на лошадях поехали к «Медовым водопадам». Наш экскурсовод сперва провел короткий инструктаж, во время которого показал, как управлять лошадью и уверил, что бояться нечего, лошади спокойные и специально обучены для неторопливых прогулок с неопытными наездниками или с теми, кто никогда не садился верхом.

Не знаю, как я согласилась на это безумие. Первое, что я ощутила, оказавшись в седле – непередаваемое чувство страха. А когда лошадь тронулась с места... Ей-богу, еще бы мгновение, и я бы вскрикнула от ужаса и слезла на землю! Не знаю, но какая-то сила меня удержала. Смирившись с тем, что последняя надежда слезть с лошади упущена, и мне ничего не остается, как довериться обстоятельствам, я вцепилась в поводья мертвой хваткой и не отрывала глаз от земли. Через минут пять страх понемногу отступил, и я даже стала поднимать голову и смотреть по сторонам, мысленно успокаивая себя, что ездить верхом, не так уж и страшно. Но не тут-то было! Неожиданно моей лошадке вздумалось прибавить шагу. Видимо, ей не понравилось, что мы плелись в конце, и она стремительно стала обгонять одного наездника за другим. Я изо всех сил пыталась придержать ее, но тщетно, она все равно рвалась вперед и не успокоилась, пока не вошла в первую тройку. А я, наконец,

огляделась. Что сказать, виды и впрямь открывались восхитительные. До чего же всё-таки прекрасна и обворожительна природа Кавказских гор, даже холодной неприглядной зиме ее не испортить!..

Пять часов экскурсии пролетели незаметно, да и с погодой повезло: почти весь день простоял солнечным и безветренным, только когда мы возвращались домой, небо стало заволакивать тучами, и вскоре повалил снег огромными и бесформенными хлопьями.

Вымотались невероятно – бедный Данил даже задремал в машине: сказались усталость и переизбыток впечатлений последних дней, особенно для нас городских жителей.

– А говорила, не сядешь верхом, – подтрунивал надо мной Женя, – ускакала вперед, что мы тебя даже не догнали!

– Я же не виновата, что мне досталась такая бойкая лошадка, которая не захотела плестись в конце, и все норовила вперед.

– Значит, ты еще та трусиха!

– Да, экстремальный отдых не для меня.

– Бытует мнение, что лошади чувствуют своего наездника. Видимо, ты и с собой не до конца честна. Как ты считаешь?! – ехидно подметил Женя. Я только косо на него взглянула, но ничего не ответила. – Значит, на канатку ты с нами не пойдешь?

– Нет, это уж как-нибудь без меня. К тому же воспользуйся случаем побольше побыть с сыном. Вы и так редко

видитеь.

Глава VII

30.05.2007 г. К двадцатому января Женя с Данилом уехали. У Жени начался концертный тур, который должен был продлиться до середины апреля, но так случилось, что в конце марта из-за подхваченной простуды он сорвал голос. Когда вылечили больное горло, голос вернулся, но хрипота и осиплость остались. Мне это так знакомо. За те несколько лет, что преподавала в университете, я два раза была на грани срыва голосовых связок: очень сложно рассчитать силу голоса, если до этого никогда не выступал в лекционном зале на сто двадцать посадочных мест. А что до Жени, то восстанавливать голос мы начали с дыхательной гимнастики и массажа, после чего перешли к голосовым упражнениям, многие из которых посоветовала Надежда Самсоновна. Она нам здорово помогла.

Восстановление, особенно в начале, шло волнообразно, голос то заметно улучшался и пропадали все неприятные ощущения, то снова ухудшался. Эти колебания сильно злили Женю. Конечно, я его понимала, ведь для солиста потерять голос – наверное, самое страшное, что может произойти. Я видела, как он тревожился, по ночам места себе не находил. Кроме того это было впервые, что удивительно, если учесть, что он выступал на сцене больше десяти лет. Но, как и в любом деле, важны систематическая работа и тер-

пение, которые приводят к желаемым результатам.

Вот и первый концерт, спустя два месяца, на который мы поехали вместе. На репетициях все шло хорошо, но на самом выступлении двухчасовое пение дало о себе знать. Со спокойными и мелодичными песнями он справлялся легко, но в более резких, импульсивных, где требовалось сильно напрягать голосовые связки, слышались хрипы, и голос исчезал. Я думаю, Женя и сам это чувствовал, но продолжал петь. В конце концов, я не выдержала и во время небольшой паузы подошла к Максиму и попросила его убрать пару песен из программы. Я осознавала, на что иду, и что меня ждет. И не ошиблась. После выступления Женя ворвался в гримерку, а, приблизившись ко мне, с такой силой тряхнул за плечи, что от неожиданности я покачнулась, и уже собирался раскричаться, но я его остановила:

– Не удалось сорвать голос на концерте, теперь хочешь на мне?

Он снова попытался что-то произнести, но я его перебила:

– Знаю, что ты хочешь сказать, но если бы я не вмешалась, боюсь, ты бы вообще не допел до конца.

– Я бы смог... – начал он говорить, но закашлялся.

– Возможно, или еще на два-три месяца остался без голоса. Повторный срыв связок восстанавливается дольше, если вообще поддается восстановлению.

– Я бы...

– Может, ты не заметил, но я прекрасно слышала, как ты хрипел во второй части выступления и не вытягивал большинство песен. Упростите программу, хотя бы на несколько концертов. Признавайся, горло болит?

После недолгого молчания он произнес:

– Першит немного...

Я отошла за таблетками, но вдруг ни с того ни с сего почувствовала лёгкое головокружение и взялась руками за виски. Женя это заметил.

– Лесь?..

– Все в порядке. Голова закружилась.

И собиралась отдать ему таблетки, но резко ноги подкосились, и я потеряла сознание...

31.05.2007 г. Очнулась в больничной палате. К левой руке была подведена капельница, которая почти закончилась. За окном светало, и сквозь задернутые жалюзи пробивались лучи утреннего солнца. Я попыталась привстать, но, почувствовав головокружение и слабость, снова опустилась на подушку. Через несколько минут в дверь заглянула медсестра.

– Пришли в себя? – спросила она и подошла ближе. – Капельница закончилась. Я позову врача.

И она удалилась. Через несколько минут в палату вошел врач – мужчина лет сорока, высокий с темными волосами, которые на висках коснулись седина. Он, осведомившись о моем самочувствии, стал задавать вопросы. Я плохо пони-

мала, что происходит, поэтому отвечала, не задумываясь, а врач, сделав все записи, протянул мне листок с направлением на УЗИ, добавив, чтобы после зашла к нему в сто какой-то там кабинет с результатом, и он удалился, а я неторопливо привстала с кровати. Ко мне подскочила медсестра:

– Я вам помогу. Голова кружится?

– Есть немного...

– Скоро пройдет, это от системы. Дома отлежитесь, и все придет в норму.

Когда мы выходили из палаты, я увидела Женю: он вскочил с лавочки и, подойдя к нам, озабоченно спросил:

– Как ты? Что сказал врач?

– Ничего, – ответила я и взяла его под руку, – дал направление на УЗИ.

– Кабинет УЗИ на втором этаже, – отозвалась медсестра. – Я вам покажу... Вот здесь. Можете зайти вместе...

Стандартные вопросы, фразы, потом врач попросил оголить нижнюю часть живота, и мгновенно в голове замелькали мысли, которые незамедлительно стали выстраиваться в логическую цепочку. Я со страхом ждала слов врача, но он только настойчиво водил датчиком по низу живота, храня молчание, потом сказал, как отрезал:

– Вот оно! Судя по параметрам беременность примерно одиннадцать-двенадцать недель...

Врач и дальше что-то еще говорил-говорил, но я его не слушала: мы с Женей уставились друг на друга и не отводили глаз, пока врач не произнес:

– Все, можете одеваться, – и отвернулся к столу и стал, поглядывая на монитор, писать заключение... – Это к лечащему врачу, – и протянул мне листок.

Мы его поблагодарили и вышли. Я хотела побыстрее спуститься на первый этаж, но Женя меня остановил, привлек к себе и крепко обнял. Так мы простояли несколько минут, потом я отстранилась от него:

– Пойдем, я отнесу заключение.

Пока спускались по лестнице, я испытывала странное чувство необратимости происходящего. В голову невольно приходили мысли, что теперь назад дороги нет. До этого, хотя мы и были вместе, но продолжали жить каждый сам по себе, не ощущая ответственности, или, может, это только я относилась ко всему слишком легкомысленно? Я мельком взглянула на Женю: его лицо было непроницаемо.

В кабинете врач выписал заключение, дал рекомендации и назначил кое-какие витамины, все остальное: учет, анализы по месту жительства.

2.06.2007 г. Вчера ближе к вечеру вернулись домой. Кисловодск встретил нас мрачной дождливой погодой, навевающей тоску, которая, кажется, просочилась и в дом, прихватив с собой холод: пока переодевалась и разбирала вещи, совсем продрогла, а когда вернулась на кухню, Женя уже вклю-

чил чайник и стоял у окна, а, увидев меня, произнес:

– Что-то в доме холодно. Может, разжечь камин?

– Разожги...

Пока Женя возился с камином, я приготовила чай и кое-что перекусить, но есть мне не хотелось. Не знаю, то ли из-за недомогания, которое после перелета ещё больше усилилось, то ли из-за того, что знала, что нас ждёт серьёзный разговор. Со вчерашнего дня мы и так отмалчивались. Да и сейчас... Я быстро допила чай и ушла в гостиную, где, присев на диван, стала наблюдать за огнем в камине, который постепенно разгорался, и прислушиваться к шуму заморозившего дождя... Через несколько минут появился Женя и, присев рядом, крепко обнял.

– Долго мы еще будем играть в молчанку? За два дня слова не проронила или ты тоже голос сорвала?

Резко я вспомнила о выступлении и, повернувшись к нему, озабоченно спросила:

– Как голос? Я совсем забыла...

– Голос в порядке! – перебил он меня. – Даже не пытайся сменить тему. – Я, ничего не сказав, отвернулась. – Ты не рада беременности?

– Рада...

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем... Просто я не совсем готова была это услышать...

– Почему? Ты не думала о детях?

– Думала... Просто, мне кажется, что это немного поспешно. Я ещё в себе не до конца разобралась, поэтому...

– Ты до сих пор мне не доверяешь?

– Доверяю, но трудно отвечать доверием.

– Почему?

– Жень!.. Не бери в голову... Это мои заморочки, и к тебе они не имеют никакого отношения...

– Но я хочу понять, что тебя тревожит.

– Жень... это ни к чему...

– Ладно, поступай, как знаешь! – и он резко встал и хотел уйти, но я удержала его.

– Жень...

Он с недовольным лицом сел, и я прижалась к его плечу.

– Я битый час пытаюсь вытянуть из тебя хоть какой-нибудь вразумительный ответ, но все бес толку!

– Жень, ну как тебе объяснить... – вроде начала я, но замолчала.

Взгляд мой беспокойно блуждал по убранству гостиной: стенам, шкафам, книгам и, наконец, остановился на огне в камине, который вовсю разгорелся, отчего в гостиной сделалось теплее, а слабый отсвет от полыхающего пламени внушал ощущение уюта и уединения. И мне почему-то пришло в голову: «Идеальное место, чтобы открыть душу...» Я сделала глубокий вдох и не смело заговорила:

– В студенческие годы у меня были отношения... Что сказать, первая любовь... Да и семьи наши дружили. В об-

щем, все складывалось, лучше не придумаешь. Я была уверена, что вот она настоящая любовь, и доверилась ему. Когда мы решились на близость... – Женя напрягся, а я заговорила быстро-быстро. – В общем, у нас ничего не получилось по большей части из-за неопытности. За исключением того, что девственную плеву он повредил и все... – Румянец, горевший до этого только на щеках, разлился по всему лицу и шее, а на глазах выступили слезы, но я продолжала. – А потом бросил. Странное это состояние, когда нельзя сказать, что ничего не было или что-то было. Возможно, это и глупо звучит, но после этого я стала сторониться мужчин. Я не знала, что говорить, как вести себя. Боялась, что если скажу правду, мне никто не поверит, а ничего не рассказывать, то же как-то... Это сложно понять, но этот страх засел в самом сердце и посеял недоверие. Странно такое слышать от психолога, для меня это не должно быть чем-то трудным, но... Здесь тот же принцип, сапожник без сапог...

И я замолчала.

– Хочешь сказать, тогда... – отозвался Женя и осекся, я тоже больше ничего не говорила.

А дальше, видимо я заснула и очнулась под утро в нашей спальне. Женя тоже еще не встал и сидел на кровати с блокнотом в руках и что-то настойчиво чиркал в нем, а, заметив, что я зашевелилась, бросил на меня косой взгляд и шутливо произнес:

– Доброе утро, точнее день! С каких пор ты стала такой

соней. К твоему сведению уже начало одиннадцатого!

– Хочу спать!.. – лениво отозвалась я и, поправив подушку, снова легла.

– Соня, вставай! – произнес Женя и потрепал меня за плечо. – У нас сегодня есть очень важное дело.

– Что еще за дело?..

– В свете последних событий я, как порядочный человек, обязан жениться на тебе, как ты считаешь?! – На что я промолчала.

За завтраком в памяти невольно всплывали отголоски вчерашнего разговора, и я чувствовала смущение, а Женя, как специально, пристально наблюдал за мной, из-за чего мне все время приходилось отводить глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом, и что-то мне подсказывало, что он это просек и специально не сводил с меня глаз.

– Когда ты уезжаешь? – спросила я, наконец.

– Завтра вечером. В июне практически все дни забиты концертами.

– Тебе не кажется, что Макс иногда чересчур усердствует, когда составляет гастрольный график?

– Он не хочет платить неустойки. Придется отыграть по возможности отмененные концерты... – И Женя взглянул на часы. – Кстати, поторопись, Кирилл договорился к часу.

– А я еще ни на что не соглашалась! – с важностью произнесла я и, взяв со стола грязные чашки, направилась к мой-

ке. Женя последовал за мной и, став сзади, ехидно шепнул:
– Небольшое уточнение! Мы живем на Кавказе, а здесь испокон веков водится воровать невест и насильно жениться.

Тут я не удержалась и рассмеялась.

– У Кирилла и в этой области знакомые есть?

– Думаю, найдутся!

– Сколько сейчас времени?

– Половина двенадцатого...

К часу мы подошли к зданию загса. Кирилл уже стоял на крыльце и поджидал нас.

– Голубки, подождите пару минут, – шутливо произнес он, когда мы подходили к кабинету. – Сначала зайду я, а потом позову вас.

Кирилл не заставил себя долго ждать и буквально сразу же позвал нас, и мы тоже вошли. В кабинете за рабочим столом, который был завален бумагами и папками, сидела тучная, неопределенного возраста женщина. Увидев нас, она сдвинула очки на переносицу и окинула оценивающим взглядом. Потом будто бы смягчилась, представилась – звали ее Антонина Васильевна, – и произнесла:

– Ну, давайте ваши паспорта.

Десять минут и заявления написаны и отданы Антонине Васильевне.

– Вы, золото, Антонина Васильевна! С меня причитает-

ся! – произнес Кирилл, и мы вышли из кабинета.

4.06.2007 г. Сегодня Женя, как и говорил, уехал, чему я была несказанно рада. В его присутствии я не могла спокойно все обдумать, взвесить, разложить по полочкам. Новость о беременности выбила меня из колеи. Вечером позвонила Насте и поделилась с ней своими сомнениями, но она назвала меня глупышкой.

– Радоваться надо! Мы с Пашей женаты больше двух лет, да и до свадьбы, сколько встречались, но ничего не получается. А я уже так хочу ребеночка! Я брежу этой мыслью! Кучу врачей прошли, но бес толку. Они в один голос твердят, что все в пределах нормы... А свадьба-то когда?

– Через месяц, в субботу подали заявления.

– Не могу поверить! – воскликнула Настя. – И ты об этом так спокойно говоришь!

– А как я должна говорить. Мы просто распишемся и все.

– Эх! – вздохнула Настя. – А родители-то знают?

– Нет, я им еще не сообщила.

– Мама твоя расстроится. Она так любит все эти торжества, предсвадебные хлопоты.

– Знаю.

– А ты даже не надейся, я приеду к тебе, хотя смотрю, ты не намерена никого звать!

– Насть!

– Шучу! Я давно собиралась к тебе наведаться, заодно и подлечиться. Поговаривают, что у вас там горный воздух

и нарзан творят чудеса! Думаю, в этом ты мне не откажешь!..

5.07.2007 г. Месяц до свадьбы прошел незаметно. Я встала на учет в женскую консультацию, а после двадцатого июня, как и обещала, приехала Настя. За две недели, проведенные вместе, наговорились вдоволь. Оказывается, я так соскучилась по ее беззаботной и незатейливой болтовне. С утра я занималась с пациентами в санатории, Настя посещала различные процедуры, а после мы с ней гуляли по парку. Если погода позволяла: конец июня выдался настолько пасмурным и дождливым, что ясные солнечные дни можно по пальцам пересчитать.

А сегодня после того, как поместила маму с папой в санатории, мы с Настей прогулялись в последний раз до Нарзанной галереи – через день она уезжает. Пришли мы немного раньше времени – перерыв еще не закончился, – и пока ждали, расположились неподалеку на скамейке возле фонтана, на лазурной глади которого причудливо поблескивали солнечные лучи. Поначалу Настя сидела молча и смотрела по сторонам, но потом заговорила:

– У вас завтра свадьба, а твоего благоверного все еще нет.

– Сегодня вечером прилетит.

– Не понимаю, как ты можешь так жить в вечном ожидании! Я бы так не смогла.

– Плата за популярность! Впрочем, в долгом ожидании

есть и своя особая прелесть: оно еще больше усиливает радость встречи.

– Этим ты хочешь успокоить меня или себя?

– Тебя. Я сразу уяснила, что будет или так, или вообще не стоило ничего начинать.

– Все равно не понимаю. Ты совсем не ревнуешь? Вы же не видитесь целыми месяцами?

– Я доверяю ему и отношусь философски, он на работе и все без лишних додумываний и размышлений.

– Звучит неубедительно. Вот у меня Пашика всегда рядом, но я все равно держу ухо востро.

– Насть, я сама выбрала такую жизнь, к чему теперь жаловаться. Кроме того мы могли жить и в Москве, чаще видеться, но я не захотела.

– Надеюсь, твои жертвы не напрасны...

– Почему сразу жертвы? Ты мне сейчас напоминаешь мою маму. Глупо пытаться изменить человека, пока он сам этого не захочет.

Настя закачала головой и, немного помолчав снова заговорила:

– Вы даже кольца еще не купили!

– Женя сказал, что сам купит.

– Лесь, у вас завтра свадьба, а ты так легкомысленно об этом говоришь.

Я улыбнулась.

– Да, потому что штампу в паспорте не изменить мо-

их чувств к Жене. Это все условности общества, социализации человека. Ощущение, что вы едины, должно исходить изнутри... – Настя лишь покачала головой, а я взглянула на вход в Нарзанную галерею, возле которого стали толпиться люди. – Ну, все пойдем, похоже, перерыв закончился...

7.07.2007 г. Вот и день свадьбы... Проснулась я рано, и как только стало светать, вышла на террасу. На белеющем небе незаметно гасли последние звезды, уступая место заре. Где-то вдалеке пропел петух... Потом его подхватил другой... Холодило. Я зашла в дом за шалью, а, вернувшись, расположилась на скамейке. Собственно ни о чем не думала, просто закрыла глаза и наслаждалась свежестью утра, ароматами цветов и трелями пробуждающихся птиц... Резко раздался скрип двери. Я открыла веки и увидела Женю, сонного и зевающего.

– Ты чего не спишь в такую рань? – отозвался он и, присев рядом, обнял.

Я только пожала плечами, а Женя тем временем спустился и положил голову мне на колени. Я запустила ладонь ему в волосы и стала теревить их. Взгляд привлекли подвешенные к потолку корзинки с петуниями – первые солнечные лучи едва коснулись их, а вскоре озарили и всю террасу. Зажужжали пчелы и мухи...

– Нет! Спать здесь невозможно! – возразил Женя и приподнялся.

– Ну, иди в дом.

– Не хочу... Все равно не усну. Кофе сварить?

Я кивнула. Все приготовив, присела и стала молча намазывать на хлеб масло.

– Молчу-у-ун! – протяжно произнес Женя и толкнул меня плечом. – Скажи хотя бы слово! – Я усмехнулась. – Волнуешься?

– Да нет. Просто как-то странно. Никогда не думала, что именно так выйду замуж, даже в своих самых смелых фантазиях, – и, помолчав с минуту, добавила. – Вчера мама с папой приехали.

– Все-таки собрались? – усмехнулся Женя.

– Ой, это же все мама! То еду, то не еду, но, в конце концов, согласилась. Еле нашла им свободные места в санатории.

Женя допил кофе и откинулся на спинку скамейки:

– Завтра надо будет смотаться за Данькой.

– Хорошо. Долго он будет у нас?

– До середины августа точно, а там не знаю...

«Хорошо...» – отозвалась я и принялась убирать со стола, помыла посуду, разложила разбросанные вещи по местам, полила цветы на террасе, снова зашла в дом. На часах было только начало десятого. «Как же медленно тянется время. Ненавижу долгие ожидания! Нет бы раз и все! А то попусту ходишь, склоняясь без дела, и еще больше начинаешь волноваться и накручивать себя». К двенадцати часам пришли родители, а следом за ними и Настя, чтобы помочь

мне с прической и макияжем.

– Все, можешь любоваться! – произнесла Настя и отошла, а я привстала и взглянула в зеркало: волосы, присобранные на затылке, едва заметный макияж и легкое шифоновое платье нежно-голубого цвета с завышенной талией – вот и весь мой свадебный наряд. Я еще раз посмотрела в зеркало и, обернувшись, обняла Настю:

– Спасибо, чтобы я без тебя делала! – И из глаз невольно заструились слезы, Настя вздохнула и, похлопав меня по спине, произнесла:

– Лесь, ну все, перестань! А то мы сейчас вдвоем разрыдаемся, и мои старания пойдут насмарку.

Я немного отстранилась от нее и обмакнула слезы.

– Ну, вот! – воскликнула Настя. – Я же говорила: подводка растеклась. Садись, я все поправлю...

А в два часа нас расписали... Подумать только, каких-то десять минут и теперь я Юдина Олеся Юрьевна...

К вечеру пришли Кирилл с Майей и Надежда Самсоновна. За ужином завязался непринужденный разговор, вылившийся в поучительную беседу со стороны Надежды Самсоновны о семейных ценностях и браке.

– Сейчас такое время, что мало кто по-настоящему чтит институт семьи, подходит к женитьбе со всей серьезностью и ответственностью.

– Можно подумать, раньше над этим заморачивались, – возразила Настя. – Также высказывали замуж за первого

встречного или куда хуже жениха выбирали родители. И всем было наплевать, как поладят молодые.

– В этом есть доля правды, – согласилась Надежда Самсоновна. – Но раньше не бежали разводиться по любому поводу. Мы с моим покойным мужем прожили долгую семейную жизнь, почти сорок лет рука об руку. И ее не назовешь безоблачной. Чего мы только не повидали! Но ссоры и недоумолвки лишь сближали, нам и в голову не приходило сразу разводиться. А все потому, что любили и дорожили друг другом. Ведь люди женятся для того, чтобы иметь опору в жизни, чтобы рядом всегда был тот, с кем можно разделить и радости и горести.

– А как же дети? – отозвалась Настя.

– А что дети? Дети сегодня есть, а завтра не успеешь оглянуться, как они выросли, зажили по-своему, а о тебе вспоминают только по праздникам. Поэтому пока рядом есть любимый человек, одиночество не страшно. А для этого муж и жена должны быть в добрых отношениях и стать друг для друга и отрадой и опорой.

– Вот-вот, слушайте, молодые, человека умудренного опытом! – пошутил Кирилл и лукаво взглянул на нас с Женей.

17.08.2007 г. Данил пробыл у нас почти полтора месяца. Женя все это время то приезжал, то уезжал: лето – сезон фестивалей. Так что мы с Данилом часто оставались одни, много гуляли по парку, исколесив его, наверное, вдоль и попе-

рек; Данька оказался любознательным и умным мальчиком. Как-то по дороге домой мы разговорились.

– Я заметила, что тебе очень нравится парк.

– Да, особенно архитектурные сооружения.

– Ты интересуешься архитектурой?

– Да, но многие здания состарились и разрушаются. Почему их никто не восстанавливает? Они ведь такие красивые.

Признаться честно, я была поражена рассуждениями этого мальчика. Я и подумать не могла, что у него в голове ютятся подобные мысли.

– Постепенно восстановят, парк с годами преобразуется и до архитектурных памятников очередь дойдет, – ответила я и совсем без задней мысли добавила. – Вот вырастешь и займешься реставрационными работами.

Он улыбнулся.

– Я уже думал об этом.

После этого разговора буквально на следующий день я зашла в книжный магазин и прикупила пару книг по архитектуре: одну общую, а другую по архитектурным сооружениям именно Кисловодска, с подробным описанием и историей. Правда, для чтения они сложны, особенно первая, но в плане иллюстраций очень интересны и занимательны, их часами можно рассматривать. Поначалу думала, что подарю их ему на память, когда он будет уезжать, но оказалось, что у него на днях будет день рождения. Что ж еще лучше.

Правда, Женя сильно удивился моему выбору.

– Почему архитектура?

– А почему нет?

– Не знаю, это как-то странно.

– Не губи зерно, которое при правильном уходе, может прорасти и дать плоды.

– Иногда я тебя совсем не понимаю.

– Я имею в виду, чтобы ты не повторял ошибок своего отца. Если мальчик этим интересуется, почему бы не помочь ему в этом начинании. Может, это действительно придется ему по душе. – Женя лишь пожал плечами. – К тому же он от тебя недалеко ушел, если верить Гёте, то «архитектура – это застывшая музыка».

Женя хмыкнул:

– Тебя послушать так прям все со всем взаимосвязано.

– Поверь мне, все на самом деле со всем взаимосвязано, только мы не всегда способны разглядеть эти связи.

И вправду Данил был в восторге от книг и не отрывался от них до самой ночи. Книга о Кисловодске ему особенно понравилась. Наверное, потому что многие из этих сооружений мы видели воочию, а в книге можно узнать и их историю, потому что из меня рассказчик никудышный, я мало что знаю о городе.

Единственное, чем омрачился день рождения, что не поздравила мама. Он весь вечер просидел у телефона и, так и не дождавшись звонка, лег спать. А сегодня когда пришла

с работы, застала Данила в гостиной. Он снова сидел такой грустный и опечаленный и бесцельно щелкал по каналам, что мне захотелось его подбодрить и поддержать.

– Ты чего такой хмурый? – спросила я и потрепала его за плечо. – Мама и сегодня не позвонила?

– Звонила! – резко отозвался он. – Она хочет забрать меня в новую семью! А я не хочу!

– Дань! Если у папы с мамой не получилось жить вместе, это не значит, что они должны оставаться одни. Любой человек имеет право на счастье.

– Но у мамы же есть я!

– Дань, но ты скоро вырастешь, женишься, у тебя появятся собственные дети, а мама останется одна.

– Я не хочу уезжать в Италию! Я останусь с папой!

– Дань...

– Вы не хотите, чтобы я остался?! – в сердцах спросил он.

– Дань, – постаралась я, как можно добродушной ответить. – Не в этом дело. Я лишь хочу, чтобы ты принял взвешенное решение, а не под напором эмоций. А что если через месяц ты передумаешь?

– Я не передумаю! – возразил он и, соскочив с дивана, ушел в комнату, а я отправилась к Жене: он был в кабинете.

– Не помешаю? – поинтересовалась я, заглянув в дверь.

– Нет, заходи.

Я вошла и, присев на стул, долго не думая, спросила:

– Что с Данькой? На нем лица нет!

– Звонила Алина и сказала ему, что выходит замуж и забирает его в Италию. Ну, а Данька заупрямился и даже не захотел с ней разговаривать, взял и бросил трубку.

– Он мне сказал, что хочет остаться с тобой.

Женя вздохнул и, резко встав, отошел к окну. Некоторое время молчал, но потом все-таки обернулся и заговорил:

– Может, оно и к лучшему. Поначалу я не придавал этому значения, подумал, ну, поупрямитесь и согласитесь. Он и так много времени провел с Алиной за границей. Но мысленно порассуждав, пришел к тому, что, а кому он там будет нужен? Алина никогда особо им не занималась, а, выйдя замуж, ей и вовсе будет не до него, отправит в какую-нибудь частную школу. Так что может, у нас ему будет и лучше. Тем более ему здесь нравится, да и с тобой он хорошо ладит.

Я подошла к Жене и встала рядом.

– Но гостить на каникулах – это одно, а переехать жить насовсем – другое. К тому же согласится ли Алина?

– Я поговорю с ней. Не думаю, что она будет возражать. Но для начала я хотел все обсудить с тобой. Ты же не против? – И он привлек меня к себе. – Я хочу, чтобы у сына была нормальная семья.

Я краем глаза взглянула на него: он был взволнован, видимо, для него это действительно много значило.

– Нет. Но не получится ли так, что Данил будет чувствовать себя лишним, ведь у нас скоро тоже родится ре-

беноч. К тому же ты постоянно пропадаешь на гастролях.

– Не думаю. Наоборот, будет тебе помощник.

В это время малыш зашевелился в животе: чем больше срок, тем чётче ощущаются движения и их уже ни с чем не перепутать.

– Дай руку, чувствуешь, шевелится... Слышит, наверное, что мы о нем говорим!

– Почему мужчины лишены этого чувства, ощущать, как в тебе подрастает новая жизнь? – спросил Женя и стал поглаживать живот.

– Не знаю... Чувствуешь? Снова шевелится...

Женя ничего не ответил, лишь поцеловал. Потом я занялась домашними делами, а когда готовила ужин, в гостиную выскочил Данил и плюхнулся в кресло. Он был расстроен, а из коридора доносились громкие возгласы Жени. Я подошла к Данилу и успела только назвать его по имени, но он меня перебил:

– Почему мама с папой всегда ругаются?

Я присела на спинку кресла и положила руку ему на плечо:

– Взрослые странные существа. Они любят все усложнять. Но ты ни в коем случае не должен принимать ссоры родителей на свой счет. Нас это с тобой не касается. Они сами разберутся.

– Но почему вы с папой никогда не кричите?

Я невольно вздохнула, не зная поначалу, что и ответить, но потом сообразила:

– Знаешь, в детстве папа мне рассказывал одну притчу. Однажды учитель поинтересовался у учеников: «Почему люди при ссорах повышают голос?» «Наверное, они теряют спокойствие», – предположили ученики. «Но зачем повышать голос, если второй человек стоит рядом?» – настаивал учитель. Ученики лишь пожали плечами. Тогда учитель сказал: «Когда люди ссорятся, их сердца отдаляются, а вместе с ними отдаляются и души, поэтому чтобы друг друга услышать, они и повышают голос. И чем сильнее обида, тем громче они кричат». Ссоры отдаляют друг от друга, а слова, произнесенные на повышенных тонах, увеличивают это расстояние в разы. И однажды это расстояние увеличивается настолько, что пути обратно можно просто не найти.

И я, договорив последние слова, зачем-то обернулась: сзади стоял Женя и тоже внимательно слушал меня. Я смущенно отвернулась, а он обратился к Данилу:

– Поговори с мамой, – и протянул ему телефон.

– Я никуда не еду?

– Нет...

Данил взял трубку и вышел, а Женя присел на его место и поинтересовался:

– А что же происходит, когда люди влюблены?

– Они говорят очень тихо, потому что их сердца всегда рядом, порой и слова не нужны – достаточно взгляда. – И я укоризненно посмотрела на Женю. – Можно хотя бы при

ребенке сдерживать себя и не ссориться.

– А что я могу поделаться! Зачем на пустом месте закатывать сцену. В конце концов, Данил уже взрослый и сам в состоянии решить, где ему лучше. Ну, а передумает и захочет уехать, я не буду его удерживать.

– Надо тогда подыскать Даньке школу. Первое сентября совсем скоро.

– Я поинтересуюсь у Киры... Кстати, не спросил, ты была у врача?

– Была...

– И что он сказал?

– Ничего, по следующему УЗИ будет видно.

– Говорил я тебе, лучше бы съездили в Москву.

– Ой, раньше же как-то без этих УЗИ рожали и ничего! – возразила я и приподнялась. – Меньше знаешь, лучше спишь!

– Ты меня не убедила...

17.11.2007 г. И действительно не убедила, вчера все-таки приехали в Москву. Женя договорился в какой-то, по его словам, очень хорошей клинике пройти все обследования. Я долго противилась, так как не видела в этом смысла: чувствовала себя хорошо и тащить так далеко мне не очень-то хотелось. Но он – хитрец! – подкупил тем, что Макс подогнал ему два билета на премьеру спектакля в Малом театре. Ну, тут я не в силах была отказать.

С утра я сдала все анализы, ну, а вечером мы пошли на премьеру в Малый. Спектакль был поставлен по пье-

се «Круг» английского писателя Сомерсета Моэма, который произвел на меня неоднозначное впечатление, хотя Жене он показался легкой комедией с отменным английским юмором, и он, как обычно, сослался на то, что я воспринимаю все слишком серьезно. Не знаю... А по мне, получилась очень трогательная и вдумчивая история о детях, которые не учатся на ошибках родителей. Пожилая женщина мисс Китти, приехавшая в дом бывшего мужа, которого она бросила много лет назад, сбегав с любовником, делится с молодой девушкой, женой ее сына, которая так же, как и она полюбила другого и хочет с ним сбежать, историей своей нелегкой судьбы, пытаясь предостеречь от ошибок. Но, как известно, все мы бессильны перед чарами любви. В итоге молодая девушка все бросает и сбегает с новым возлюбленным... Поразительно! Насколько наша жизнь может перекликаться с вымышленной. Как порой в художественных произведениях можно найти точь-в-точь свой прообраз. Я ведь, в сущности, тоже оставила тихую гавань, где было все предопределено, ради любви, не восприняв всерьез предостережения мамы, но слова мисс Китти из спектакля, что «трагедия любви не в смерти и не в разводе. Трагедия любви – в неизбежности охлаждения», почему-то сильно врезались мне в память», –

Господи, похоже, и нас это коснулось, – на глазах невольно навернулись слезы. – Странно устроены люди. Когда любимый человек умирает, мы идеализируем его образ, храним

воспоминания о нем, как зеницу ока. Он навсегда остается для нас идеальным и непогрешимым, хотя, в сущности, до идеала ему далеко, но его нет, и никто не может опровергнуть этот факт. А вот с живыми людьми сложнее. Наша память так умело стирает все хорошее, что было в начале отношений: всю теплоту и нежность, всю полноту и силу чувств, – и оставляет только безразличие. Поэтому часто на консультациях я прошу клиентов припомнить те чувства, которые они испытывали в начале отношений. Это здорово помогает. Лица людей буквально озаряются. Ведь в начале отношений мы готовы на все, лишь бы завоевать доверие и любовь понравившегося человека, только с годами, куда все исчезает?! Хотя эти чувства и надо в себе культивировать и не позволять обидам и недомолвкам заглушать их. А сама про это и забыла!.. Эх, сапожник без сапог!.. Я невольно зевнула и взглянула на часы... Уже четыре... Пропустив некоторые страницы, продолжила читать ...

Глава VIII

«12.02.2010 г. Мирно без значимых событий протекли последние два года. Когда Тёмке исполнилось шесть месяцев, я вышла на полставки в санаторий. Надежда Самсоновна, как и обещала, стала присматривать за ним. Я работала после обеда и старалась до ее прихода накормить его и уложить спать, так что ей нужно было только присматривать за ним, а когда проснется, накормить детским пюре, а вскоре приходила я.

Артёмка подрастал быстро и за полтора года из тихого спокойного малыша, каким он был до года, превратился в настоящего непоседу, что порой Надежда Самсоновна еле с ним справлялась. И в два года мы отдали его в садик, а я, наконец, вышла на полную ставку, но несколько дней назад почувствовала небольшое недомогание, которое все не проходило, и сегодня, сделав тест, обнаружила две полоски. Я снова беременна. Жене пока ничего не сказала, хотя он звонил сегодня, но я не стала ему говорить, решила сказать, когда увидимся через несколько дней в Москве. Я как раз поеду туда на четырехдневные курсы по повышению квалификации, а Женя как раз будет проездом между концертами.

25.02.2010 г. В поезде познакомилась с одной женщиной – Людмилой Петровной, и по счастливой случайности, оказалось, что она тоже ехала на курсы, как и я. Узнав об этом,

она с любопытством стала расспрашивать меня, так как работала замдекана в филиале какого-то вуза в Кисловодске, и моя персона ее очень заинтересовала.

– Раньше преподавала, а сейчас веду консультации.

– Вернуться не хотите? А то у нас всегда проблемы с нехваткой квалифицированных кадров, даже те, кто есть, не настолько компетентны, как хотелось бы.

– Не знаю, к тому же я сейчас беременна.

– Ну, беременность не длится вечно, а дети растут еще быстрее. По какой теме защищались?

– К сожалению, с продолжением учебы не сложилось.

– Что вам мешает заочно окончить аспирантуру и получить степень. За два-три года декрета это вполне осуществимо.

– Я не думала об этом...

– Все в ваших руках.

Потом мы с ней еще долго обсуждали проблемы современного образования и психологии. Людмила Петровна оказалась очень общительным по натуре человеком или просто нашла слушателя, который ее слушал и не перебивал. Напоследок мы с ней обменялись номерами телефонов, условившись, что еще встретимся на курсах. Что оказалось очень кстати, потому что на курсы приехал и Сергей.

Два дня мы с ним даже не подходили друг к другу, обменивались лишь фразами приветствия. Но сегодня Людмила Петровна как-то быстро попрощалась и ушла, что позво-

лило Сергею подойти ко мне. Поначалу он интересовался делами и работой, но потом стал рьяно ни с того ни сего читать мне нотации.

– Ты бы могла много чего достигнуть, а ты зарыла свой талант в каком-то захолустье.

– И к чему этот разговор? Меня все устраивает. В жизни работа это не главное. Уверяю тебя, есть вещи и поважнее, чем место на карьерной лестнице, особенно для женщины.

И я хотела по-быстрому распрощаться с Сергеем – с минуты на минуту должен был приехать Женя, – но он взял меня за руку и не отпускал, продолжая что-то говорить-говорить. Я его не слушала и, на секунду обернувшись, увидела Женю: он как раз выходил из машины. Сердце мое екнуло. Я вырвала руку и, не сказав Сергею слов прощания, направилась к Жене. По мере того, как я приближалась к машине, я все четче различала выражение лица Жени: он был недоволен, а когда села в машину, поняла, что недоволен, это мягко сказано! Он сходу обрушился на меня с упреками и придирками, будто я перед ним в чем-то провинилась, что я поначалу как-то даже растерялась и не знала, что ему отвечать, как вести себя. До этого я никогда не видела его таким! Поэтому всю дорогу старалась молчать и отвечать короткими фразами. К счастью, доехали мы быстро, и я, не желая слушать больше его упреков, вылезла из машины и пошла в сторону парка, находящегося недалеко от дома. Внутри все кипело; я злилась на Женю, на Сергея, на

себя, на весь белый свет. «Дернул же меня черт попросить его встретить!» Неожиданно мне на глаза попалась мама с мальчиком лет пяти, и я резко опомнилась. «А я ведь хотела сегодня сказать ему о беременности. Ох! Как же теперь быть?! Ладно, может пока меня не будет, он утихомирится и ближе к вечеру я смогу все объяснить и заодно рассказать о ребенке».

Но мои чаяния не оправдались, стоило мне перешагнуть порог квартиры, Женя снова накинулся на меня с расспросами. Поначалу я ничего не отвечала, но, похоже, мое молчание его только больше злило. Потом я уже и сама не выдержала и пару раз резко отозвалась, но он не успокаивался и по-прежнему задавал один и тот же вопрос: «Что ты там делала?»

– Я тебе, по-моему, уже в сотый раз повторяю, была на курсах.

– А вывеска?

– Что вывеска? Конференц-зал находится при отеле. Знаешь, это очень удобно, когда на курсы приезжают обучающиеся из других городов. Что непонятного? Честно говоря, если бы ты мне не сказал, я бы даже не заметила эту злосчастную вывеску.

– Но вы стояли на крыльце и держались за руки!

– И что с того? Откуда мне знать, зачем он схватил меня за руку. Женя, я не могу ручаться за другого человека и отвечать за его поступки.

– Не выставляй меня полным дураком!

– Это ты не считай меня совсем глупой! Если бы что-то и было, зачем бы я стала просить тебя забрать меня? Зачем так рисковать? Ведь безопасней все проворачивать у тебя за спиной, когда ты на гастролях!

– Лесь!

– Что Лесь?! Все хватит! Я устала и хочу принять душ. Поговорим позже, когда ты успокоишься.

И демонстративно отправилась в ванную, а когда вышла, Жени нигде не было: он появился только в начале первого. Я сделала вид, что сплю, но на самом деле мне не спалось: я все думала-думала о том, как сказать ему о беременности, чтобы не навлечь на себя еще большие неприятностей. «Господи! А что если он не поверит? Мне и так до сих пор больно от его слов, а если он еще и в отцовстве засомневается? Что я тогда буду делать? Боюсь, я этого не вынесу. Но ничего не говорить, тоже не правильно. Только я, наверное, умею попадать в такие переделки! Хотя, может, за ночь он утихомирится, и утром до отъезда мы спокойно поговорим. Остается надеяться только на это».

26.02.2010 г. С утра мы молча позавтракали. Вид у Жени был удрученный, я не стала его трогать и пока решила собрать вещи до отъезда, не переставая твердить себе о том, что я должна ему сказать... Должна!.. Набравшись смелости, я все-таки подошла к нему. Поначалу хотела обнять его за шею, но передумала и лишь произнесла:

– Ну чего ты?

– Между вами ничего... – и он осекся.

Я не до конца расслышала его слова, но мне хватило того, что я заглянула ему в глаза: в них было столько недоверия. Вмиг во мне все оборвалось. Я развернулась и хотела молча уйти, но не смогла. Я и до этого злилась на Женю за то, что он осыпал меня необоснованными упреками, но я стерпела. Но тут я не совладала с собой. Впервые за то время, сколько мы вместе, мое самообладание изменило мне, и я сорвалась:

– Знаешь что! С меня хватит! Это уже слишком, всему есть предел! Вчера, когда ты обсыпал меня необоснованными упреками, ты больно ранил. Мне стало обидно, что человек, которого я люблю, так отзывается обо мне. Но я промолчала, стерпела, решив все сгладить и не усугублять. Но нет! Тебе этого мало!

– Лесь! – попытался перебить меня Женя, но я не умолкала.

– У меня гораздо больше поводов не доверять тебе. Но я беспрекословно верю тебе. Я скорее не поверю себе, подвергну сомнению увиденное или услышанное, но ни за что не стану безосновательно обвинять. А вы, мужчины, никогда не сомневаетесь в собственной неправоте, не задумываются о своей непогрешимости, о последствиях, о наносимых ранах. Чего ты завелся? Из-за злополучной вывески? А почему ты никогда не интересуешься моей работой. К твоему сведению у меня консультация может длиться до двух часов без пе-

рерыва и ко мне записываются не только женщины, но и мужчины. Мы можем сидеть наедине на протяжении двух часов, потому что того требует регламент.

Видела, что он хотел что-то сказать, но я не владела собой и не могла остановиться.

– Лесь, послушай... – произнес Женя и схватил меня за руку.

Но я резко отдернула ее и, схватив со столешницы тарелку, со всей силы бросила на пол. Она вдребезги разлетелась так же, как и мое доверие. Я уже подняла руку и хотела пригрозить Жене указательным пальцем и что-то возразить, но услышав чей-то голос, осеклась. Мы с Женей одновременно посмотрели в сторону прихожей и увидели Кирилла. «Мы вчера, что ли дверь не закрыли? – резко пронеслось в голове. – Хотя какая разница!»

Усталая, сердитая, не сказав больше ни слова, даже не посмотрев на Женю, напрямик направилась к входной двери. Проходя мимо Кирилла, встретила с ним взглядом: он хотел что-то сказать, но не успел, я его опередила:

– Вам тоже доброе утро! – и, схватив с вешалки пуховик и дорожную сумку, вышла из квартиры, хлопнув дверью.

На вокзал приехала за два часа до отправки поезда. Пока сидела в зале ожидания, почему-то до последнего надеялась, что Женя все-таки придет и проводит меня, но он так и не появился. Мало того, он не звонил и не писал последующие несколько дней. Но меня это не тревожило: недомога-

ние, появившееся во время поездки, с каждым днем усиливалось, вдобавок по утрам стали мучить тошнота и рвота, что пришлось взять на работе несколько дней без содержания.

8.05.2010 г. Весна!.. В этом году она на удивление наступила рано, принесла с собой теплую и сухую погоду. Целыми днями, начиная с раннего утра до позднего вечера, весеннее солнце терпеливо побуждало все живое к жизни. Я еще не помню такой весны в Кисловодске, быстрой и стремительной, когда торжество жизни чувствовалось в каждом дереве, в каждой травинке и в каждом цветке. Или это от того, что во мне самой подрастала новая жизнь.

Днем, когда в санатории было мало работы, и в садик идти рано, я часто гуляла по набережной вдоль реки Ольховки. Там в тени вековых деревьев приятно отдыхать, слушая пение птиц и журчание воды, падающей с порога на порог каменного русла. Воздух чист и наполнен запахом леса и весны... В такой тихой и умиротворяющей обстановке хорошо собираться с мыслями и размышлять, а поразмышлять мне было над чем. Ведь я так ничего и не сказала Жене о беременности, не нашла подходящего случая. Да, мы постоянно созваниваемся, он спрашивает о делах, о Тёмке и Даниле, но это такой сухой разговор, будто для галочки, не вызывающий доверия, а я так не могу. Правда, сегодня Женя сам заикнулся, что ему надоела эта молчаливая перебранка. Через две недели они с Максом вернутся из Лондона,

и мы обо всем поговорим. Поговорим... Тучи над моей головой сгустились, и мне становилось по-настоящему страшно.

12.05.2010 г. Последняя консультация затянулась, а мне еще нужно в школу на родительское собрание. Торопливо сдала ключи, и уже намеревалась идти к выходу, но случайно кого-то задела плечом. Обернулась, чтобы извиниться, но увидев лицо Кирилла, замерла на месте. Пока собиралась с мыслями, думая, что сказать, услышала голос Майи. Я ее тоже поприветствовала:

– Извините, но я спешу. В школе сегодня собрание... – И наспех их покинула.

В дверях зачем-то ещё раз обернулась. Кирилл с Майей стояли на том же месте и смотрели мне вслед.

«Все! Закончилось мое мирное существование!..» – подумала про себя и поспешила на собрание, а вечером поделилась своими опасениями с Надеждой Самсоновной. За эти полтора месяца она стала для меня по-настоящему близким и родным человеком, моей опорой и поддержкой. Узнав о моем состоянии, она, долго не думая, перебралась к нам, прихватив с собой свою кошку Маркизу, и всю заботу обо мне и мальчиках взяла на себя. Поначалу я сопротивлялась, но, в конце концов, смирилась. И вправду без ее помощи было бы сложно совсем справляться, особенно первые недели, когда меня мучил сильнейший токсикоз, и я почти не вставала с постели.

– Я уверена, что Кирилл сегодня же обо всем расскажет

Жене.

– Давно пора или ты надеялась скрывать беременность вечно?

– Нет, конечно.

– Тогда в чем дело? Позвони и расскажи обо всем сама. – Я молча закачала головой. – Ох, Леся, Леся! Ты играешь с огнем.

– Да знаю я, только какая теперь разница: раз уж сразу не сказала, теперь будь, что будет.

13.05.2010 г. И мое предчувствие мне не изменило. Сегодня, когда вернулись с Тёмкой из садика, уже у калитки услышали голоса Надежды Самсоновны и Жени, доносившиеся с террасы. Тёмка мгновенно вырвал руку и ринулся к дому с возгласами: «Папа! Папа!», а я, в отличие от него, замедлила шаг. Дыхание, казалось, остановилось, а сердце перестало стучать. Но делать нечего, я вдохнула поглубже и побрела к дому. Подойдя ближе, окликнула Тёмку, чтобы он не садился за стол с грязными руками. Он метнулся на кухню, а я, стараясь ни на кого не смотреть, прошла за ним. Форточка была приоткрыта, и пока мы мыли руки, я невольно услышала слова Надежды Самсоновны:

– Мой покойный муж всегда говорил, что хотя муж и жена – два человека, но в семье они сливаются в единое целое. Никто другой не имеет права вмешиваться. Они сами должны все выяснить между собой. По своему опыту скажу: все гладко никогда не бывает, люди совершают ошибки. Вы по-

ложжили начало размолвке и только вам под силу все исправить. Никто кроме вас...

Дальше я ничего не расслышала, Артем вытер руки и выскочил из кухни. Я взяла нам чашки и тоже вышла. Присев возле Надежды Самсоновны, разлила чай. Тёмка тем временем добрался до конфет и поглощал их одну за другой.

– Не ешь много сладкого. Опять в садике плохо ел?

– Нет. В обед я все съел! – воскликнул он.

– А вечером? – Он заулыбался. – Была каша?

– Да...

– Вы сегодня пришли пораньше?

– Мне показалось, что будет дождь... – начала я говорить, но невольно умолкла. С той самой минуты, как вышла на террасу, я чувствовала на себе взгляд Жени, пронизывающий, от которого мурашки бегали по спине, и становилось не по себе. Поэтому сколько могла, старалась не встречаться с ним глазами, но тщетно. На мгновение наши взгляды все равно встретились, и Женя подал мне пустую чашку. Я вытянула руку, чтобы ее взять, но резко схватилась за живот.

– Лесь? – воскликнула Надежда Самсоновна.

– Да все хорошо, – переведя дыхание, произнесла я. – Сегодня весь день пинается... – и, взяв, наконец, чашку в руку, тут же поняла, что сморозила глупость, и привлекла к себе еще больше внимания. Сердце учащенно забилося, но я все-таки налила чай и отдала его Жене, после чего заглянула

под стол, под которым Маркиза давно терлась о мои ноги.

– Кис-кис! – позвала я ее. – Пойдем, я тебя покормлю!

Маркиза мигом выскочила из-под стола и побежала на кухню, а вслед за ней и Тёмка со словами «Я тоже хочу!» Но нас настигло разочарование, корм почти закончился, осталась лишь маленькая горсточка.

– Придется, сходить в магазин, а то наша Маркиза будет сегодня голодной.

– Я с тобой! – радостно воскликнул Тёмка и выскочил из кухни.

– Нет. Я схожу сама...

Тёмка надул щеки и плюхнулся возле Жени, скрестив руки, а я, накинув кофту, стала спускаться с террасы, краем глаза, заметив, что Женя хотел пойти следом за мной, но Надежда Самсоновна его остановила, сказав вполголоса:

– Не нужно, пусть переведет дыхание.

И вправду дыхание мне нужно было перевести. Всю дорогу пыталась собраться с мыслями и решить, как быть дальше, но безрезультатно. Волнение одолевало здравый смысл. Когда вернулась из магазина, Женя играл с Тёмкой в детской, а Надежда Самсоновна хлопотала с ужином.

– Я вам помогу...

– Нет, иди, отдыхай! Я почти все закончила...

Я не возражала и молча прилегла в гостиной на диван. Ноги у меня действительно устали: ходить с каждым днем все тяжелее и тяжелее, да и малыши какой-то буйный се-

годня. Весь день пинается и ворочается без усталости. «Наверное, чувствует приезд папы или ему передалось мое волнение! Ведь не зря говорят, что ребенок все ощущает в утробе».

На некоторое время я задремала, но меня разбудил шум, доносившийся с кухни: Надежда Самсоновна угощала всех ужином. Увидев, что я встала, она предложила и мне, но я отказалась, ограничившись лишь йогуртом и зеленым яблоком.

– Как подготовка к экзаменам? С предметом по выбору определился? – присаживаясь за стол, спросила у Данила.

– Хорошо. Под натиском классной решил сдавать географию.

– О! – воскликнула я. – Ну тут я не помощница! И когда первый экзамен?

– Двадцать девятого мая.

Когда ужин был съеден, мы с Надеждой Самсоновной помыли посуду. Она не упустила случая, чтобы не почитать мне нравоучений:

– Вижу, что рада его приезду, но продолжаешь упрямяться. У любой гордости есть предел. Она не должна вырастать до такой степени, чтобы за ней не было видно тебя...

Я ей ничего не ответила, но мысленно возмутилась: «Почему все мою нерешительность принимают за упрямство или гордость. Я не всегда знаю, как лучше выйти из создав-

шегося положения, поэтому прежде чем решиться на какой-то поступок, хорошо все обдумываю. Ведь слова подобны стрелам, выпустив их, обратно не вернешь. По недомыслию, в порыве гнева можно наговорить кучу глупостей и обидеть человека, а я этого не хочу. А все сразу гордость-гордость!»

А после пошла, укладывать спать Тёмку. Обычно он быстро соглашается, но сегодня сопротивлялся до последнего: встреча с Женей после длительной разлуки подействовала на него возбуждающе. Пришлось идти на уступки: мы условились, что Женя заберет его завтра из садика до дневного сна. Но вот уже и Тёмка уснул, да и мне самой хотелось уже прилечь, но я все не решалась пойти в нашу спальню и с полчаса, наверное, ещё просидела на кухне, собираясь с мыслями. «Как я не люблю такие моменты! Знала, что нам предстоял серьезный разговор, но намеренно оттягивала его...» и когда сидеть дольше уже не было сил, я все-таки скрепя сердце отправилась в спальню. Но в спальне Жени не оказалось: он работал в кабинете. Я все ждала, что он, услышав, что я пришла, вот-вот появится, но нет, его все не было и не было. Так я и уснула, не дождавшись его.

14.05.2010 г. Утром, встав в шесть тридцать, привела себя в порядок и пошла на кухню готовить завтрак. Через несколько минут послышались шаги. Я посмотрела в гостиную и увидела Женю. Он молча присел за стол и наблюдал за мной. Я невозмутимо нарезала хлеб, сделала бутерброды

и разлила по чашкам чай. Одну молча придвинула Жене, а свою выпила на ходу и уже хотела идти будить Артема и Данила, но Женя схватил меня за руку.

– Пусты, пожалуйста! Мы опоздаем в садик!

– Я могу отвести Тёмку.

– Нет, с тобой он точно не захочет остаться, лучше забереши его в обед...

Женя ничего не сказал, но впился в меня таким долгим пристальным взглядом, что мне сделалось не по себе, и я поспешила удалиться из кухни. Как я и ожидала, Тёмка просыпался с трудом, а вставать тем более не хотел, но я все-таки растолкала его; он умылся, оделся, но увидев Женю, снова заупряился.

– Тём, пойдём! Папа заберет тебя в обед, и весь день budete с ним играть. – Он надул губки. – Все обувайся, нам пора выходить, а то если опоздаем, Светлана Николаевна еще не разрешит уйти пораньше.

Последние слова подействовали на него. Я помогла ему обуться; он взял машинку, которую носит в садик, и мы вышли... Весь день была занята работой с пациентами, а вечером, уже уходя домой, на крыльце санатория встретила Кирилла.

– Вы домой? – поинтересовался он. Я кивнула. – Составлю вам компанию. Мне все равно нужно к Жене.

– Это вы обо всем рассказали?

– Я! Но смотрю, Бастилия не сдается и держит оборо-

ну! – Я улыбнулась. – Да вы благодарить меня должны, а не губки надувать! Он и без моего доноса собирался приехать. И чтобы он увидел? – укоризненно спросил Кирилл. Я ничего не ответила. – Можете считать, что я принял всю агонию на себя!

– Мой герой!

– Так мне еще и досталось! Почему, видите ли, я раньше ему ничего не сказал. А ведь я после нашей не очень приятной встречи тогда в Москве вас и не видел, даже Майя, работая с вами в одном здании, ничего не заподозрила. Конспираторша!

– Я же не специально.

– Дети, ей-богу! И долго вы еще собираетесь дуться?

– А по-вашему я просто так...

– Какая разница из-за чего! – перебил меня Кирилл. – У вас будет ребенок!

– А вы уверены, что, я бы, упомянув тогда о ребенке, не навлекла на себя еще большие упреков и подозрений? – сглотнув через силу, спросила я.

– Нет, вы оба сведете меня с ума! Честное слово, убил бы обоих!

– Ничего не поделаешь, такова участь своды! Принимать все удары на себя.

– Шутите-шутите!

– Как раз таки мне и не до шуток. Но как говорится, сердце не видит разницы между хорошими и плохими поступка-

ми, его желания, как воды реки, смывающие все на своем пути.

– Неужели на вас снизошло озарение!

Я лишь улыбнулась в ответ. Придя домой, обнаружили, что Тёмки с Женей еще нет. Я уже хотела звонить Жене, но Кирилл меня успокоил: он до этого уже созванивался с Женей, и скоро они придут. Тогда я предложила Кириллу присесть пока на террасе, а сама зашла в дом и занялась чаем. Когда все было готово, появились Женя с Тёмкой. И мы все сели пить чай.

– Давайте чашку, – обратилась я к Кириллу, – налью погорячее.

– Я смотрю у вас тут посажено много роз. Вы любите розы?

– Не знаю... – не совсем понимая Кирилла, произнесла я.

– Меня давно раздирает дилемма: с одной стороны розы источают божественный аромат, его ни с чем не сравнить, но с другой – крошечные шипы колются, но ведь это не повод перестать восхищаться ими, как вы считаете?

«А-а, понятно к чему, он клонит».

– Не знаю, мне больше по душе пионы и у них нет шипов, а что до аромата, он навсегда останется в моем сердце и будет напоминать юность. Под звуки ... – и я напела пару строк из одной их старой песни.

Я для себя открыла эту связь, когда в первый год распустились здесь пионы. Я долго ходила вокруг них и не могла

понять, с чем у меня ассоциируется их аромат. Такой до боли знакомый... И все-таки вспомнила. Мы с Настей часто слушали музыку у меня в комнате, тогда еще на кассетном магнитофоне. Как сейчас помню, Настя где-то раздобыла новый альбом, второй, если я не ошибаюсь по счету, и принесла мне. Тогда была как раз пора пионов, и я их часто ставила у себя в комнате...

Из кухни выбежал Тёмка:

– Мам! Пойдем, покажу! – и он схватил меня за руку и потянул за собой. Так что их реакцию я не успела увидеть.

Вторую половину дня провели в парке, устали невероятно, даже Тёмка уснул раньше обычного – прилег в гостиной на диван и отключился, – что для него совсем не характерно. Женя перенес его в детскую и вернулся. А мы с Надеждой Самсоновной пока доделывали кое-какие дела на кухне. Между делом завязался совсем ничего незначащий разговор. Потом Надежда Самсоновна ушла к себе, а мы с Женей остались наедине, впервые за все это время. Я молча вытирала ложки с вилками и складывала их в ящик. Женя тоже ничего не говорил. Вытерев последнюю вилку, я бросила ее в ящик и, захлопнув его, хотела уходить, но Женя меня остановил.

– Лесь, подожди...

– Я устала за целый день. Единственное, чего я сейчас хочу, наконец, лечь и немного отдохнуть.

Женя приподнялся со стула и со словами «Я тебя отне-

су!» подхватил меня на руки. Я встрепенулась.

– Пусты! Я тяжёлая! Ты меня не удержишь!

– Сомневаешься? – с ухмылкой на лице произнес он.

– Нет!.. – И отвернулась.

– Ты сейчас похожа на Тёмку! Ты точно так же, как и он, надуваешь губки!

Я хмыкнула. В спальне он опустил на кровать, а сам присел у моих ног и, проведя по ним ладонью, произнес:

– Ноги у тебя все-таки отекают.

– Знаю...

И он стал массировать их. От его прикосновений мышцы немного расслаблялись, и я чувствовала, как к ногам начинала возвращаться легкость. Через несколько минут малыши запинаясь в животе. Женя это заметил.

– Это ... – начал говорить он, но почему-то замолчал.

– Да... Не любит, когда я лежу на спине.

Он придвинулся ближе и положил руку мне на живот, от чего дыхание перехватило, и в горле встал комок.

– Я не помню, чтобы Тёмка так пинался.

– С Тёмкой такого не было... Дай, я перевернусь на бок, а то он так и будет пинаться.

Женя убрал свою руку, и я перевернулась на правый бок. Он лег рядом и, поцеловав в шею, положил руку мне на живот. От чего из глаз невольно заструились слезы, и я тайком от Жени смахивала их, молясь, чтобы он не начал говорить, но он молчал. Так мы и уснули...

15.05.2010 г. А утром лишь только он попытался что-то сказать, как в спальню ворвался Тёмка и с возгласами заскочил на постель и втиснулся между нами.

– В этом доме, возможно, поговорить или нет? – съехидничал Женя и посмотрел на меня, на что я невольно улыбнулась.

А Тёмка, не теряя времени, пристал к Жене с вопросами пойдут ли они сегодня в парк? Женя, конечно, не смог устоять под его натиском и много чего ему наобещал, но все планы нарушила погода. Ближе к обеду все небо заволокло тучами, и начал накрапывать дождь, который перешел в проливной и закончился только глубоко за полночь. Ох, как я не люблю это время года в Кисловодске. Дожди могут лить все дни напролет. Другое дело – осень: когда солнце сияет чуть ли не каждый день, согревая и радуя душу.

17.05.2010 г. Рабочий день подходил к концу, и я задумчиво сидела в кабинете, ожидая последнего пациента. Вдруг зазвонил телефон. И я на несколько минут отлучилась к заведующему, а когда вернулась, застала в кабинете Женю и замерла возле двери, лишь спросив: «Что ты тут делаешь?» Мой вопрос он пропустил мимо ушей и, захлопнув блокнот, обернулся.

– Значит, здесь ты работаешь?

– У меня через пять минут начнется консультация, – взглянув на часы, произнесла я.

– Начинай, жду только тебя, – и он отошел к дивану и

плюхнулся на него.

Я молча проводила его взглядом: не зная, что сказать. Потом подошла к столу, все поглядывая на часы. Время шло, но в дверь никто не стучал. «Что-то тут не так», – подумала про себя и посмотрела на Женю. Он поймал мой взгляд и произнес:

– Теперь я понимаю почему, никто ни о чем не догадывался. В этом халатике и вправду ничего не заметно. – Я опустила глаза, и снова посмотрела на часы. – Лесь, ну иди сюда... – Я стояла на месте: горло сдавило, а на глазах наворачивались слезы. – Лесь...

Я сделала глубокий вдох и спросила:

– Зачем ты пришел?

– Поговорить! Ведь дома это сделать совершенно невозможно. Иди сюда, тебе здесь места тоже хватит.

Я хмыкнула и, скрестив руки на груди, присела ближе к краю, а Женя, долго не думая, положил голову мне на колени, а я отвернулась к окну. Снова погода хмурилась, а ведь с утра было такое чистое небо без единого облака.

– Ну, спрашивай, я готов! – отозвался Женя.

– К чему готов? – не поняла я.

– Ну, что ты обычно спрашиваешь у своих пациентов?

Я не удержалась и хмыкнула:

– Что вас ко мне привело?

– Любимый человек перестал мне доверять.

– Но ведь человек не на пустом месте перестает дове-

рять, значит, был серьезный повод.

– Ну, да признаю, погорячился, приревновал, с кем не бывает?

– Ревность у мужчин складывается из эгоизма и тщеславия или из-за неуверенности в себе. В первом случае я сомневаюсь, а вот во втором – не понимаю почему?

– С тобой я ни в чем не уверен. Лесь, ну не в состоянии я контролировать себя, когда вижу его рядом с тобой.

– В психологии есть такое понятие, как ретроспективная ревность.

– Чего? – переспросил Женя.

– Ретроспективная ревность, – повторилась я. – Она подразумевает под собой ревность к прошлому своего избранника, к тому отрезку жизни, где его не было и в основном существует только в голове ревнующего.

– Ой, а сама. Я не раз замечал, как менялось твое лицо, когда я упоминал в разговоре Алину.

– Это лишь выражение лица. Совершенно естественно испытывать ревность. И да мне не всегда приятно слышать, как ты говоришь о ней. Но я отдаю себе отчет, что она часть твоего прошлого и хочу я этого или нет, она всегда останется в нем. К тому же у вас есть общий ребенок. А у тебя совсем не понятная реакция. Разве я когда-то давала тебе повод во мне сомневаться? Я ведь все ради тебя бросила: семью, работу и уехала бог весть куда, оставив все в прошлом и начав жизнь с чистого листа. И я рада, что так

поступила. А теперь выясняется, что ты ставишь юношескую привязанность, выше наших с тобой отношений. И я не понимаю почему? Откуда взялась эта недоверчивость?

– Ну, с чего ты это взяла?

– Ой, только не надо разубеждать меня в обратном. Я видела тогда твои глаза: они были полны недоверия. Поэтому-то и вспыхнула.

Женя приподнялся и, присев ко мне, обнял за плечи:

– Я там у тебя в блокноте прочитал, что взаимоотношения психотерапевта и пациента, похожи на уютный дом, где можно отложить оружие в сторону и переосмыслить свой путь, и рассчитывал получить квалифицированную помощь, но чувствую, вы ко мне предвзято относитесь. – Я лишь покосилась на него, но ничего не сказала, а Женя продолжал. – Лесь, ну с тобой, наверное, так случилось, что ляпнешь что-нибудь и только после начинаешь понимать, насколько это было глупо. Но уже поздно и сказанных слов не вернуть. Тогда так и произошло. Ты набросилась на меня с криками и совершенно ничего не хотела слушать.

– Значит, я во всем виновата? – спросила я, резко повернувшись к Жене.

– Сними очки, а то ты в них так сексуально выглядишь, что я за себя не ручаюсь. – Я снова отвернулась к окну, а Женя, положив руку мне на живот, добавил. – Нет, лишь в том, что не говорила о ребенке. Лесь, так нельзя. Почему ты не сказала о беременности?

– Когда предают безграничное доверие, становится очень больно. Мне как-то не захотелось наступать на одни и те же грабли дважды, – со слезами на глазах еле выговорила я.

– Ну ладно сразу не сказала, но потом. Потом же ты могла сказать. – Я молчала. – Кроме того Надежда Самсоновна говорила, что ты плохо себя чувствовала?

Я не удержалась и пробубнила под нос:

– Об этом можно было и не упоминать...

– Лесь!

– Да, врачи ставили угрозу...

– Вот упрямая! И все равно не призналась.

– Если сразу не скажешь, то чем больше проходит времени, тем сложнее на это решиться.

– Вот и что с тобой делать, а?

– Ничего.

– Ладно, упрямица! Пойдем домой!

Я не возражала, к тому же на часах и так было начало пятого. Правда, погода что-то совсем испортилась. Небо загромождали тучи, а издали доносились раскаты грома.

– Похоже, будет гроза... Может, переждем? – предложила Жене.

– Ничего, успеем дойти.

Но дойти мы не успели. Дождь настиг нас на полпути к дому. Мы как раз проходили мимо Колоннады и укрылись под ней.

– Если я простужусь, ты будешь виновна...

Но договорить не успела: вдруг резкий оглушительный раскат грома прогремел буквально над нашими головами. Я от неожиданности вздрогнула и невольно прижалась к Жене. Он крепко обнял меня и, уткнувшись лицом в шею, прошептал: «Ты вздрогнула. Ты становишься прежней...» Хотя эти слова он произнес тихо, но для меня они прозвучали, как раскат того грома, который несколько секунд назад разразился над нашими головами. Мое сознание стало проясняться. Боль и недосказанность этих месяцев вырвались наружу потоком слез. Женя еще сильнее прижал меня к себе. Я, наконец, осознала, как глупо себя повела, не рассказав ему о беременности. Что может быть важнее ребенка?! Я постоянно твержу о доверии, а сама так и не научилась доверять... Как я могла сомневаться, что он отвергнет меня. Он же любит меня и нерешительно прошептал: «Прости...» Женя лишь погладил меня по спине. А дождь все продолжал лить...

– Похоже, погода разгулялась не на шутку! – наконец, произнесла я. – Опять всю дорогу развезет. Еще и за Тёмкой в садик идти.

– Я за ним схожу, – и Женя, немного помолчав, добавил. – Он таким непоседливым стал.

– О да! Это все влияние садика. Конечно, есть и положительные изменения. Все-таки общение со сверстниками сказывается. Он лучше стал разговаривать, стал более собранным, но иногда делается просто неуправляемым.

– Я заметил. У него рот не закрывается, говорит без умолку. А чья идея была пригласить к нам Надежду Самсоновну?

Я усмехнулась.

– Ее и была. Попробуй ее переспорить. Хоть она и говорит, что у нее муж был подполковником, но, по-моему, надо еще разобраться, кто и кем был, – Женя хохотнул. – Ты же не против, что она у нас поселилась?

– Нет, в свете некоторых событий шпионы везде нужны.

– Жень! – воскликнула я и ударила его кулаком по груди.

– А Маркиза, значит, ее кошка?

– Да, но она у нас освоилась, как у себя дома. Впрочем, как и Надежда Самсоновна. Видимо отсутствие близких людей сказывается. Она мне говорила о том, что они с мужем всегда мечтали о большой семье, как будут возиться в старости с внуками, но дети разъехались, навещают ее редко. Вот она и нашла у нас милый уголок, приятный сердцу.

– Как Данил?

– Хорошо. Хотел после сдачи экзаменов, поехать поступать в архитектурный.

– Странно, он мне об этом не говорил...

Я взглянула на него с укором:

– Когда ты с ним в последний раз вообще о чем-нибудь разговаривал?

– Зато он много общается с тобой.

– Ну, если родителям не до него, мальчику нужно найти

в ком-нибудь опору и поддержку.

– Он называет тебя мамой...

– Да это все Тёмка! Он по сто раз на день может мамкать, что, наверное, заразил и его. Я даже не заметила этого. Первой на это обратила внимание Надежда Самсоновна. Поначалу мне это не понравилось. Мне кажется, что мамой можно называть только родную мать, но Надежда Самсоновна меня переубедила, сказала, что если мальчику так хочется, пусть называет.

– Ты к нему всегда относилась с участием.

– Потому что с самого начала была настроена на то, чтобы завоевать его доверие и благосклонность. Ведь он был уже большим, все прекрасно понимал и осознавал...

Пока мы разговаривали, мало-помалу ярость непогоды стихла, и вскоре в воздухе осталась только влажная дымка. Низко нависшие тучи, освободившись от бремени воды, поднимались ввысь и разбегались по сторонам, открывая взору чистое лазурное небо. И когда, наконец, блеснули первые солнечные лучи, Женя отстранился от меня и произнес:

– Ну все, можно идти?

Я молча кивнула в ответ. Дорогу и вправду развезло, пока дошли до дома, я промочила все ноги.

– Лесь, ну что за ребячества? – с порога налетела на меня Надежда Самсоновна. – Ты же вся промокла!

– Да мы только у нас на улице намочились. Дорога превратилась в настоящую жижу.

– Когда уже и до нас цивилизация дойдет, и у нас проложат хороший асфальт, уж не знаю. Ой, что-то я не о том думаю. Пойду греть чай, а ты бегом переодеваться...

14.11.2010 г. Второго сентября родился Егорка. Женя настоял на этом имени. Мои возражения он и слушать не захотел, сославшись на то, что я столько времени утаивала от него правду, что в следующий раз буду лучше думать над своими поступками, хотя кому это еще надо думать. Ну да ладно, в сущности, я ничего не имею против этого имени, да и значение у него хорошее.

Но радость от рождения Егорки омрачилась известием о смерти отца Жени. В ночь, когда мы приехали после похорон, единственное, что мне сказал Женя:

– Он так и не поверил в меня...» В мыслях почему-то всплыла первая встреча с родителями Жени. Мы, кажется, впервые к ним поехали, когда Темке было полгода... Где же эти записи? Похоже, я их пропустила... – и стала отлистывать назад страницу за страницей, бегло скользя взглядом по написанному тексту. – Кажется, где-то здесь...» И стала читать: «...Резко раздался детский плач.

– Тёмка проснулся! Я сейчас.

И поспешила в детскую, а когда вернулась с Тёмкой на руках, Женя уже лежал на постели с закрытыми глазами, но увидев нас, привстал.

– Не спит?

– Нет. Ничего, сейчас поест и уснет, – произнесла я и,

присев на кровать, приложила Тёмку к груди. Женя придвинулся ближе и, положив голову мне на плечо, стал поглаживать лоб Тёмки.

– Странная у нас мама. От нее никогда не знаешь, чего ожидать.

– Не радуйся. Тебе это просто так с рук не сойдет! – улыбаясь, тихо произнесла я, на что Женя громко рассмеялся.

– Тише! Если не дашь Тёмке уснуть, сам будешь полночи его развлекать!

– Молчу-молчу! – прошептал Женя. – А то у меня были немного другие планы!

Я улыбнулась и толкнула его локтем.

– Кстати, сегодня днем звонила твоя мама, снова спрашивала, приедем мы на юбилей или нет.

Женя вздохнул и откинулся на подушку.

– Ну и что мы там будем делать?

– Ничего, съездим, погостим немного. В конце концов, родители должны увидеть внуков или нет?

Женя снова вздохнул и повернулся на бок.

– Жень... – позвала я его и потрепала за плечо.

– Хорошо-хорошо я подумаю, – огрызнулся он в ответ.

18.07.2008 г. И сколько бы он не отнекивался и не упрямился в двадцатых числах июня мы все-таки поехали к его родителям, как-никак они отмечают тридцатилетний юбилей свадьбы и пробыли в Самаре недели три. Женя за это время дважды успел смотаться на рок-фестивали,

каждый раз вызывая недоумение и негодование у своей мамы.

– Хоть я его и родила, но совершенно не понимаю, что у него на уме. Вроде бы уже и собственный дом есть, семья, дети, а его все куда-то несет. Не сидится ему на месте.

– Не тревожьтесь так, – попыталась я ее успокоить. – Я уже привыкла.

Но она продолжала причитать:

– Да и Данька совсем большой ему отец нужен, живой пример.

– Мам, ну ты чего? – вмешалась Ира (сводная сестра Жени по маме). – Раз их все устраивает, зачем лишний раз драматизировать.

– Ну да, ну да...

Что сказать, с мамой ему повезло. Она мне даже чем-то напомнила мою, только у мамы Жени более спокойный и добродушный характер. Что не скажешь об отце. Кстати, я его уже видела, когда навещала тетю Олю и дядю Мишу. Забавно получилось – они оказались соседями с родителями Жени. Но я почему-то совсем не помню Женю или действительно, по его словам, была слишком мала, чтобы запомнить, ведь когда он жил с родителями мне и десяти лет-то не было. Зато он уверяет, что хорошо помнит меня, но что-то я в это с трудом верю.

А что до отца Жени – Виктора Петровича, – то когда он появился после обеда, лишь сухо пожал Жене руку, кивнул

мне в знак приветствия и ушел к себе. Живость и простота общения, которая царила между нами до его появления, сменилась тягостным молчанием, будто над домом нависла тяжелая грозовая туча, и все замерли в ожидании того, что она вот-вот разразится громом и молнией. Мама Жени поспешила готовить ужин, за которым угрюмость на лице Виктора Петровича сменилась скептическим выражением, и налет пренебрежения сквозил в каждом его жесте. Не знаю, может, я все преувеличиваю, но теперь я начинаю понимать Женью и то, почему он так не хотел ехать домой. Но ничего, я и не таких светил наук видала, и за чаем мне удалось вывести его на разговор. Поначалу расспрашивала его о кафедре, студентах, о новшествах в образовании, которые сейчас повсеместно вводятся.

– Про бакалавриат,⁴ слышала, даже обучалась на курсах, но преподавать не довелось. Хотя года три назад, когда я еще работала в Оренбурге, у нас пытались пробно ввести. Но папе удалось отстоять кафедру. Сами понимаете, как можно изучать психологию самостоятельно.

– Значит, вы психолог?

– По второму образованию, а первое у меня биологическое.

⁴ Бакалавриат – высшее образование, подтверждаемое дипломом бакалавра с присвоением академической степени бакалавр (бакалávр – первая, начальная [академическая степень](#) или [квалификация](#), присуждаемая лицам, освоившим соответствующие образовательные программы [высшего образования](#). Завершённое высшее образование первого уровня в странах, которые участвуют в [Болонском процессе](#).

– По какой теме защищались?

– «Влияние ионов тяжелых металлов в частности меди на рост и развитие проростков злаковых культур».

– Хорошая тема. Кандидатскую не осилили?

– В планах было, но как-то не сложилось: я увлеклась психологией и работа консультантом понравилась мне больше, чем преподавание и научная деятельность.

– Не жалеете?

– По правде сказать, нет. Но биологические познания часто выручают меня и в психологии. Я даже подумывала о том, чтобы связать возникновение некоторых психологических проблем с недостатком определенных микроэлементов и отразить это в кандидатской.

– И почему не выбрали? Это сейчас перспективное направление.

– Знаю, но у нас были трудности с оснащением, а проводить опыты в частных лабораториях очень накладно. А чем вы занимаетесь на кафедре?

– Тем, о чем мы с вами и говорим – биоэлементологией⁵, в частности вопросами влияния тяжелых металлов на организм лабораторных животных и человека.

– А как же оснащение?

– По возможности приобретаем.

⁵ Биоэлементология – область знаний, научно-практическое направление, которое изучает химический (биоэлементный) состав человеческого тела в нормальных условиях, а также при возникновении различных заболеваний.

– Здорово! И анализаторы⁶ у вас есть?

– Да, один не так давно приобрели. Могу все показать, если вам, конечно, интересно.

– Интересно, – и глазки мои загорелись.

Во время разговора я периодически поглядывала на Женю: он явно был поражен и вечером перед сном сказал мне об этом:

– О чем вы говорили? Сказать по правде, я ничего не понимал из того, что слышал.

– Тебе этого и не надо. Не засоряй голову всякой ненужной ерундой. Самое главное, мне знакома область деятельности твоего отца, и я смогу спокойно ездить ему по ушам, зарабатывая нам баллы, профессора это любят.

Женя рассмеялся и покачал головой:

– С тобой опасно иметь дело!

– А ты думал, не все так просто. Хотя одно другому не мешает, меня это действительно заинтересовало.

На следующий день, как и обещал Виктор Петрович, мы отправились к нему на кафедру. Его детище! Меня впечатлило увиденное. И вправду с подобным оборудованием можно проводить очень много исследований. Эх, были бы у меня в свое время такие возможности...

– Ну, как вам?

⁶ Анализатор (состава и свойств веществ) – прибор для определения физико-химических свойств, состава и структуры твердых, жидких и газообразных веществ.

– Признаюсь, впечатляет. Смотрю и мысленно завидую.

– Жаль, что с каждым годом становится все больше студентов, которые мало интересуются наукой. Для чего учатся совсем не понятно.

– Да, пожалуй, соглашусь с вами...

– Не жалеете, что оставили науку?

– Нет, женщинам сложно совмещать работу с семейной жизнью. Мужчинам в этом плане легче – они могут идти к своей цели и ни о чем не беспокоиться. Кроме того, мне кажется, я больше приобрела, чем потеряла.

После недолгого молчания, Виктор Петрович сказал, как отрезал:

– Смотрю на вас и не пойму, что вы нашли в моем сыне? Вроде бы умная, образованная. Заморочил он вам голову.

– Каждый человек имеет право на счастье. Кроме того, люди женятся, чтобы иметь опору в жизни, чтобы рядом был тот, с кем можно разделить и радости и горести. В независимости от рода деятельности, хотя, в сущности, мы занимаемся одним и тем же. Посудите сами. Мы с вами читаем лекции, а солист поет песни. Это такая же работа с аудиторией. Только у нас это лекционный зал на сто человек, а на концерте – несколько тысяч. И самое главное, мы на лекции передаем студентам основы научных познаний. А солист в песнях отражает свои взгляды на жизнь, свое мироощущение, свои опасения и несет их в массы. – Виктор Петрович хмыкнул, и его лицо искривила легкая улыбка.

ка. – К тому же не знаю, что важнее оперировать научными догмами, которые завтра могут быть опровергнуты другой гипотезой или теорией или популяризовывать жизненные ценности, которые неизменны и стары как мир...» – говоря тогда эти слова Виктору Петровичу, я надеялась, что они может хоть как-нибудь повлияют на него, и он смягчится по отношению к Жене. Но увы!.. Чудес на свете не бывает. Изменить убеждения человека еще никому не удавалось, а жаль. Особенно, когда эти убеждения отражаются на судьбе детей. Ведь каждый человек в глубинах подсознания знает к чему лежит у него душа, только этот выбор не всегда готовы принять наши близкие. С детства родители стараются предостеречь детей от ошибок, указать им верный путь. А когда они не соглашаются, всячески пытаются помешать, прикрываясь родительским долгом, тем, что помыслы их чисты и они лишь пытаются защитить от неизбежных страданий и разочарований. Но им невдомёк, что эти страдания и разочарования не сравнить с теми, которые испытывает ребенок, когда самые близкие люди не верят в него и не признают его таланта – даже когда его признают полмира. Ох, как дети нуждаются в этом одобрении. Ведь нам всем жизненно необходимо, чтобы кто-то, кто старше и мудрее нас, сказал, что то, что мы делаем это нормально. И самое печальное, что продолжить верить в себя, сохранить свой талант, несмотря на скептическое отношение окружающих, увы, удастся немногим. Кто-то ломается, даже не начав ничего делать, и

только сильные личности добиваются успеха, сумев доказать правоту своего выбора. Как жаль, что тогда ночью после похорон я ничего подобного не сказала Жене. Возможно, это помогло бы избежать многих проблем в дальнейшем.

«10.12.2010 г. Через день он уехал на гастроли, и вернулся в десятых числах декабря на неделю раньше.

– Ты же должен был приехать только в следующие выходные?

– У нас возник серьезный повод, – ответил Женя, – У Киры дочка родилась.

– И они молчали? – удивленно спросила я.

– В отличие от некоторых, – и он косо посмотрел на меня, – у них была серьезная причина. Боялись сглазить.

– Почему?

– Когда лет девять не получается зачать ребенка, будешь любого сквозняка бояться.

– А как же Сава?

– Они его усыновили как раз тогда, когда мы с тобой познакомились. У него родители погибли в автокатастрофе.

– Ужас какой! Майя никогда мне об этом не рассказывала.

– Они не любят это обсуждать. Как Егорка?

– Хорошо. Уже головку всю держит.

А после обеда я не устояла и на пару часов отлучилась к Майе. Дверь мне открыл Кирилл. Мы с ним обменялись несколькими фразами, и тут вскорости в гостиную спусти-

лась Майя. Она попросила Кирилла присмотреть за дочуркой, которую они назвали Таей, а мне предложила чаю.

– Ну, вы и партизаны! – шутя, произнесла я, когда проходила на кухню.

Майя усмехнулась.

– После стольких лет неудачных попыток хочешь, не хочешь, станешь суеверным.

– Женя мне рассказал, но я и подумать не могла, что все так серьезно.

– Плата за ошибку молодости. Когда я забеременела от первого мужа, очень боялась остаться одна с ребенком. У нас с мужем всегда были натянутые отношения. Мы и без того постоянно ругались. А рождение ребенка все бы только усугубило. Глупая молодая была, думала, что никому не буду нужна с ребенком, он станет для меня обузой. До сих пор помню, как мама, царствие ей небесное, со слезами на глазах упрашивала не делать аборт. Правда, она надеялась, что ребенок скрепит наши отношения. Но я была непреклонна и поплатилась за это. С мужем мы развелись, а через год я встретила Киру. Он замечательный, он вернул мне вкус к жизни. Я сразу поняла, что это тот мужчина, который мне нужен. Мы оба безумно хотели ребенка, но... – и она запнулась, а на глазах сверкнули слезы. – Семь лет отчаянных попыток, куча сделанных анализов и пройденных врачей и все без толку.

– У меня у лучшей подруги в Оренбурге тоже проблемы с

зачатием. Уже пять лет лечатся.

– Тоже после аборта?

– Да...

Она вздохнула.

– А потом мы усыновили Саву. У него родители погибли в автокатастрофе, которая произошла буквально на наших глазах. Мальчик чудом выжил. Когда я узнала, что он остался сиротой, и близких родственников у него нет, у меня мгновенно в голове что-то щелкнуло, и я решила, что мы должны его усыновить. Кирилл не возражал, хотя до этого мы с ним никогда ничего подобного не затрагивали.

– Поражаюсь, как вы решились. Это же такая ответственность.

– Не знаю. Просто так сложились обстоятельства, может, знак свыше. Не знаю, но ты ведь тоже Данилу почти заменила мать.

– Нет, ну что ты! Тут другое.

– Возможно. Но жизнь всё-таки интересно устроена. Я до смерти боялась, что моего ребенка никто не сможет полюбить, потому что он будет не родным, а теперь сама воспитываю приемного. А когда узнала, что беременна, целый месяц пребывала в замешательстве. Это вообще отдельная история, – и она усмехнулась. – Я, как ни в чем не бывало, пошла на прием в консультацию. К сожалению, мой личный гинеколог оказалась в отпуске. Я не захотела ее дожидаться и записалась к другому. А там попа-

лась такая добродушная старушка, еще та шутница! С ходу мне: «Что-то вы, мамаша, с учетом припозднились, вроде не молодая, пятнадцатая неделя, как ни как, не меньше». Я стою, как вкопанная, и не возьму в толк, что она под всем этим подразумевает. С горем пополам разобрались, а то она, бедняжка, усомнилась в своей профпригодности. Не поверишь, но я и вправду ничего не чувствовала, было легкое недомогание по утрам и все, ни токсикоза, ни других признаков.

– Мне бы так! У меня с Егором просто ужас какой-то был.

– Знаешь, а мне до сих пор кажется, что это неправда. Иногда просыпаюсь посреди ночи и озираюсь по сторонам: ищу Таю блуждающим взглядом, а увидев спящей в кровати, облегченно выдыхаю и снова ложусь.

– Так делают, наверное, все мамы... – успела я едва договорить, как до нас донёлся детский плач. И через пару минут на кухню вышел Кирилл с Таей.

– Майя, она не успокаивается.

Майя улыбнулась и протянула руки, чтобы взять ее к себе.

– Конечно, мы же, наверное, проголодались. Мама сейчас тебя покормит.

– Так, мне уже тоже пора, – произнесла я и стала собираться.

– Завтра вечером ждём вас, – вслед крикнула мне Майя.

– Хорошо...

5.04.2011 г. Женя пробыл дома до середины января, отлучившись только на два корпоратива в Москве. Поначалу я ничего странного в его поведении не замечала. Да он выглядел вымотанным и удрученным. Но такое и раньше случалось. Несколько дней в домашней обстановке делали свое дело: настроение у него улучшалось и все становилось, как прежде. Хотя кого я обманываю, мы живем от альбома к альбому. От взлетов до падений! Когда создается альбом, начинается новое турне, Женя пребывает в состоянии эйфории, чувствует эмоциональный подъем от того, что ему удалось создать что-то новое, тем более, если альбом удачный. Очередная вершина покорена. Но альбом написан, концерты отыграны, и начинается период, когда надо искать что-то новое – новую творческую жилу. Это как у горняков, когда одно месторождение истощается и нужно разрабатывать другое. Это болезненное состояние, которое нужно пережить.

В такие периоды я стараюсь оставить в покое и не донимать лишними расспросами. Порой это бывает продуктивнее, чем постоянно путаться под ногами и лезть с непрошеными советами. Да и вознаграждается сполна: в один прекрасный день тучи рассеиваются, работа начинает идти в гору и все возвращается на круги своя. Но не в этот раз. Я это сразу почувствовала. Его затворничество в кабинете продолжалось изо дня в день без перемен. Он сам на себя

стал не похож, ходил целыми днями понурый, отстраненный, вроде бы и здесь, но мысли его были далеко.

Поначалу я все списывала на внутренние терзания: смерть отца, финансовые трудности с выпуском нового альбома, но в середине февраля мне на телефон стали приходить странные сообщения от доброжелателей, в которых все сводилось к измене. Я поначалу не придавала им значения и удаляла. Но сообщения все приходили и приходили, становясь все настойчивее и откровеннее, и, в конечном счете, нотка недоверия закралась мне в душу.

А сегодня, получив очередное сообщение, что если я хочу удостовериться лично, могу прийти на предстоящий концерт и увидеть все своими глазами, не удержалась и рассказала об этом Насте. Ну, а Настя как всегда стала упрекать, что я ко всему слишком легкомысленно отношусь. И я почему-то повелась на ее слова. На меня это совсем не похоже. Видимо напряженность последних месяцев и для меня не прошла даром. Вдобавок вечером перед сном порвалась цепочка, которую подарил мне Женя, впервые за четыре года, что тоже внесло свою лепту.

6.04.2011 г. Проснувшись утром, первым же делом заказала билет до Москвы, а потом все как в тумане. К началу концерта я не успела, пришла, когда уже все закончилось, и они разошлись по гримеркам. В коридоре я встретила кого-то из ребят, не помню кого, и спросила у них про Женю. Они мне показали на дверь в конце коридора. Еле передвигая

ноги, я направилась туда. Несколько минут стояла перед дверью и не решалась открыть ее, потом все-таки схватилась за ручку и нажала на нее. Язычок щелкнул. Все, дверь открыта... Дыхание перехватило, а сердце застучало так быстро, что заглушило все звуки. Резким движением руки я толкнула дверь. Свет в гримерке был приглушен. Первой я увидела белокурую девицу, а за ней и Женю: они стояли в обнимку. Вся моя жизнь рухнула в одночасье. Я больше ничего не видела, не слышала, захлопнув дверь, стала отдаляться от гримерки. Единственное желание, которое меня переполняло в те минуты, это желание убежать! Неважно куда! Все неважно!.. Все стало бессмысленным... Дальше, ничего не помню, как вышла из здания и очутилась на улице. Холодный ветер обдал мне лицо, но я его не чувствовала. В мыслях всплывали картинки прошлого. А теперь!.. Что теперь?! Не находя ответов, я хотела поскорее уйти, но резко кто-то схватил меня за плечо. С ужасом думая, что это Женя, я повернула голову и была крайне поражена, когда увидела лицо Макса.

– Что с вами? Что-то случилось?

Эти слова как-то странно на меня подействовали, словно вернули к реальности. «Что-то тут не так?!»

– Слушай, вы сегодня пили до концерта или после?

– Ты же знаешь, что до концерта нет. А после чисто символически.

– Женя пил с вами? Макс, это очень важно.

– Практически нет. А ...

– Пойдем скорее со мной! – и я потянула Макса к входу. – Пока я не сделала самую большую глупость в своей жизни!

Снова мы приближались к той злополучной гримерке. Макс уже хотел схватиться за ручку и открыть дверь, но она сама распахнулась и за ней показалась та девушка. Вид у нее был перепуганный. Она стала что-то очень быстро говорить Макс, но я, как ни пыталась, не могла разобрать ее слов: волнение заглушило все. Макс тем временем ринулся в гримерку. Я тоже хотела последовать за ним, но сердце бешено колотилось, ноги подкашивались. Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть и, схватившись рукой за косяк двери, прислонилась к нему лбом. Только не дюжим усилием воли смогла сглотнуть и, наконец, вдохнуть.

Полностью овладев собой, я зашла в гримерку и взглянула на Женю. Он мало, что понимал и ни на что не реагировал. Я присела рядом и прощупала пульс, посмотрела на зрачки. «Узкие, на свет не реагируют... Господи!» В это время на пороге гримерки показался Кирилл. Я соскочила с дивана и ринулась к нему.

– Кира, Женя никакие таблетки не принимал? – Он замялся и потупил взгляд. – Кира! Говори! Сейчас не до ваших секретов.

– Лесь, я не знаю...

– Где его вещи?

В вещах, как я и предполагала, мы нашли сильные успо-

кошительные. «Одному только богу известно, сколько он их принял за раз, да еще вместе со спиртным».

После того, как уехала скорая, – от госпитализации я отказалась, – Макс с Кириллом помогли мне довести Женю до квартиры. Уже в дверях, Макс обеспокоенно спросил:

– Лесь, точно больше ничего не нужно?

– Точно. Если что, снова вызову скорую.

Он кивнул, и они с Кириллом уже хотели выходить в подъезд: Кира успел выйти на площадку, но Макс почему-то замешкался и неожиданно спросил:

– Если я правильно понял, вы сегодня не просто так приехали?

– Да... – и я ему в двух словах обо всем рассказала, в конце добавив. – А теперь и не знаю, что чувствовать злиться или быть благодарной.

– Не забивайте себе голову ерундой! – отозвался Макс. – А подобные истории не новы. Знаете, сколько я уже сменил номеров? Не сосчитать! На будущее, сразу рассказывайте о таком и ничего не утаивайте и тем более не пытайтесь самостоятельно во всем разобраться. Берегите свои нервы и спокойствие.

– Сама не знаю, как повелась на всю эту ерунду. Просто мы разговаривали с подружкой и от ее слов меня будто заклинило...

Макс злорадно ухмыльнулся и произнес:

– Хотите совет: меньше слушайте подруг. Поверьте, от

них одно зло. Любая женщина на подсознании соперница и всегда ей останется.

– Но Настя не со зла...

– Без разницы. Результат будет один, а разгребать придется вам. Да, конечно, она подставит свое дружеское плечо, поддержит, не забудет облить мужика грязью и позлорадует со словами «Я же тебе говорила! Все мужики козлы!» Вы не глупая женщина. Живите своим умом и никого не слушайте. Тем более с нашим образом жизни, вокруг которого всегда много домыслов и предрассудков.

– Похоже, вам здорово досталось от женщин.

Макс хмыкнул:

– Не берите в голову, это дела давно минувших дней. Ну, все мы пошли, если что-то понадобится, я на связи.

Когда я вернулась в спальню, где меня обуяла режущая слух тишина, которую нарушал только стук минутной стрелки на часах, было без двадцати два... Так началась для меня, наверное, самая длинная ночь за всю мою жизнь, которой не было конца и края. Я укутала на всякий случай Женю теплым одеялом, а сама прилегла рядом, положив голову ему на плечо, с тревогой и волнением наблюдая за тем, как еле заметно поднималось и опускалось одеяло. Порой, задремав, резко соскакивала от испуга и бросалась слушать дыхание и пульс, а, нащупав заветное «тук-тук», с облегчением выдыхала и снова опускала голову ему на плечо и наблюдала-наблюдала-наблюдала...

За всю ночь Женя так и не пошевелился, и под утро я стала корить себя за то, что, может, все-таки нужно было поехать в больницу. И чем больше проходило времени, тем мои опасения становились навязчивей. Легче стало, когда ближе к трем часам он, наконец, перевернулся на бок. Я этому так обрадовалась, будто он уже пришел в себя. Очнулся он только к вечеру и то на несколько минут: сходил в туалет и снова уснул. Вторая ночь была беспокойной. Он постоянно ворочался во сне, иногда стонал или что-то невнятное бормотал. Уснул спокойно только ближе к утру, и я вместе с ним. А когда проснулась, Жени рядом не оказалось, я резко соскочила с постели и проишлась по всей квартире. Никого. Я присела в кухне на стул и стала ждать. Через несколько минут Женя появился. Он молча прошел на кухню, лишь краем глаза скользнув по мне, и встал у подоконника:

– Почему ты мне ничего не сказал? – Он молча достал сигарету из пачки и закурил. – Жень!..

Он сделал затяжку, и, выпустив дым, произнес:

– Я бы сказал...

– Когда? – Он снова затянулся. – Жень?.. Ты мог и со мной посоветоваться?

– Ты бы не согласилась!

– Поначалу да, а потом куда бы я делась. Лучшие быть в курсе всего.

– Что без контроля никак? – резко огрызнулся он.

– Причем тут контроль не контроль! Ты понимаешь, что с такими препаратами не шутят!

– Лесь, не начинай-а! И так тошно! – И он, бросив бычок в пепельницу, пошел в гостиную и лег на диван.

Я сделала глубокий вдох и последовала за ним и спросила:

– Кофе сварить?

Женя молча кивнул. Приготовив завтрак, я позвала его к столу, но есть он не стал, взял только чашку кофе и отошел к окну. Мне тоже кусок в горло не лез. Я допила кофе и для личного успокоения хотела проверить у Жени пульс, но он заупрямился и отмахнулся от меня.

– Не надо со мной как с маленьким обращаться!

– Больно надо! – возразила я и, все-таки взяв его руку, прощупала пульс. Женя недовольно смотрел на меня. – У меня в час самолет, и пора собираться, – и, отпустив его руку, ушла в душ.

Уже в дверях, мне позвонила Надежда Самсоновна, беспокоенно сообщив, что Тёмка подрался с кем-то в садике. Я невольно ухмыльнулась и взглянула на Женю: он молча стоял в прихожей, оперевшись о стену, со скрещенными руками.

– Хорошо, я вечером зайду в садик, – и сбросила звонок, закинула телефон в сумку и, подойдя к Жене, поцеловала его на прощание.

– С тобой поехать? – отозвался он, наконец.

– Дорогу знаю, не маленькая. Отдыхай... – и направилась к двери.

Уже в такси, Женя прислал сообщение: «Не обижайся. После концерта в Питере приеду, и мы поговорим».

20.04.2011 г. Но приехав через неделю, разговаривать он не торопился. Вид у него был такой же понурый и хмурый. Все разрешилось само собой. Сегодня вечером я купала вместе Артема и Егора в ванне. Женя заглянул к нам, чтобы забрать Егора, и, унося его, напоследок пошутил: «И меня потом тоже!» И я почему-то ухватилась за эту фразу.

Уложив детей спать, я набрала в ванну воды и пошла за Женей: он был в кабинете. На мое предложение покупаться он ничего не ответил, просто молча последовал за мной, но мимолетную ухмылку мне все-таки удалось уловить на его лице. Пока Женя раздевался, я присела на край ванны и опустила ноги в воду, которая была такой теплой, что я была и сама не прочь понежиться в ней. Женя залез следом за мной и положил голову мне на живот. Я стала терзать его волосы. «Да-а!.. Раньше бы он меня обрызгал с ног до головы. И это были бы цветочки! В конечном счете, я бы оказалась вместе с ним в ванне. А тут! Похоже, дела совсем плохи. Сколько я его знаю, дурачиться он никогда не переставал, чтобы не происходило».

– Ты не обижаешься на меня? – резко раздался голос Жени.

– Почему я должна обижаться? Просто я беспокоюсь, потому что не понимаю, что с тобой происходит в последнее время. Вот и все.

– Сам не знаю. Полная отрешенность и безучастность, словно оказался в другом параллельном измерении и наблюдаю за происходящим со стороны.

– Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу.

Женя ухмыльнулся:

– Данте.

– Ага, – подтвердила я, а Женя вздохнул:

– Никак не могу отделаться от чувства, что все мои чаяния чего-то добиться в жизни сводились к одной единственной цели доказать отцу, что я чего-то стою. А теперь его нет, и все стало бессмысленным. Мне все больше кажется, что, может, он был и прав, и нужно было заняться чем-то более серьезным, а творчество это так, пустая затея.

– Женя, не говори глупостей. Ты бы погубил себя. Может, ты бы и доставил радость отцу, получил бы его одобрение, но это было бы иллюзией. Он бы и дальше был тобой не доволен и все время поучал. И, в конце концов, ты бы возненавидел себя за то, что поддался на его уговоры, а не занялся тем делом, к которому у тебя лежала душа. А время было бы потеряно, упущены возможности. Да ты бы был послушным сыном, но как личность, ты бы провалился. Я видела массу примеров, когда родители считают, что дети обязаны продолжить их дело, что в семье врача дети должны стать врачами, в семье учителя – учителями. Иногда так и получается, но не всегда. В детях могут взыг-

рать гены прадедушек или прабабушек, которые, может, прекрасно сочиняли стихи. Все индивидуально. Нельзя выбирать свое предназначение в угоду кому-то. Работа по-настоящему приносит радость, когда она тебе нравится, когда ты получаешь удовольствие от того, что делаешь.

– Но мне уже за сорок пять и мне кажется, что я так ничего не успел существенного сделать. Сколько сейчас таких, как я? Миллионы!..

– Ну, это пусть решают слушатели, для которых все пишется. Твое дело творить.

– Только кому это нужно будет через лет двадцать. Придут новые исполнители и займут нашу нишу.

– Это решат слушатели. Почему тебя это волнует?

– Так хочется оставить после себя что-то толковое. Мысленно вижу и представляю себе, но хватит ли у меня сил и времени. Сердце бьется слабее, голос иногда подводит.

– Значит, будешь писать, пока хватит сил.

– Возможно ли это? Сколько мне осталось? Время неумолимо уходит, никого не щадя. Только сейчас осознаешь, насколько оно ценно, и начинаешь жалеть о напрасно растроченных годах юности, проведенных в празднестве и веселье, когда его можно было потратить с пользой.

– Жень, это опыт. Без него ты бы вряд ли был тем, кем являешься сейчас. А вообще, знаешь, что я совсем недавно прочитала в одной книге, что «нам по природе свойственно искать смысл жизни, и нам приходится считаться с тем

неудобным фактом, что нас забросили во вселенную, которая изначально бессмысленна. Поэтому мы и решили найти дело, в котором для людей будет заключаться смысл жизни. И самое главное забыть, что оно не наше изобретение, что оно существует независимо от нас, где-то там, а мы просто его обнаружили»⁷. Человек с его развитым сознанием все не может смириться с тем простым фактом, что истинное предназначение всего живого на земле, оставить после себя потомство и все.

– И что же делать?

– Ничего, просто жить, заниматься тем, что тебе нравится и все.

Потом я почему-то обратила внимание на татуировку у него на спине: грозный волк, воющий на луну. С годами контуры на татуировке размылись, и в некоторых местах она выглядела поплывшей, а сейчас все смотрелась иначе.

– Ты поправил татуировку?

– Да... – после непродолжительного молчания ответил Женя. – Разве я тебе не говорил?

– Нет. Всегда хотела спросить, почему именно волк?

– Одиночка по жизни.

– А еще верный, умный и преданный защитник своей стаи, – и я, обняв его за шею и поцеловав, произнесла. – Ладно, давай вылезать, а то вода совсем остыла.

Но сама все продолжала думать о том, почему вопро-

⁷ Ирвин Ялом. *Мамочка и смысл жизни.* – 2006.

сами поиска смысла жизни терзаются только мужчины? От женщин не услышишь подобных разговоров. Они о таком редко задумываются. Или это из-за того, что карьера и самореализация в социуме не так важны для женщин, и истинное их предназначение изначально в рождении и воспитании детей. Я много раз слышала от достаточно успешных женщин слова сожаления, что они так и не нашли время родить ребенка.

5.05.2011 г. Сегодня днем к Надежде Самсоновне должны прийти ее ученицы из последнего выпуска. До обеда возилась в цветнике: окучивала пионы, ирисы, обрезала розы, вносила удобрения. Надежда Самсоновна сидела на террасе и приглядывала за Егоркой. На улице было хорошо: весеннее солнце припекало, птицы задорно щебетали, а запах отцветающей сирени пленил и дурманил. Проникнувшись всей этой красотой, мы с Надеждой Самсоновной решили устроить посиделки на свежем воздухе и накрыть стол на террасе. Жени дома не было; он пришел после обеда, когда все девочки уже собрались и оживленно беседовали с Надеждой Самсоновной. Она пригласила его к чаю, но он отказался, напоследок пошутив, что «боится ослепнуть от такой красоты», отчего лица девушек зарделись, а он, как ни в чем не бывало, зашел в дом. Я последовала за ним: в чайнике почти закончился кипяток.

Пока ждала, когда вскипит вода, на кухне появился Женья. Лицо у него сияло, глаза блестели. Я это ещё замети-

ла, когда он приехал три дня назад, только нам все никак не удавалось поговорить, в общем как обычно. Пока я размышляла, Женя подошел ко мне и, оперевшись о столешницу, усмехнулся:

– Что это за цветник у нас дома?

– Это бывшие ученицы Надежды Самсоновны, пришли ее навестить. Я забыла тебя предупредить.

– Ты меня избегаешь?

– Нет. Просто так складываются обстоятельства. И я снова убегаю. Меня уже заждались с кипятком. Если желаешь, можешь к нам присоединиться.

– Предложение, конечно, заманчивое! Но я еще дорожусь своей жизнью. Вдруг какая-нибудь барышня как-то не так взглянет на меня и упаси, о боже, ответить мне ей взаимностью. Я лучше поработаю!

– Ты закончил свою речь? Я могу идти?

– Об этом я и говорю. Глазки твои вспыхнули!

Я молча развернулась и вышла. А к вечеру, когда девушки разошлись, а я неторопливо прибирала со стола, наконец-то на террасе появился Женя с Маркизой на руках и присел рядом с Егоркой, который сладко посапывал в коляске.

– Что, кавалер, сдался? – усмехнулся Женя, поглядывая на него.

– Да избыток женского внимания его утомил! – произнесла я и зашла на кухню. Обратнo вернулась только через

минут пятнадцать.

– Вот, видишь Маркиза, – раздался голос Жени, – дожился не с кем даже поговорить, все меня избегают.

Я косо посмотрела на него, а потом на Маркизу, которая вытянулась вдоль его ног и довольно урчала.

– Чем ты ее подкупил? – спросила я и, присев рядом, погладила ее. – Маркиза на себя не похожа.

– Ну, еще ни одна женщина не смогла устоять перед моими чарами.

– Ха-ха. Очень смешно.

Я продолжала гладить Маркизу, а Женя вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Почему ты ничего не сказала о сообщениях?

– Каких сообще... – заговорила я, но осеклась.

– Тех самых! – и Женя укоризненно посмотрел на меня. Я мигом отвернулась и хотела уйти, но Женя взял меня за руку и усадил обратно. – Лесь, так нельзя, твое молчание могло привести к непоправимым последствиям.

– Ты тоже мог обо всем мне рассказать, и тогда бы я не забивала себе голову всякой ерундой. А доверился каким-то шарлатанам?

– Почему сразу шарлатанам? Ты не доверяешь собственному отцу?

– Папе? – воскликнула я.

– Тише! Егорку разбудишь!

– Не верю! Он бы мне сказал! Я ему звонила тогда...

И недоверчиво посмотрела на Женю, но по его взгляду было видно, что он говорил правду.

– Я не хотел, чтобы ты лишний раз волновалась. Вот и все. – И он подозвал меня к себе и обнял.

– А получилось наоборот. Ты не представляешь, что я пережила тогда, когда ты неподвижно пролежал почти сутки. Молясь... – На глазах навернулись слезы, голос дрогнул, и я смогла только прошептать, – чтобы ты хотя бы пошевелился...

– Ну, подумаешь, на одну грешную душу стало бы на земле меньше.

– Жень! – воскликнула я и из глаз полились слезы. – Как ты можешь так говорить!

– Тише! – прошептал Женя, но было поздно, Егорка вовсю завертелся в коляске и, сделав потягушки, открыл глаза. – Ну вот! Взяла и разбудила пацана!

– Ничего, ему всё равно пора вставать, а то ночью будет плохо спать. Дай мне его.

И Женя, наклонившись к коляске, взял Егорку на руки и протянул его мне.

– Знаешь, но я одного не могу понять, почему ты вернулась?

– Залепить пощечину!

– А-а-ах вот оно что! Теперь ясно! – и он ехидно улыбнулся.

– Просто когда Макс вышел на улицу и позвал меня, в го-

лове что-то щелкнуло, и мой мозг начал свою кропотливую работу. У меня перед глазами стояла та девушка, но я не помнила тебя, твоих глаз. В конце концов, ты же должен был меня заметить. Дверь я не тихо закрывала.

Женя ничего не ответил лишь обнял меня, а я приложила Егорку к груди и заговорила о другом:

– Давно хотела тебе сказать... Я решила в этом году поступать в аспирантуру.

– И зачем?

– Хочу снова преподавать. К тому же пока буду сидеть в декрете, это вполне осуществимо.

– Вот проблемница!

– Почему сразу проблемница! Мне надоело работать в санатории, хочу чего-то нового.

– А я наивный удивлялся, как это ты до сих пор ни разу не заикнулась о работе, – ехидно заговорил Женя. – Думал, наконец-то решила посвятить себя дому, детям, мужу, а ты! – Я косо посмотрела на него: он улыбался, но потом, сменив тон голоса на серьезный, спросил:

– Здесь или в Москве?

– В Оренбурге... – Женя насупился. – Не хмурься. Это самый подходящий вариант. Во-первых, в случае каких-то непредвиденных обстоятельств папа всегда сможет меня прикрыть. А во-вторых, многих преподавателей я и сама знаю. Поверь, так будет проще.

– Не знаю. Мне эта затея не нравится.

– Жень, не начинай, пожалуйста. Самую малость мне придется ездить домой пару раз в год на неделю или две и то вряд ли. К тому же мы и так постоянно навещаем родителей.

– Когда собираешься поехать?

– В августе начнутся вступительные экзамены.

– Я поеду с тобой.

– Как хочешь...

Глава IX

7.09.2016 г. Как же давно я не писала! Совсем забросила свои записи. На меня это не похоже, сколько себя помню, у меня всегда под рукой были блокнот и ручка и я обязательно хоть что-нибудь да записывала. Но с годами все стало каким-то обыденным и неинтересным: дом, работа, дети и так по кругу. Летом собирались с Женей куда-нибудь съездить, но не получилось. Сначала у них возникли трудности с записью нового альбома, потом сместилось по времени несколько концертов, что в итоге мы так никуда и не выбрались. Вот за окном и начало сентября... Новый учебный год.

Четыре года аспирантуры пролетели незаметно. Я успешно защитилась и уже второй год преподаю в университете. Поначалу было трудно влиться в учебный процесс, ведь я столько лет не преподавала, но занятия со студентами манили и увлекали. Давно я не испытывала такого удовольствия и наплыва вдохновения от того, что делала. За годы работы в санатории я изрядно изголодалась по лекциям, практическим занятиям и семинарам. Особенно радуют студенты, которые действительно хотят учиться и узнавать что-то новое, а имея достаточный опыт работы в санатории, у меня есть чем с ними поделиться. Егорка в этом году пошел в первый класс, Артем перешел в третий

класс, а Данил – на последний курс университета. Так и живем...

27.09.2016 г. Сегодня на подступах к дому встретила Кирилла. Мы перекинулись обычными фразами приветствия и вошли. Я отлучилась в спальню переодеться, а Кирилл остался в гостиной, а когда вернулась, нашла его стоящим у обеденного стола, заваленного кучей бумаг. Увидев меня, он усмехнулся:

– Смотрю, у вас тут работа кипит!

– Не обращайтесь внимания. Рабочая обстановка! Устроившись в университет, я совершенно не предполагала, что на меня свалится столько бумажной волокиты.

– Да, Майя мне что-то говорила о вашем уходе, только я особо не вникал.

– Пойдемте, угощу вас чаем!

Кирилл одобрительно кивнул. Присаживаясь за стол, он произнес:

– Я собственно зашел к Жене... – И резко притих.

– Но Жени еще нет, – в растерянности ответила я. – Сегодня или завтра должен вернуться. Вам-то не знать, когда он приезжает.

И Кирилл вздохнул. Я внимательно посмотрела на него: еще на улице он показался мне то ли уставшим, то ли обеспокоенным, а теперь эти сомнения только подтвердились.

– Да знаю я... – отозвался он и снова замолчал, но потом заговорил, будто размышляя вслух. – Я очень дорожу друж-

бой с Женей, но и вы мне тоже не безразличны. Поэтому я не могу спокойно смотреть на то, как с вами несправедливо поступают, держа в неведении...

Я с настороженностью взглянула на Кирилла. Сердце замерло, а по спине пробежался легкий холодок.

– Продолжайте. Только не молчите, ради бога.

– Я не хочу вмешиваться...

– Можно подумать, вы в первый раз лезете в нашу семью.

По-моему, вы с самого начала активно участвовали в ее создании.

– Но здесь другое, поэтому я и колеблюсь. Не знаю, как поступить...

– Выкладывайте! Я хоть буду знать, что делать дальше, если уж все так плохо, – резко сказала я, добавив. – Можете не беспокоиться, Женя о нашем разговоре не узнает.

– Ладно, черт вас обоих побери! – не выдержал Кирилл и затараторил. – Все началось еще весной, когда Макс с Женей вернулись из Лондона. Со мной связалась одна журналистка, не помню точно, из какого журнала или газеты и все запрашивалась взять интервью. Даже не то, чтобы запрашивалась, а настойчиво требовала встречи. Женя особо не возражал. Мы с ней увиделись, побеседовали. Сразу хочу сказать, она мне не понравилась: чересчур наглая и напористая, не люблю таких! Вроде бы на этом все. Но нет! Она продолжила настойчиво крутиться возле Жени: то на концерт пришла, то притащилась на съемки клипа. Я ре-

шил поговорить с ней. Но она ответила, что хочет написать огромную статью о группе, поэтому собирает необходимую информацию. Я вроде успокоился. Но потом... – и Кирилл снова замолчал. Я сидела неподвижно, внутри все оборвалось. Я столько лет этого боялась. А теперь... Резкая боль пронзила сердце, но я нашла в себе силы дослушать его до конца:

– Продолжайте!..

– Не знаю, что между ними на самом деле было. Я не хочу брать грех на душу и без оснований обвинять, но пару раз я сталкивался с ней в его московской квартире...

– Будь неладна эта квартира... – со злостью процедила я, а Кирилл продолжил:

– Когда я попытался с Женей об этом поговорить, он попросил меня не вмешиваться, добавив, что сам разберется. Честно скажу, на него это не похоже: он всегда со мной всем делился, чего бы это не касалось. Хотя возможно это, потому что я вступился за вас, сказав, что не позволю обманывать. Вы – последний человек, который заслуживает такого отношения...

И Кирилл замолчал. Я тоже больше не проронила ни слова. Создавшуюся тишину нарушил шум ключа в замочной скважине. Кто-то пришел... В голове перебирала, кто это может быть, но мысли не слушались. Я только посмотрела на входную дверь и увидела Женю, перешагивающего через порог... Душа ушла в пятки, а сердце перестало биться...

«Что делать? Что делать? Что?!» – стучало в голове. Я взглянула на Кирилла: он совсем поник, потом снова на Женю: он уже вошел в прихожую и ставил дорожную сумку возле комода. Я резко спохватилась и произнесла:

– Я же говорила, что сегодня или завтра он придет.

Потом пошире улыбнулась и все-таки подошла к Жене:

– Долго будешь жить! Мы только что о тебе говорили.

Он покосился на Кирилла, который по-прежнему сидел с понурым лицом.

– Что это с ним? – спросил Женя.

– Не обращай внимания, повздорили с Майей, – ответила я, обнимая и целуя. – Пришел за профессиональной помощью.

Лицо его расслабилось. «Неужели, все это правда?..» – вертелось в голове, а вслух я спросила:

– Чай будешь?

Женя кивнул в ответ. Пока я разлива чай, Женя с Кириллом завели разговор о релизе нового альбома, с которым Макс и Женя решили повременить до декабря. Кирилл был крайне удивлен:

– Альбом же полностью готов? Какой смысл оттягивать с релизом?

– Мы так решили, – равнодушно ответил Женя.

Потом они еще что-то обсуждали, а я, сославшись на аврал на работе, ушла в гостиную, не переставая размышлять: «Что же делать? Что делать?! Как бы мне хотелось,

чтобы это все оказалось неправдой. Может, Кирилл просто все не так понял? Да и я понапридумывала бог весть знает что? Хотя...»

В половине двенадцатого Женя окликнул меня: «Ты слишком долго засиживаешься, пора спать». Его слова почему-то отозвались болью в сердце. Я понимала, что нужно идти ложиться – завтра рано на работу, – но никак не могла набраться храбрости. Посидев еще полчаса, я все-таки пошла в спальню. Женя, к моему сожалению, сидел на разобранной постели и читал, а я так надеялась, что он уже спит. Я не спеша переоделась и присела к нему.

– Ты не хочешь спать? – подняв глаза, спросил он.

– Хочу... – улыбнувшись, ответила я и спустилась на подушку.

Женя отложил книгу, выключил ночник и лег рядом, приобняв. Сердце замерло. «Значит, сегодня он не намерен затевать разговор... И зачем только Кирилл мне обо всем рассказал?! Теперь я буду жить в постоянном страхе и напряжении... Хотя кто знает, может, он заговорит завтра... Кто знает? Кто?!...» – и, приподняв, голову взглянула на него, попытавшись уловить в полумраке комнаты черты до боли знакомого и родного лица... Невольно приблизилась к нему... Мне как никогда захотелось почувствовать его прикосновения, ощутить его поцелуи... На миг мне показалось, что он хотел отстраниться, но не совладал с собой...

28.09.2016 г. Проснувшись под утро и взглянув на Женю,

у меня зардела надежда: вдруг все еще обойдется. Но как же мне стало невыносимо горько, когда я нечаянно краем глаза увидела в кармане его куртки обратный билет до Москвы... На завтра...

Я всегда любила здесь осень. От нее веяло такими теплыми согревающими душу воспоминаниями... Осень была нашим временем... Временем нашей любви... А теперь... Уныние и печаль разрывали сердце. Я медленно брела по бульвару до университета. Ветер подхватывал опадающую листву и кружил ее в воздухе. Небо было стылým. Изредка моросил дождь, а я, выскочив из дома впопыхах, как всегда не взяла зонт...

Работа не принесла ни утешения, ни душевного облегчения. На завтра нужно подготовить промежуточный отчет, а я была не в состоянии даже сосредоточиться на нем, да и голова не на шутку разболелась. Лишь после обеда мне удалось немного поработать. Домой вернулась поздно и, приготовив на скорую руку ужин, принялась корпеть над отчетом.

– Ты снова засиживаешься, – произнес Женя, присев возле меня. Час и вправду был поздний. – Я хочу с тобой поговорить.

Я устремила на него молящий взгляд.

– Прошу тебя, если дело терпит, давай только не сейчас. Мне нужно закончить отчет...

– Хорошо, – с безразличием произнес он и удалился в

спальню.

Петля вокруг моей шеи сжималась, еще чуть-чуть и я не смогу дышать. Впрочем, чему быть, того не миновать. «Пусть уходит, если хочет. Я все равно не смогу его удержать, если он действительно на это решился. Давно нужно было зарубить себе на носу, что свобода для него превыше всего!» – огрызнулась себе и этой ночью уснула в гостиной на диване...

29.09.2016 г. А проснувшись утром, сначала заметила, что укрыта пледом, отчего в груди болезненно защемило, а потом Женю, сидящего в кресле. «Уже ждет!» – невольно промелькнуло в голове.

Я приподнялась и, улыбнувшись, попыталась оправдаться:

– Совсем не заметила, как уснула.

– Закончила свой отчет?

– Да, о чем ты хотел поговорить?..

Женя смущенно встал и, присев ко мне на край дивана, взял за руку. Голова его была опущена, а взгляд блуждал по полу.

– Ну же?..

– В общем... – нерешительно заговорил он. – Я не хочу тебя обманывать, Кирилл прав, это будет не честно... Мне нравится другая женщина...

Мгновенно комок из слез и обиды сдавил горло и не позволил спокойно выдохнуть... «Зная уже обо всем, не дума-

ла, что все равно будет так невыносимо горько!.. Но нужно держаться...» Я болезненно сглотнула и, собрав всю волю и выдержку в кулак, ответила:

– Седина в бороду, бес в ребро. Впрочем, здесь я тебе не советщица. Поступай, как считаешь нужным. Я приму любое твоё решение. Хочешь уйти, развестись, мешать и удерживать не стану! – на одном дыхании выпалила я.

Женя поднял голову и уставился на меня: услышанное по-видимому ошеломило и шокировало его. Тем лучше... Он приоткрыл губы, словно собирался что-то добавить и уже набрал в грудь воздуха, но вместо слов только выдохнул... Молчание тяготило. Мне хотелось поскорее совсем покончить и уйти: я была не в силах долго сохранять невозмутимый вид, но Женя пребывал в замешательстве. Я сидела с легкой улыбкой на губах, но сердце разбилось вдребезги: последняя надежда умирала на его осколках...

В конце я устала от этого глупого молчания и спросила:
– У тебя все? Мне пора на работу, – и, посмотрев на часы, изумилась: была половина девятого, а ведь заседание совета начнется через час. «Почему не прозвенел будильник?! Ах, да! Я его попросту не включила».

– Я же опаздываю! – спохватилась я и хотела соскользнуть с дивана, но Женя взял меня за руку. – Отпусти! – взмолилась я. – Мне ни за что не успеть собраться до половины десятого! Лучше сделай доброе дело, вызови такси.

И поспешила в спальню, наспех умылась, накрасилась,

открыла шкаф и, схватив первое попавшееся платье, побежала в ванную переодеваться. Несколько минут пыталась справиться с молнией на спинке, но руки дрожали, и у меня ничего не получалось. Пришлось попросить об этом Женю, вошедшего в спальню:

– Пожалуйста, застегни молнию или я ее сейчас сломаю!

– Ты все знала? Кирилл рассказал?

– Нет, – ответила я, накидывая пиджак. – Он твой друг, не мой, хотя когда позавчера он к нам заходил, он и вправду показался мне немного странным и встревоженным. Возможно, если бы ты не приехал, Кирилл бы все выложил... Впрочем, передай ему, что он меня разочаровал...

Женя резко схватил за руку и возмущился:

– Как ты можешь так говорить, это не его дело!

– Перестань хватать меня за руку! Мне больно и время почти на исходе, еще и отчет нужно найти.

Руку он отпустил, не сказав больше ни слова, а я выскочила из спальни, второпях нашла отчет, накинула плащ и удалилась из дома: силы были на исходе, горечь и обида давно сжимали горло, а в голове вертелся один единственный злосчастный вопрос: «Что я сделала не так? Что?! Ведь я всегда старалась сглаживать углы, лишний раз не скандалить, быть терпимой, понимающей, любящей и вот она плата?!» На глазах выступили слезы. Я еле сдержалась, чтобы не разрыдаться прямо на улице... Хорошо, что буквально через минуту подъехало такси, и, присев в машину,

я достала отчет и уткнулась в него глазами...

Заседание совета затянулось до обеда. Я зачитывала отчет, слушала, совершала какие-то действия, и время хоть как-то шло, но во второй половине дня оно, словно замедлилось и тянулось мучительно долго. Впрочем, меня это не сильно тяготило: домой мне меньше всего хотелось возвращаться. «А вдруг он уехал?! Билет-то у него на сегодняшний рейс». И вправду, вернувшись вечером, с порога меня обуяла тишина. Я как сумасшедшая пронеслась по всем комнатам и, убедившись, что никого нет, бросилась без сил в спальне на кровать и судорожно разрыдалась... И редела столько, насколько хватило сил, а потом просто смотрела в окно, на город незаметно опускались сумерки, и вечер брал бразды правления в свои руки... Вдруг меня осенило: «Почему Артема с Егором до сих пор нет дома? Они ведь должны были уже прийти?» Встревожившись не на шутку, я ринулась в гостиную и стала искать телефон. «Половина седьмого... Где они?» – недоумевала я и судорожно принялась набирать Артема, но он не снимал трубку. Еще раз... Безрезультатно!.. После третьего звонка Артем сам перезвонил: «Мы с папой. Уже почти у дома...» «Значит, Женя не уехал сегодня... – подумала я и встрепенулась. – Он не должен видеть меня такой!» И помчалась в ванную...

Женя не уехал ни на следующий день, ни через день, ни через неделю. Больше он не пытался поговорить со мной, впро-

чем, как и я. Мы с ним общались только за ужином вместе с мальчиками. В остальное время мы отмалчивались, собственно говоря, мне было не до него: я с головой ушла в работу. Людмила Петровна настояла на том, чтобы я еще устроилась на полставки в деканат, также помочь с документацией, что тоже повлекло за собой дополнительную нагрузку. Но меня это не беспокоило. Мне нужно было себя чем-нибудь занять, чтобы меньше думать о Жене. Да!.. Если бы не работа, я не знаю, что бы со мной было...

6.10.2016 г. Сегодня, закончив все важные дела до обеденного перерыва, решила после не возвращаться в институт и, наконец, заняться домашними делами, которых накопилось немало. Кроме того в выходные должна вернуться Надежда Самсоновна, нужно подготовиться к ее приезду.

Почти у самого дома заметила машину Виктора – молодой преподаватель, с начала учебного года устроился к нам на кафедру. Утром я попросила его завести мне кое-какие папки с документами, чтобы поработать с ними дома, на что он учтиво согласился. Я подошла ближе и поприветствовала его. Он вышел из машины и полез в багажник за коробками, а я пока открыла калитку.

– Не стоило так утруждать. Вполне могли завести вечером и не тратить свое законное обеденное время.

– Мне не трудно. Куда нести?

– Пойдемте.

Отворив входную дверь, я продолжила о чем-то беседо-

вать с Виктором, но краем глаза заметила в гостиной Женю и Кирилла. Их взгляды были прикованы к нам. Виктор тоже сразу их увидел и, бегом поздоровавшись, вышел за второй коробкой...

– Ставьте сверху. Это все?

– Да...

– Спасибо огромное. Сама бы я их долго переносила.

– Не за что.

Я закрыла дверь и, не торопясь, разделась. Чуть не зацепившись за одну из коробок, попросила Женю, убрать их с прохода.

– Куда отнести?

– В спальню рядом с комнатой Данила.

А сама подошла к Кириллу и поприветствовала его, он кивнул в ответ и полушепотом спросил:

– Чем же это я вас разочаровал? Мне уже всю плешь проели!

Я улыбнулась.

– Мужайтесь! Только смотрите не проболта... – начала я говорить, но осеклась.

В это время вернулся Женя, и я со словами: «Не буду вам мешать!» ушла в спальню. Немного отдохнув, принялась за домашние дела. Женя с Кириллом продолжали сидеть в гостиной. После обеда позвонил папа, чему я очень обрадовалась, мне как раз нужна была его помощь.

– Решил сообщить тебе новость. На днях ушел в отстав-

ку! – шутя, воскликнул он. – Все! Сложил бразды правления!

– О-о! Как же так! Кто вас подсадил?

– Никто, сам решил. Я и так слишком засиделся на руководящей должности. Мои друзья-однополчане давно покинули свои посты, один я остался. Нынче ведь девиз: «Везде дорогу молодым!»

– Кто же принял твой пост? – с усмешкой поинтересовалась я.

– Сергей, – ответил папа.

– Ах, да! Я должна была догадаться, но он же вроде в деканате работал?

– Да, но с этого года снова вернулся на кафедру, поэтому я собственно и решил, что мне пора на покой. Сколько он может шататься в преподавателях!

– Как он? Так и не женился?

– Увы, нет! – с сожалением в голосе произнес папа.

Я невольно содрогнулась от его слов, восприняв их, как укор в свой адрес, и быстро перевела разговор на другую тему.

– Вы позвонили вовремя, мне как раз нужна ваша помощь.

– Помогу, чем смогу. Теперь я человек свободный, не обремененный никакими заботами и тяжёлыми службами.

– Пап! – воскликнула я. – Я серьёзно! Я тебе уже до этого говорила, что в декабре у нас намечается аттестация вуза и нашего филиала в частности и ключевое слово здесь филиал. Можешь себе представить, как тут велась докумен-

тация. За год не разгрести, а у нас на все про все два месяца. Сижу, ломаю голову, не знаю, за что хвататься. Честно говоря, я так отвыкла от этой бумажной волокиты. Хотя раньше, мне кажется, столько бумаг не было?

– Ты права, сейчас все тем и занимаются, что полностью погружены в заполнение всяких ненужных бумажек, а на занятия и науку совершенно не остается времени и желания. Но с этим вопросом тебе лучше обратиться к Сергею. Я в последние годы не особо вникал в эту навязанную бумажную ерунду и всем в основном занимался он.

– Жаль, я так надеялась, что вы мне хоть чем-нибудь поможете.

– Обратись к Сергею. Я не думаю, что он тебе откажет.

– Знаю, но это стеснит нас обоих. Возможно... А кто сейчас на кафедре работает завучем?

– Александра Андреевна Хворостова.

– К сожалению, ее я тоже не знаю. Ну, ничего разберусь. Хотела пойти по пути наименьшего сопротивления.

– Ты поговори с Сергеем.

– Пап! – воскликнула я, и резко мой взор упал в гостиную.

Я, увлекшись беседой с папой, совсем забыла, что все это время Женя с Кириллом находились там, и, наверное, слышали весь разговор. Я смутилась и резко встав, ушла в спальню.

– Ну, хорошо, дай мне его номер. Боюсь, что у меня его не осталось. Может, в случае чего я к нему и обращусь...

7.10.2016 г. Я стояла уже в прихожей, собиралась на работу, но резко обнаружила, что с вечера забыла взять из спальни осеннее пальто. В плаще ходить холодно: вчера утром пока дошла до университета совсем озябла. К тому же сегодня поднялся ветер. Я вздохнула. Ничего не оставалось, как незаметно проскользнуть в нашу спальню и достать его.

Я бесшумно открыла дверь, пробралась до шкафа, сняла с вешалки пальто и намеревалась также тихо выйти, но резко зажегся ночник, яркий свет от которого ослепил глаза, и я нечаянно выронила это злополучное пальто, сразу же хотела наклониться и поднять его, но не успела. Жена резко схватил меня за руку и, притянув к себе, заключил в объятия. Я вздрогнула и инстинктивно попыталась высвободиться, но тщетно! Он пристально смотрел на меня: каждой клеточкой тела ощущала его пронизывающий взгляд, от которого делалось не по себе.

– Я хочу знать, у тебя кто-то появился? – спросил он резко.

Я с удивлением посмотрела на него.

– Не наступай на одни и те же грабли дважды и следи за словами: они подобны стрелам, выпустив, уже не поймаешь.

– Но я в отчаянии, – голос его срывался, делался то громким, то затихал до полупшепота. – Я не знаю, что и думать. Лучшие бы ты засыпала меня упреками, накричала. Я знаю, ты можешь! Я ожидал подобной реакции. Я готовился к

потоку слез. *Ко всему, но нет! Ты невозмутимо совсем согласилась. Твоя уступчивость и покорность меня обезоружили, поставили в тупик. Сколько я за тобой не наблюдал, не слышал ни одного рыдания, ты ни разу не попыталась уколоть мое самолюбие или пробудить гнев. Ты ведешь себя спокойно, как будто ничего не произошло, молча занимаешься своими делами. Но я чувствую, твое сердце обливается слезами. Всем существом я ощущаю эту боль, она терзает меня!..*

Женя, наверное, не замечал, но он все сильнее сжимал меня в объятиях и делал больно, но эта боль была несравнима с той, которую я ощущала внутри.

– К чему этот разговор, – сглотнув, произнесла я. – У меня и сейчас нет ни малейшего желания упрекать тебя и уж тем более закатывать сцены. Единственное, что меня волнует, что я буду делать дальше, а все остальное пустое и бессмысленное.

– Ты даже не выкаешь, хотя при любой ссоре поступала так.

– А мы и не ссорились...

– Ты сможешь меня простить? – умоляюще спросил он.

– У меня нет ответа на твой вопрос. Огонь, который горел в сердце, залило водой, и я не знаю, сможет ли он разгореться вновь с прежней силой и тем же жаром. – Я перевела дыхание. – Мне пора на работу...

Женя убрал руки, но, не отводя глаз, произнес:

– Как тебе это удастся, не понимаю и, наверное, никогда не пойму. Ты покоряешься мне, и в то же время владеешь мной как никто другой. Разве что только музыке это подвластно. Твою свободу, как и мелодию, ничем не покорить и не привязать. Вы сами по себе...

Я лишь ухмыльнулась: еще никогда он не прибегал к таким сравнениям.

– Как же мне стала ненавистна эта ухмылка, которая не сходит с твоего лица!..

10.10.2016 г. В пятницу вечером вернулась Надежда Самсоновна. За ужином в основном она и говорила, делилась новостями, рассказывала о поездке, о внуках, но все равно как-то странно поглядывала на нас с Женей. Два дня она молча наблюдала за нами и только сегодня, когда Женя ушел, а я сидела в гостиной, дописывала на завтра отчет, затеяла разговор.

– Ты не слишком занята?

– Нет, я почти все закончила. Вы что-то хотели?

– Стоило мне уехать, и у нас над домом снова стали сгущаться тучи.

Я улыбнулась.

– Все-то вы заметите!

– От моего зоркого взгляда ничего не ускользнет! Поди сюда, я хочу поговорить с тобой. – Я безропотно повиновалась. – Что у вас опять произошло?

Я удрученно вздохнула.

– Другая женщина?.. – не громко спросила Надежда Самсоновна, и было в ее голосе столько сочувствия и сопричастности, что я невольно прослезилась и отвернулась в другую сторону.

– Ясно... Можешь не отвечать.

– Да все в порядке...

– Я вижу... – и она вздохнула. – Лесь, у вас дети. О них нужно думать в первую очередь.

– А как же я? Кто обо мне подумает? Может, у меня сердце разрывается от боли. Я все могу простить, только не предательство.

– Лесь, послушай старую, потрепанную судьбой женщину. Я прекрасно тебя понимаю. Ты думаешь, у меня жизнь была сказкой? Отнюдь! Вся молодость прошла по гарнизонам, общежитиям да съемным квартирам, пока мы не остепенились и не осели здесь и то в силу сложившихся обстоятельств – муж получил травму головы и ослеп на один глаз, – а то еще неизвестно куда бы нас закинула судьба. Тебе повезло в этом плане. Ты познакомилась с Женей, когда он уже нашел себя, многое понял и осознал, чему-то жизнь заставила научиться. А я с мужем с юности. Когда вышла замуж, была совсем молоденькой. На первом же свидании он сделал мне предложение, через неделю познакомилась с родителями и буквально на следующий день подали заявление в загс. А потом муж на службе, а я одна дома с детьми. Ни шагу ступить и помощи ждать не от кого.

А женщины, пытающиеся увести мужчину, даже в армии есть. Парадокс! Уж где-где, а в армии я думала, меня эта напасть обойдет стороной, но не тут-то было: то появится новенькая медсестричка, то завсклад. А муж мой всегда был видным мужчиной. Пришлось отстаивать свое! И ты не должна сдаваться. Ты растишь и воспитываешь его детей!

– А кто говорит, что я сдалась. Я терпеливо жду и не даю боли выплеснуться наружу. – Я замолчала и перевела дыхание. – Не думайте, что я ничего не замечаю и не понимаю. Я вижу, что Женя тоже терзается. Может, винит себя за то, что причинил мне боль и заставил страдать. Ведь до сих пор у нас все было хорошо, связывало неподдельное чувство и за прожитые годы сложились общие привычки, остались воспоминания. Это нельзя просто так вычеркнуть и забыть. Кроме того я точно не знаю, что у него было с той... – На глазах выступили слезы, но сделав глубокий вдох, продолжила. – Я прекрасно понимаю, что если сейчас рассержу его, и он почувствует, что я покушаюсь на его свободу, он уйдет. Один только бог знает, почему он не уехал до этого, ведь у него был обратный билет до Москвы. Я не хочу собственными руками разрушать нашу семью, а потом винить себя за это.

И я замолчала, а Надежда Самсоновна взяла меня за руку и сказала:

– Но не уехал же, потому что волнуется за тебя.

Я улыбнулась и спросила:

– Это Женя вас подслал?

– Какая разница! Вы мне обои очень дороги. Странно устроена жизнь, ты не находишь? Порой совсем незнакомые люди, прикипают друг к другу всей душой и становятся по-настоящему близкими. И я на твоей стороне и лишь стараюсь защитить и предостеречь от ошибок.

– Мне не надо его жалости!..

– Ну почему сразу жалость?! Вам нужно поговорить, спокойно во всем разобраться.

– Мне сказать ему нечего. Все и так ясно! – произнесла я и приподнялась с дивана. – Я пойду, у меня еще остались дела.

– Лесь, гордыня – не лучший союзник!

– Знаю...

– Тогда в чем дело?

Я промолчала и вышла из гостиной.

17.10.2016 г. Прошла еще неделя. Мы с Женей так ни о чем и не поговорили. Утром в почтовом ящике обнаружила письмо из дома и, распечатав конверт, нашла приглашение на свадьбу от Оксаны, которая состоится в начале ноября. Дочитав приглашение, взгляд остановился на последней строчке, где были подписаны имена: «Сергей и Оксана», и почему-то сразу подумала о Сергее, но потом сама себя одернула: «Что это я? Мало ли на свете мужчин с таким именем?» – и, свернув конверт, убрала его. Только к вечеру по-

лучилось выкроить немного времени и позвонить папе. Вначале уточнила некоторые детали по годовой отчетности, а потом упомянула о свадьбе.

– Да, – ответил папа и замялся. – Она нам тоже на днях сообщила... Точнее не Оксана, а Сергей...

– Кстати, что за Сергей? – поинтересовалась я.

– Стахов...

– То есть?.. – изумилась я. – Как? Вы хотите сказа... – и замолчала на полуслове.

– Я так же, как и ты был удивлен. Они до последнего все держали в тайне, а потом просто поставили нас перед фактом. Заявление они уже подали, поэтому... – и папа вздохнул. – Я надеюсь, вы приедете?

– Честно говоря, не знаю... – растерянно ответила я. – Постараемся...

Остаток вечера провела в раздумьях. В конце решила пораньше уйти в спальню и немного отдохнуть, но мне это не удалось. За окном было беспокойно: поднявшийся с утра северный ветер, резкий и холодный, все-таки принес непогоду, доносились его бурные порывы и свист, а не умолкавший назойливый скрежет ветки по стеклу вызывал злобу и не позволял сосредоточиться на мыслях. Я поднялась с постели и ушла на кухню, решив попить чаю. Через некоторое время послышались шаги. Я с настороженностью обернулась, но увидев Надежду Самсоновну, вздохнула с облегчением.

– Тебе тоже не спится?

– Да... – ответила я и потянулась за чашкой.

– И мне тоже налей, – попросила Надежда Самсоновна и присела за стол. – Что-то на тебе совсем лица нет. Что-то произошло?

– Устала, в университете много работы, а этот разгул стихии не дает спокойно отдохнуть. К тому же сегодня получила приглашение на свадьбу от моей младшей сестры...

– И что в этом такого, радоваться нужно.

– Я тоже сначала обрадовалась, пока не узнала, кто жених, а им оказался мой бывший парень. Мы с ним встречались в университете, даже когда-то хотели пожениться. К тому же мы расстались не очень хорошо: он до последнего был убежден в том, что у нас с Женей ничего не получится, я вернусь к нему, и мы начнем все сначала. А теперь женится на моей сестре.

– Первая любовь неизлечима, она всегда будет отзываться в сердце болью. Но это ничего не значит, у тебя другая жизнь.

– Да, будь все по-прежнему, меня бы это не тревожило, но сейчас... Я не хочу ехать одна! – На глазах выступили слезы. – Кроме папы все отговаривали меня от этого брака, все предупреждали.

– По-моему ты всегда слишком перебарщииваешь с драматизмом. Послушай, хоть ночь и темна, но за ней все равно наступит рассвет, и солнце засияет вновь. Так же, как за каждым несчастьем приходит счастье. Таков закон приро-

ды! Почему ты считаешь, что Женя не согласится с тобой поехать?

– Знаю...

– Он тебе об этом сам сказал?

– Нет, но я думаю...

– Она думает! Посмотрите на нее! – возмутилась Надежда Самсоновна. – Довожу до твоего сведения, если бы он хотел уйти или ему было наплевать на все, что между вами происходит, его давно бы здесь не было!

Мгновенно по щекам полились слезы и я, быстро смахнув их рукой, встала из-за стола.

– Я спать, а то мы с вами всех перебудим!

– Лесь, подожди! – окликнула меня Надежда Самсоновна. – Поговори с ним!

Но я не стала ее слушать: еще секунда, и я бы точно разрыдалась и, как ошпаренная, бросилась в спальню. Я была так взволнована, что не смотрела, куда шла и случайно налетела на Женю. Откуда он только взялся на проходе, и резко отскочила назад. Наши взгляды встретились: легкая улыбка пробежала по его лицу. Я хотела что-то сказать, но не найдя подходящих слов, пошла дальше...

19.10.2016 г. После почти бессонной ночи встала поздно и еле успевала на работу, а тут еще и Женя встал чуть свет и, когда я уже стояла в прихожей, затеял разговор:

– У твоей сестры скоро свадьба?

– Все-таки проболталась Надежда Самсоновна!

– Не совсем, я увидел приглашение и заинтересовался у нее, знает ли она что-нибудь об этом и все. Ты же мне ничего не говоришь! – с укором в голосе произнес Женя.

– Да.

– Ты собираешься поехать?

– Почему тебя это интересует? Не знаю... Если успею уладить все дела на работе, возможно...

– С мальчиками?

– Нет, скорее всего. Конечно, мама и папа будут рады их увидеть, но боюсь, во всей предсвадебной суматохе им будет не до них. К тому же школа... Лучшие мы съездим погостить к ним на летних каникулах.

– Значит, я так понимаю, ты хочешь поехать одна?

– Да... – ответила я, резко почувствовав, что, если произнесу еще хоть слово, голос дрогнет, и я торопливо отошла к шкафу и достала шарф, но он предательски выскользнул из рук и упал. Я хотела его поднять, но Женя меня опередил. Я подумала, что он мне сразу его отдаст, но он, похоже, не собирался этого делать, лишь молча смотрел на меня долгим пристальным взглядом, потом сказал:

– Я поеду с тобой!

– Это не обязательно! – возразила я и попыталась забрать у него шарф. – Отдай, пожалуйста, я...

– Знаю, тебе пора на работу. Эти слова я уже выучил наизусть.

Я скрестила руки на груди и уставилась на него.

– Потому что затеваешь любой разговор тогда, когда у меня действительно нет времени и я спешу.

Он ухмыльнулся.

– Какие у тебя глаза! Обычно ты смотришь украдкой, будто ласкаешь взглядом, но когда злишься, взор твой настойчив и пытлив, не боящийся ничего. Но я не это хотел сказать... Я поеду с тобой, нравится тебе это или нет, но одну я тебя точно не отпущу. – Я хотела возразить, но Женя прикрыл мне пальцем рот. – Поэтому давай заключим временное перемирие на период поездки.

Я только взглянула на него, но ничего не ответила. Накинув пальто, ушла на работу. «Перемирие! Кому нужно это перемирие?»

4.11.2016 г. Все-таки на свадьбу мы поехали вместе. Я два раза пыталась переспорить Женю, но безуспешно: он даже не стал меня слушать. Не понимаю, зачем ему это? Я спокойно могла сослаться на то, что он на гастролях и все! Но нет!.. В Оренбург мы прилетели после обеда, заселились в гостиницу и, немного отдохнув, отправились к родителям. Женя ушел с папой в кабинет, а я осталась в гостиной с мамой и Оксаной: они как раз гладили подвенечное платье, и мама не упустила повода, чтобы не упрекнуть меня насчет нашей свадьбы с Женей.

– Мам, это не главное, важнее чтобы в семье царили понимание и счастье, а была ли пышная свадьба, количество приглашенных и белое платье не имеют никакого значения.

– И в кого ты у нас такая? Любая девушка мечтает о свадьбе, белом платье, а ты?

Я пожала плечами и поинтересовалась у Оксаны:

– А где вы собираетесь жить?

– У нас! Мы с мамой приготовили твою бывшую комнату, – язвительно произнесла она. – Моя, мы посчитали, немного тесновата, а твоя все равно пустует.

Я вздохнула: извечный спор у кого спальня лучше и платье краше! Но я молча стерпела ее нападки. Впрочем, жизнь не перестает меня удивлять и шокировать! Сергей будет жить в моей комнате. Уму непостижимо!

– Хочешь взглянуть, как мы все там переделали?

– Хочу.

– А почему не у Стаховых? – спросила у Оксаны, пока поднимались по лестнице на второй этаж.

– Ты против?

Я, улыбаясь, ответила:

– Нет, просто интересно.

– У них слишком мало места. Там же живет и Паша...

– А о покупке собственного жилья не думали?

– Нет, мы решили, что ни к чему тратить деньги, ведь дом у нас и так большой и места хватит всем. К тому же если и я уеду, мама с папой останутся одни. А я все-таки выхожу замуж за Сергея! – произнесла Оксана и по ее лицу пробежала такая высокомерная улыбка.

– Искренне рада за тебя! Ты с юных лет об этом мечта-

ла. Надеюсь, Сергей оправдает все твои чаяния и сделает по-настоящему счастливой, – ответила я, а Оксана тем временем уже открывала дверь в спальню...

Перешагнув порог, я ахнула от удивления. Да, мою комнату и впрямь не узнать! Даже деревянную раму и ту заменили пластиковой, поставили огромную двуспальную кровать с балдахином и четырехдверный платяной шкаф с туалетным столиком – все красиво и со вкусом, но мне почему-то стало горько и обидно, словно меня лишили частички себя, а в груди болезненно защемило... Конечно, это глупо, ведь последние десять лет я провела вдали от родного дома, но никогда не забывала о нем, кусочек моей души всегда оставался здесь, с этими стенами. Я всегда с трепетом и нежностью вспоминала о своей комнате и с огромным воодушевлением приезжала сюда. А теперь этого ничего нет, все осталось только в моей памяти и на страницах дневника...

– Ну как тебе? – донесся до меня голос Оксаны.

– Уютно. Вы даже оконную раму сменили?

– Да, мама настояла. Это гораздо удобней и практичней. Это ты у нас любительница всего старого и разваливающегося, а я нет.

– Не будем обо мне. Пойдем, возможно, маме нужна наша помощь.

Со смешанными чувствами спустилась в гостиную и, больше не имея ни малейшего желания разговаривать с Оксаной и мамой, произнесла:

– Если я вам не нужна, схожу и поговорю с папой.

Мама пожала плечами и отлучилась на кухню, а Оксана окликнула меня:

– Лесь, подожди!

– Что-то еще?

– Я хотела спросить, ты счастлива?

– Счастлива, – мимоходом ответила я.

– Необычно видеть тебя с ... – и она запнулась.

– С Женей?

– Да...

– Уйми свою зависть, у тебя есть Сергей! – подтрунила над ней я.

Она нахмурилась.

– Все мои подружки поначалу не верили мне, а теперь сгорают от любопытства.

Я усмехнулась.

– Я иногда сама в это не верю, – равнодушно ответила Оксана, а про себя добавила: «Знали бы они, скольких тревог и волнений оно стоит, вряд ли хоть бы одна захотела оказаться на моем месте!»

В это время вернулась мама и что-то начала говорить Оксана, а я со спокойной душой отправилась в кабинет к папе. Постучавшись и услышав положительный отклик, вошла:

– Ненадолго тебя хватило! – шутя, произнес папа, увидев меня на пороге. – Проходи, присаживайся.

– Ой, мне надоели эти глупые и никому не нужные нападки в мой адрес. Мы с Оксаной столько лет не виделись, а она как была ребенком, так им и осталась. Все продолжает со мной соревноваться, хотя у меня уже давно другая жизнь, свой дом, дети.

– Зато я вам рад, – с теплотой в голосе отозвался папа. – Жаль, что мальчишек с собой не взяли. Они наверно непомерно выросли, с тех пор, когда вы были у нас в последний раз?

– Да, вы правы. Я понимаю, но мне не захотелось брать их с собой на два дня. К тому же в этом хаосе всем бы было не до них, и они бы только путались под ногами. Лучшие мы приедем на летних каникулах, а лучшие вы к нам, заодно и здоровье поправите!

– Как работа? – спросил папа

– Остался месяц до приезда аттестационной комиссии. Готовимся...

Мы поговорили с папой еще с полчаса, а потом присоединились к маме с Оксаной.

– Смотри, что мы нашли, когда освобождали твою комнату, – произнесла Оксана и протянула мне мой детский фотоальбом.

Я от неожиданности ахнула:

– Где он был? Я совсем про него забыла!

– Стоял на полке среди книг, – с безразличием ответила Оксана.

– Ну, все пойдёмте ужинать! – позвала мама всех к столу.

Я отложила альбом в сторону, решив, потом обязательно его забрать. За ужином папа между делом предложил нам остаться переночевать. Я, честно признаться, не хотела и уже собиралась отказаться, но Женя меня опередил и учтиво согласился на его приглашение. Я лишь косо посмотрела на него, недоумевая, зачем ему это?

Перед сном, уже сидя в постели, я, наконец, достала альбом и неторопливо переворачивала страницы и с трепетом и волнением всматривалась в каждую фотографию, когда появился Женя – он весь вечер как-то подозрительно много разговаривал с папой, – и присел рядом. Я, не обращая на него внимания, продолжила листать альбом.

– Не торопись! Я тоже смотрю! – Я покосилась на него. – А лучше дай мне, я сам взгляну!

И он выхватил альбом у меня из рук и положил к себе на колени. Поначалу листал молча, а потом принялся обсуждать чуть ли не каждую фотографию. На снимках из садика он разглядел во мне Тёмку, хотя как по мне, что Егор, что Артем ни капельки на меня не похожи. Потом среди большого количества школьных фотографий, нашлось несколько с дядей Мишей и тетей Олей, на которых Женя разглядел палисадник возле дома своих родителей и воскликнул: «До боли знакомые кусты!» Я усмехнулась, а он стал рассказывать, как они в детстве сбегали на улицу через брешь, проде-

ланную в заборе. Дальше стояли фотографии с университета... Резко на душе похолодело, и я замерла: «Где-то здесь должны быть фотографии, на которых мы с Сергеем вдвоем! У меня так и не хватило духу выбросить их, а потом и вовсе про них забыла...» Но увидев пустые страницы, выдохнула с облегчением. Видимо, Оксана их убрала, посчитав, что они мне больше ни к чему...

Женя, молча долистал последние страницы, а я незаметно склонила голову ему на плечо и задумалась. «Все-таки хорошо, что он поехал со мной, хотя я до последнего этому противилась...»

– Я схожу в душ, – произнес он и привстал.

Я кивнула в ответ и поудобнее улеглась на подушку. Когда он вернулся, не слышала, уже спала. Очнувшись среди ночи, Жени рядом не оказалось. Я перевернулась на другой бок и увидела его, стоящим у приоткрытого окна... Он курил и смотрел в ночь... Сердце болезненно сжалось. Не могу видеть его таким!.. Глупо я устроена: мне легче пересилить свою боль, но я не в состоянии выносить терзания другого человека... Через пару минут он потушил сигарету, закрыл окно и отлучился в ванную, а вернувшись, прилег уж как-то совсем близко ко мне. Сердце затрепетало, и я боялась сделать лишний вздох... А Женя провел рукой по волосам, коснулся плеча и поцеловал в шею. Мне стало щекотно, и я невольно шевельнулась. Он еще раз поцеловал меня и откинулся на подушку. Я открыла глаза и выдохнула. И кому

это все нужно было?!

5.11.2016 г. Вот и день свадьбы. Встали мы рано: Женя поехал в гостиницу, а я – в салон сделать укладку и макияж, а на обратном пути прикупить еще букет цветов. Управилась быстро и к одиннадцати уже была в гостинице. Мы немного перекусили, так как с утра толком не позавтракали и снова вернулись к родителям.

К двум часам приехали Стаховы. Мы с Женей стояли поодаль, не привлекая к себе внимания. После регистрации вся молодежь отправилась на фотосессию к набережной и Пешеходному мосту. Мы с Женей тоже поехали, но брели неторопливо позади всех. Поначалу молчали: говорить, если честно, ни о чем не хотелось, было достаточно того, что мы шли рядом рука об руку, улыбались и никуда не спешили. Время словно замедлило ход... День выдался ясный и морозный. Еще каких-то несколько дней и наступит настоящая зима...

– Ты вся дрожишь, – произнес Женя.

– Замерзла немного. Кисловодск меня разбаловал теплом, я и позабыла, что у нас в Оренбурге рано начинается зима: с сугробами по колено и пронизывающим до самых косточек ледяным ветром.

– Не скучаешь по родному городу?

– Скучаю. С ним связано столько воспоминаний хороших и не очень. Каждая улочка, каждая лавочка, каждое дерево таят в себе историю и навевают ностальгию.

– Не жалеешь, что уехала?

– Нет. Этот город навсегда останется для меня родным и дорогим сердцу, но мой дом в Кисловодске. Хотя если бы кто-нибудь мне в годы юности сказал, что я отсюда уеду, ни за что бы, не поверила. Для меня это всегда было чем-то диким и противоестественным.

Женя усмехнулся.

– Как же решилась?

– Не знаю. Понимание этого пришло, как что-то само собой разумеющееся. В один прекрасный день я проснулась с четким осознанием того, что большие мне здесь делать нечего...

Мы дошли до спуска, идущего к набережной. Мне не захотелось идти к мосту, и мы остались ждать всех на смотровой площадке. Урал еще не замерз. Женя встал сзади и обнял меня.

– Я всегда хотел иметь младшего брата.

– Не знаю, мы с Оксаной никогда не были друзьями. Может, из-за большой разницы в возрасте, почти семь лет. И она, сколько ее помню, всегда и во всем завидовала мне.

– Да, вы совсем не похожи.

– Не знаю, все всегда говорили наоборот.

– Может внешне и да, но не внутренне. Вы как солнце и луна, вроде и похожи, но солнце одаривает теплом, а от луны веет холодом...

В ресторане, наконец, увидела Настю. За эти два дня мы ни разу не встретились: ни у нас дома, на регистрацию в загсе она тоже не пришла. Пашу я видела, но подойти и расспросить его о Насте не представилось возможности. Мы с ней сразу отошли в сторону поболтать. Женя как раз отлучился на улицу, а то он просто не дает мне шагу ступить, постоянно находится рядом.

– Наконец-то мы встретились! – радостно произнесла я, и мы обнялись. – Я уже думала, что уеду так, и не повидавшись с тобой.

– Задержалась на работе. Но я тоже рада тебя видеть! Как ты?

– Все как у всех: дела, заботы. Но на тебе, смотрю, что-то совсем лица нет.

От моих слов Настя еще сильнее побледнела, а на глазах сверкнули слезы.

– Лесь, давай не будем сейчас обо мне, а то я и тебе и себе настроение испорчу.

– Что случилось?

После недолгого молчания она рассказала, что они с Пашей разводятся, у него появилась другая женщина и есть ребенок... В глазах потемнело, а в сердце так защемило, будто его пронзили повторно ножом в рану, которая только-только начала понемногу затягиваться. В горле встал комок, но я пересилила себя и спросила:

– Но как?

– Лесь, это долгая история, и здесь не лучшее место, чтобы ее обсуждать.

Я хотела еще что-то сказать, но сзади подошел Женя и отвел меня в сторону под предлогом очень важного дела. Через несколько минут начался медленный танец.

– И что же за срочное дело у тебя ко мне? – с ухмылкой спросила я.

– Никакое. Просто если бы ты простояла там еще пару минут, вы бы бросились друг другу в объятия и разрыдались.

– С чего ты взял?

– У вас на лицах это было написано.

– Впрочем, ты прав... Кажется, я тебе рассказывала о Насте, они с Пашей женаты больше десяти лет, но ребенка зачать они так и не смогли. Настю это всегда расстраивало, но Паша всегда подбадривал ее, держался молодцом. Меня восхищал его настрой и уверенность в том, что все образуется и наладится. Но, видимо, и он устал бороться, – после недолгой паузы добавила. – Они разводятся. У Паши есть ребенок от другой женщины...

Резко наши взгляды встретились, и до меня дошел смысл только, что произнесенных слов. Легкая дрожь пробежала по всему телу. Видимо, за пару дней я так привыкла к нашему обычному и непринужденному общению, что обо всем забыла. Возможно, атмосфера родного города и дома тоже внесли свою лепту. А ведь, в сущности, я нахожусь

в таком же положении, что и Настя!.. Я тут же хотела отстраниться от Жени, но случайно подвернула ногу, что позволило ему еще сильнее прижать меня к себе.

– Не смотри так, – набравшись смелости, произнесла я. – Знаю, о чем ты думаешь. Но я – крепкий орешек и меня так просто не сломить. Кроме того, чтобы между нами не происходило, у меня есть дети, а за Настю мне и вправду больно. Как она будет дальше одна, ведь Паша был для нее всем...

6.11.2016 г. Утром проснулась рано – за окном едва светало, – и решила не терять зря время и сходить к Насте. Раз вчера нам не удалось ни о чем поговорить, сделать это сегодня. Проходя мимо окна к выходу, случайно увидела пепельницу полную окурков и вздохнула. «Ненавижу, когда он так много курит... И это все за одну ночь...»

– Извини за столь ранний визит, но уехать, не повидавши тебя, не смогла.

– О чем ты говоришь, я так тебе рада! – улыбаясь, произнесла Настя. – Проходи! Я как раз собиралась завтракать.

– Как ты? – спросила, присаживаясь за стол.

– Лесь, да все хорошо, – ответила Настя и протянула мне чашку с чаем. – Не волнуйся так, я взрослая девочка. Все давно к этому шло. Просто Паша оставался со мной из жалости, а, узнав о ребенке, я сама его отпустила. Не хочу, чтобы ни в чем неповинный ребенок страдал из-за меня, ему нужен настоящий отец, а не папа на час... Да это и не

важно. Я столько лет жила в постоянном страхе, что он бросит меня и уйдет к другой, что теперь мне даже легче стало, словно гора с плеч упала. Единственное, за что корю себя, что тогда не послушала тебя и решилась на аборт. Возможно, роди я того ребеночка, все бы сложилось иначе: и я была бы счастлива, и Пашика был бы рядом. Но нет, мы испугались, что не справимся, что еще не время...

– Насть, не изводи себя.

– Не обращай внимания. Время лечит любые раны, только этому времени тоже нужно время. – Настя замолчала, но, вытерев слезы, снова заговорила. – Ты лучше о себе расскажи, как мальчишки твои? Наверное, совсем большими стали?

– Да, время бежит неумолимо. Уже в школе учатся. Данил летом оканчивает университет.

– Вам только дочки не хватает для полного счастья! А то окружили тебя одни мальчишки! – улыбаясь, произнесла Настя.

– Ага, куда мне еще ребенка? У меня возраст!

– Какой возраст! Всего-то тридцать восемь...

– Тридцать девять!..

– Неважно. Некоторые в таком невинном возрасте только первым ребеночком обзаводятся!..

После обеда заехали к родителям. Все гости уже собрались у нас, и за столом велась оживленная беседа. Мама нас тоже пригласила, но я отказалась.

– Через три часа у нас самолет, мы заехали только попрощаться...

Мама пожала плечами и удалилась в гостиную. Через пару минут в прихожую вышел папа со словами «Уже уезжаете?»

– Да, нам пора, – произнесла я и обняла его.

– Жаль, что не можете еще немного задержаться!

– Я бы рада, но у меня работа. Я и так с трудом вырвалась на несколько дней.

Он улыбнулся.

– Ох, уж эта работа! Раньше она у меня все время отнимала и не оставляла ни одной свободной минутки, а теперь я свободен, но заняты вы!

– Пап! Этим летом мы обязательно к вам приедем с Артемом и Егором, обещаю!

Папа еще раз меня обнял, Женя пожал ему руку и мы уже собирались уходить, но из гостиной вышли Оксана с Сергеем.

– Вам уже пора? – спросила Оксана.

– Да, у нас скоро самолет, – ответила я и обняла ее. – Будь счастлива! – произнесла негромко, потом, вытянув руку для пожатия Сергею, добавила. – Еще раз искренне поздравляю, и берегите друг друга!..

Шесть часов мучительного перелета, и вот мы, наконец, в аэропорту Кавказских минеральных вод, еще час на так-

си и будем дома. На часах половина первого. Завтра с утра на работу, а Женя, как назло, никак не мог найти такси. Днем их тут пруд пруди, роятся, как пчелы возле улья, но не ночью. А так хочется поскорее попасть домой, спрятаться под одеяло и не высовываться из-под него, пока этот страшный сон не закончится. Внутри пустота. Еще никогда я не приезжала из дома настолько разбитой и обессиленной. Все смешалось в голове: и наши отношения с Женей, и свадьба Сергея с Оксаной, и развод Насти с Пашей... Наконец Женя махнул мне рукой. Пора...

Поначалу ехали молча, но мысли травили изнутри, просились наружу. Я положила голову Жене на плечо и взяла за руку. Он резко повернулся: до этого мы сидели порознь и смотрели в разные стороны.

– У тебя когда-нибудь было такое чувство, что вроде бы ты находился дома, в кругу близких, но не ощущал себя частью собравшейся семьи. Не могу понять почему, но в этот раз жизнь родного дома показалась мне настолько чуждой, чем когда-либо. Наверное, это глупо звучит, ведь я не жила дома больше десяти лет, но в душе всегда теплилось ощущение, иллюзия того, что где-то есть родной и милый сердцу уголок – тихая гавань, – где тебе всегда рады и в любой момент придут на помощь, а теперь его нет. Нет уверенности.

– Я постоянно так чувствую себя дома, поэтому и не люблю там подолгу задерживаться. А ты, по-моему, как

всегда принимаешь все близко к сердцу.

– Да ты, наверное, прав... – согласилась я и вздохнула...

«Только от знания этого ничуть не легче». Дальше ехали молча, а когда приехали, Женя сразу ушел в спальню, а я осталась на кухне. Знала, что тоже нужно идти спать, но в голове было слишком много мыслей. Я машинально включила чайник и встала у окна. На небе сквозь завесу туч проглядывала луна... Ее тусклое холодное сияние освещало сад, где ветер сорвал с деревьев последние листья и оставил их зимовать совсем нагими и обездоленными. Они уже ничему не противились, стояли понуро и неподвижно, будто и во-все умерли. Холод унес все краски, и на смену им пришли пустота и забвение... Я как эти деревья... Сердце полное печали мучительно сжималось, а к горлу подступили рыдания. Я ощущала себя бесконечно одинокой и какой-то чужой... Привычный мой мир распадался на части, и я не знала, что с этим делать. Я нуждалась в чьей-нибудь поддержке, в дружеском плече... Неожиданно почувствовала чье-то прикосновение и вздрогнула, а обернувшись, увидела Женю. Глаза невольно наполнились слезами, и я припала к его груди...

Да той ночью мы были близки... Может, кто-то и осудит меня за проявление слабости, да я и сама позже буду корить себя, но я ничего не могла с собой поделать. Я безумно люблю его, люблю... Я тоскую по его объятиям, его поцелуям, его насмешкам, улыбке... Я так давно не видела его улыбающимся... Это мучительно больно!.. Я была не в си-

лах ему противиться: все мои чувства были обострены и обнажены. Я не слышала голоса разума и не пыталась...

7.11.2016 г. А утром со свинцовой головой отправилась на работу. Весь день надеялась уйти пораньше, но не получилось, наоборот пришла позднее обычного. Вид у меня был неважный: вечерний перелет, полночи без сна, трудный день на работе, – не прошли даром и оставили отпечаток на лице.

– Что-то ты сегодня припозднилась, – с беспокойством спросила Надежда Самсоновна.

– Совещание затянулось. У нас же не могут все вовремя делать и как того требуют правила. Теперь приходится впопыхах нагонять всю документацию за последние пять лет.

– Мам! – вклинился в разговор Артем. – Проверишь домашнее задание?

– Поужинаем, посмотрю. Егор, ты сегодня читал?

– Да, мы с ним почитали, – отозвалась Надежда Самсоновна.

– Хорошо...

Не притронувшись к еде, допила чай, встала из-за стола и направилась в комнату Артема. Быстро проверила задания и отдала ему переписывать в чистовик, а сама вышла в гостиную. Остановившись у книжного шкафа, зачем-то взяла первую попавшуюся книгу и присела на диван. Через силу пыталась заставить себя почитать, но буквы казались

незнакомыми, слова непонятными. Не продвинувшись и на страницу, закрыла ее и прилегла. Усталость взяла верх, и я немного задремала. Меня разбудили шаги... Это был Женя...

– Завтра днем у меня самолет... – нерешительно заговорил он. – До конца ноября будут концерты...

Сердце болезненно сжалось, но я не открывая глаз, произнесла:

– Хорошо...

В ответ тишина. Я навострилась, но так и не услышала шороха шагов. Он не ушел... Раздался скрип дивана... Я открыла глаза: Женя присел рядом и смотрел на меня. Я приподнялась и намеревалась встать, но он начал говорить:

– Лесь, я не могу так уехать...

– У меня нет желания что-либо обсуждать. Я хочу побыть одна, – резко ответила я и встала.

– Лесь, подожди. Я хочу поговорить с тобой... Давно хочу...

Я отрицательно покачала головой – это будет выше моих сил, – и хотела уйти в комнату, но Женя взял меня за руку.

– Пожалуйста, не останавливай меня. Я не бесчувственная кукла! Я ощущаю себя загнанной в угол. Впервые в жизни не знаю, что делать, не знаю! Я сейчас не в состоянии спокойно тебя выслушать. Я доведена до предела и не хочу безосновательно сорваться и наговорить кучу глупостей, о

которых потом пожалею.

И отдернув руку, торопливо покинула гостиную, Женя последовал за мной. Я этого не ожидала и ускорила шаг, а, забежав в спальню, закрыла дверь на щеколду. Сердце безудержно колотилось... Женя стал стучать, прося открыть. Но я не послушала его...

8.11.2016 г. А утром, конечно же, пожалела об этом. Весь день терзалась, а вернувшись вечером с работы, нашла дом опустевшим и безжизненным. Вроде бы все осталось прежним: мальчики чем-то занимались в своих комнатах, Надежда Самсоновна хозяйничала на кухне, даже Маркиза лениво потягивалась на коврике возле батареи. Но в то же время все стало другим. Надежда Самсоновна, как ни странно весь вечер молчала, только изредка поглядывала на меня, потом ушла к себе... И я осталась одна... Одна...

28.11.2016 г. Самое страшное в профессии психолога, что ты, в сущности, знаешь, что с тобой происходит, что нужно делать, но просто не находишь сил. Так хочется укрыться от реальности, убежать, но как раз этого делать и нельзя. К тому же куда ты убежишь от себя?!

На консультациях пациентам я всегда советую, если они ощущают апатию, депрессию, состояние отрешенности, не забывать одну простую истину, что жизнь – это движение. Поэтому не следует лежать на диване, упиваться горем, страдая в подушку, а всеми правдами и неправдами заставить себя действовать! Для начала хотя бы не забра-

сывать каждодневные дела, которые мы совершаем изо дня в день: гладим, моем, стираем, ходим по магазинам... А то у многих есть такая привычка все забросить и сидеть в ожидании лучших времен, которые могут и не наступить, пока мы не приложим для этого все усилия. И что удивительно, в один прекрасный день, наконец, приходит осознание того, что жизнь на этом не заканчивается, а продолжается дальше...

Как итог, за три недели усиленных работ, я столько дел успела переделать, до которых раньше не доходили руки, и они оставались на потом. К тому же работа в университете поглотила меня с головой. Работа... Может, я и вправду, уйдя с головой в работу, упустила из виду что-то очень важное? Ведь в разладе отношений нельзя винить только одного: всегда виноваты оба.

Глупо и не имеет смысла отрицать, что все это время я думала о Жене, думала постоянно: в перерывах, ночью перед сном, на занятиях... За все десять лет, что мы вместе, я никогда так болезненно не реагировала на его отъезд: три недели тянулись, как три года... Порой так хотелось позвонить Кириллу и обо всем разузнать, но я сдерживала себя... Было достаточно того, что Женя сам звонил каждый день.

Глава X

30.11.2016 г. Сегодня после обеда вернулся Женя. Появился также неожиданно, как и снег, выпавший ночью. Мы как раз с Артемом и Егором были во дворе, лепили снеговика и играли в снежки. Домой зашли вслед за Женей все в снегу, с покрасневшимися щеками, но довольные как слоны. Иногда полезно поозорничать, даже взрослым: эффект как от сеанса психотерапии. Женя со смехом смотрел на нас.

– Так, быстро раздеваться! Еще не хватало простудиться! – Артем с Егором резво начали стаскивать мокрые варежки и шапки. – Одежду сушить, а куртки давайте мне. Я их вытряхну от снега...

И вышла на улицу, а когда вернулась, веселые голоса уже доносились из кухни, Надежда Самсоновна там вовсю хлопотала и наливала всем горячий чай. Я разделась и тоже присела за стол. С окна прыгнула Маркиза и подошла ко мне. Сначала потерлась о мою ногу, а потом запрыгнула на колени и разлеглась. Я стала ее поглаживать.

– Маркиза, что за нежности! – возразила Надежда Самсоновна и хотела ее согнать.

– Пусть сидит. Да, Маркиза! – и потрепала ее за шею, на что она довольно заурчала.

– Избаловала ты ее! – возмутилась Надежда Самсоновна. – Совсем отбилась от рук!

Я только улыбнулась. Ничего не могу поделать: кошки – моя слабость!

– Пап, а мы на днях нашли котенка возле школы, но мама не разрешила забрать его домой, – отозвался Егор.

– Мы уже говорили об этом. У нас есть Маркиза...

– Но он был такой хороший, а вчера мы его уже не нашли...

– Наверно, его кто-нибудь другой подобрал, – отозвался Женя и потрепал его за волосы...

3.12.2017 г. Сегодня была у Майи: она давно звала в гости, но у меня все никак не получалось вырваться. Ох уж эта работа! Мы с ней сидели в гостиной, а Тая принесла новую книжку и показывала мне картинки, когда пришел Кирилл. Он сухо поздоровался и отправился к себе, вызвав выражение недоумения у меня на лице.

– Что это с ним? – с удивлением спросила у Майи. – Никогда его таким не видела.

– Уже с неделю такой, как приехал с гастролей, ни с кем не разговаривает.

– Из-за чего? Что он себе еще понавыдумывал? – с возмущением спросила я.

– Он тревожится...

– Я так понимаю из-за нас с Женей? – Майя замялась. – Понятно... Зайка, посиди с мамой, – обратилась я к Тае. – Я сейчас ненадолго отлучусь, а когда вернусь, мы дальше продолжим рассматривать картинки. Хорошо?

– Лесь, не стоит... – попыталась остановить меня Майя.

– Еще как стоит! – возразила я. – Я ему вправлю мозги!

– Лесь!..

Но я не стала ее слушать, напрямик отправилась за Кириллом и, остановившись у двери, решительно постучала. Тишина... Еще раз... Никакой реакции...

– Кирилл, откройте! – громко отозвалась я. – Я знаю, что вы здесь. Я хочу с вами поговорить и не уйду, пока не сделаю этого.

Раздался звук щекотки.

– Проходите, присаживайтесь, – пригласил меня Кирилл, но сам сел не сразу, сперва немного постоял у окна.

– Послушайте, – начала я резко, – не ведите себя глупо. Ну, что за детский сад?! В чем ваша вина? За что вы себя корите?

– За то, что не умею держать язык за зубами. На этот раз мне не следовало вмешиваться.

– Извините, но вы не правы. Как раз хорошо, что я узнала все заранее и от вас. Узнай я все от Жени, последствия были куда печальнее. Накричи я тогда на него или устрой скандал, он бы просто ушел. Пусть даже не к той девице, но от меня точно.

– Между ними ничего не было...

– Я не хочу ничего знать! – перебила я его. – И вот тогда бы ваша совесть не знала покоя. А так... Или вы считаете,

что лучше я вообще бы ни о чем не догадывалась и жила в полном неведении? – Кирилл промолчал, но по выражению его лица было видно, что так он и думал. – Не стройте иллюзий. Я бы все равно рано или поздно обо всем узнала. Если вы правильно описали мне ту девицу, она не успокоится. И уверяю вас, мы еще с ней встретимся лицом к лицу: она просто так не отступится, после того как ей дали намек на взаимность.

– Вы так спокойно об этом рассуждаете? Вас это не трогает?

– У меня было время подумать и все взвесить. Да, боль предательства нестерпима. А это предательство, как не крутите, но я не хочу позволять этой боли разрастаться и затуманивать разум, чтобы не наделать еще большие глупостей. Все-таки это не только нас двоих касается: у нас дети. Я меньше всего хочу, чтобы они страдали по нашей вине. Кроме того, я прекрасно понимаю, что Женя ей совсем не нужен. Ее интересуют его связи, его положение в обществе, деньги, в конце концов, но я ни за что не поверю, что она в него влюбилась по уши. Сколько ей лет?

Кирилл пожал плечами:

– Не знаю, лет двадцать пять...

– Вот видите, что ее может связывать с Женей? – и улыбнулась. – У меня с ним десять лет разницы, а она моложе меня. Я могу ему все это сказать, но вы думаете, это поможет? Увы, нет. Пока он сам это не поймет, ничего не

изменится.

– Женя беспокоится за вас...

– А вы думаете, я за него не тревожусь, каждый день, находя в кабинете пепельницу полную окурков. Мне легче пре-возмочь свою боль, но я не в силах видеть его терзания. Не глупо ли? – Я вздохнула и перевела дыхание. – Нам обоим нужно время: Жене, чтобы во всем разобраться, а мне, чтобы пересилить эту боль. Как известно, рану любви лечит тот, кто ее нанес. Другим, увы, не дано. Уверяю вас, когда он во всем разберется, ему не составит никакого труда рас-ставить все на свои места. Я его хорошо знаю и себя тоже. В любом случае я не боюсь его потерять. Однажды я нашла в себе силы полностью изменить свою жизнь, нарушить ее привычный ход. Эта решимость не позволит мне сломаться и сейчас, даст силы пойти дальше с ним или без него. Это не имеет значения... – произнося последние слова, на глазах выступили слезы. Я отвернулась, чтобы их вытереть, но потом продолжила, вставая со стула. – Поэтому не зани-майтесь самобичеванием. Вы все сделали правильно.

Уже стоя у двери, я добавила:

– И не вздумайте проболтаться о нашем разговоре Жене.

Прикрыв дверь, стремительно направилась в гостиную, как вдруг в глазах потемнело, и я почувствовала легкое го-ловокружение и едва успела схватиться за спинку кресла, чтобы не упасть. Майя это заметила и подскочила ко мне.

– Лесь, что с тобой? – обеспокоенно спросила она.

– Да, все в порядке, голова закружилась.

– Руку давай.

– Присядь, я принесу воды, – и она удалилась на кухню, но буквально сразу же вернулась со стаканом и протянула мне.

– А ты давно-то у врача была? – спросила Майя и заулыбалась.

– У какого врача? – непонимающе переспросила я, а она испытывающе посмотрела на меня.

– А то будешь, как я, до пятнадцати недель ходить!

– А ты об этом... Нет, ну что ты! – отмахнулась я. – Это все на нервной почве.

– Тебе виднее...

Я не восприняла слова Майи всерьез, но они почему-то глубоко засели у меня в голове. Какой еще ребенок?! Нет!.. Но по дороге домой все-таки зачем-то зашла в аптеку и купила тест. К счастью или к сожалению, не знаю, что в моем случае лучше, он оказался отрицательным. Но он меня не убедил – на таком маленьком сроке тест может ничего и не показывать, – и решила завтра же записаться на прием в консультацию...

8.12.2016 г. Два дня пересдавала анализы. Анализы крови, как мне объяснила врач, указывают на беременность, но по УЗИ ничего не видно, есть вероятность, что внематочная. Не знаю, что лучше...

– Пока отклонений никаких не вижу, – ответила врач,

сравнивая результаты. – Все в пределах нормы. Ну, по УЗИ не показало, возможно, просто срок еще слишком маленький. Пять-шесть недель можно не увидеть. К тому же оборудование у нас не новое, иногда грешит. Через две недели сделаете повторное УЗИ, а там поглядим. Ну и кровь желательнее через один-два дня сдавать для перестраховки, хотя я не вижу в этом необходимости. Вот увидите, отыщется наша пропажа! – усмехнулась она и сдвинула очки на переносицу.

– А если все-таки внематочная? – боязливо спросила я.

– Ну, тогда только операция. Но я думаю, все будет хорошо, и обойдемся без всяких операций.

– Но у меня уже возраст... риски увеличиваются.

– Это должны быть мои слова, – снова усмехнулась врач. – По-моему вы слишком зациклены на возрасте. Это не показатель. К тому же беременность не первая, уже хорошо. Знаете, у молодых бывает не меньше отклонений и патологий, чем у тех, кто рождает в зрелом возрасте. Все индивидуально и зависит от многих факторов: экологии, образа жизни, наследственности и этот список можно продолжать до бесконечности. В общем, жду через две недели с результатами анализов и УЗИ. А так лишний раз не волноваться и беречь себя. Если что-то будет не так, звоните, мой номер телефона у вас есть, я всегда на связи.

Со смешанными чувствами покидала кабинет, и не в состоянии идти дальше, присела в коридоре на лавочку. «И

что дальше? – звенело в ушах. – Сказать или не сказать Жене? А вдруг он воспримет это, как попытку, удержать его? Господи!.. Снова эта пытка! Хотя все же еще не точно...» Я вздохнула. Делать нечего, нужно идти на работу и надеяться, что в скором времени все разрешится.

12.12.2016 г. Сегодня весь день провела за компьютером и только к вечеру освободилась и занялась ужином. Когда все было готово, на кухню вышли Женя и Кирилл, до этого они полдня что-то обсуждали в кабинете.

– На ужин останетесь? – поинтересовалась у Кирилла.

– Майя сегодня в ночную смену, так что не откажусь, дома меня никто не ждет, – страдальчески ответил он.

Я улыбнулась. За ужином они разговаривали о выходе нового альбома, решали, когда провести презентацию: в конце года или перенести ее на начало следующего. По неизвестным мне причинам релиз пластинки почему-то затянулся. И вправду Кирилл давал мне послушать копию диска еще несколько месяцев назад.

– Тогда решено, – подытожил Кирилл – двадцатого числа. Пресс-конференцию тоже будем устраивать?

– Да.

А уходя домой, Кирилл обратился ко мне:

– Ваше присутствие тоже желательно.

– Мое? – с удивлением переспросила я. – Зачем?

– Сделайте, пожалуйста, так, как я прошу! – сказал Кирилл и так посмотрел: его взгляд был красноречивее любых

слов: ответить отрицательно у меня не получится.

– Хорошо... – негодую, согласилась я. – Но в чем дело?

– Ничего, обычная презентация альбома, – отрешенно ответил он и ушел.

Но его слова меня не успокоили. Мне показалось, что за эти два месяца, пока я была погружена в свои тревоги и волнения, упустила из вида что-то очень важное. На душе сделалось не спокойно... «Это не простая презентация. И зачем им мое присутствие? – недоумевала я. – Час от часу не легче...»

15.12.2016 г. Прошедшая неделя выдалась тяжелой и напряженной – в понедельник, наконец, приехала аттестационная комиссия, – но и она подошла к своему логическому завершению. Сегодня был последний день. Председатель комиссии, в общем, остался доволен, есть, конечно, небольшие замечания, но их не составит особого труда устранить. Радует лишь одно: наконец, работы поубавится и можно будет всерьез заняться преподаванием, а то я с этой проверкой совсем погрязла в бумагах, а занятиям почти не уделяла внимания... Но это потом. На часах половина десятого, а я все еще была на работе. Как бы хотелось, по мановению волшебной палочки очутиться сразу дома... Мысли прервал телефонный звонок... Это Надежда Самсоновна:

– Леся, ты где? – встревоженно спросила она.

– На работе... Уже выхожу.

– И как ты собираешься возвращаться домой? – недоуме-

вала она. – Уже так поздно: ночь на дворе?

Я вздохнула:

– Надежда Самсоновна, не накручивайте себя. Не успеете опомниться, как я уже буду дома, – успокаивала я ее, но слышу, как она вздыхает в трубку. – Ну не будем тянуть время.

И попрощалась с ней. Собрала вещи, оделась и вышла. На крыльце встретила Людмилу Петровну: несколько минут постояли с ней и обсудили итоги. В конце она предложила подвезти меня до дома, но я отказалась: захотелось пройтись. Отойдя метров двести от университета, на противоположной стороне улицы увидела Женю. Я остановилась у пешехода и подождала, пока он перейдет дорогу. Обменялись обычными фразами приветствия, потом я взяла его под руку, и мы побрели домой...

– Сегодня звонил Данил, он собирается приехать на новогодние праздники. К тому же... – я замолчала, а Женя косо посмотрел на меня. – Не один, с девушкой и хочет познакомиться нас с ней.

– Какая еще девушка? – с удивлением спросил Женя.

– Ее зовут Даша, они вместе учатся и, наверное, больше года встречаются.

– Что-то я о ней ничего не слышал. А ты, я смотрю, лучше меня осведомлена?

– Не то чтобы осведомлена, просто Данил пару раз спрашивал у меня совета, вот и все.

– Почему не у меня? Он никогда со мной ничем не делится, зато у тебя с ним вечно какие-то секреты! – и он покосился на меня.

Я усмехнулась.

– Ты ревнуешь?

– Да, мне тоже хочется, чтобы он со мной делился, советовался, но Данил никогда этого не делает: он всегда обращается к тебе.

– Ну, что я могу поделатъ. Если хочешь, я с ним поговорю.

– Нет, не нужно. Но они не слишком торопятся?

– Не думаю, он у нас ответственный мальчик и голова у него на месте, в отличие от папы. Удивительно, насколько он не похож на тебя, полная противоположность. Ты никогда не замечал?

– Замечал! Он твоя копия! – съехидничал Женя, а потом резко спросил. – Ты едешь с нами в Москву?

– Да, я закончила все дела и взяла несколько дней без содержания, хотя не совсем понимаю, зачем вам понадобилось мое присутствие...

17.12.2016 г. Сегодня после обеда достали с мальчиками елку, и весь вечер наряжали. Все-таки, как ни как приближается Новый год, не смотря на то, что на душе кошки скребут. Наблюдая за ними весь вечер, невольно пришла к выводу, что как прекрасно быть детьми: ни хлопот, ни забот, играй себе и резвись, за тебя все решат взрослые. Кто бы за меня все решил?! Я была бы не против... Женя ушел к

Кириллу и до сих пор не вернулся. Поздно... Уже давно пробило двенадцать... Завтра в обед улетаем в Москву. Не хочу ехать!.. Знаю, та девица обязательно будет на презентации. Чувствую это... Стоит мне только подумать об этом, меня мгновенно обуревают ужас и страх, но нужно быть сильной... Неожиданно раздался шум у входной двери. Я с настороженностью подошла ближе: с улицы доносились голоса, и позвякивали ключи... Нижняя щеколда никак не поддавалась, тогда я сама открыла ее. На крыльце стояли в обнимку Женя с Кириллом в стельку пьяные. Язык у них заплетался.

– Не ругайтесь сильно, мы самую малость перебрали, – произнес Кирилл, и они вдвоем ввалились в прихожую. Кирилл прислонил Женю к стене и только после этого отпустил. – Ну, все, я его доставил, теперь и мне пора! – и он направился к выходу.

– Кирилл, подождите! – окликнула я его. – Но как вы дойдете в таком состоянии? Оставайтесь у нас. Я позвоню Майе...

Он обернулся.

– Оставайся! Куда ты пойдешь? – подключился Женя.

– Нет-нет! – покачал он головой. – Я домой. Здесь недалеко, да и район у нас тихий... А то мне от Майи влетит по первое число! – и он, махнув на прощание рукой, вышел на улицу.

Изо всех сил пытался идти ровно, но ноги его не слуша-

лись. Я простояла еще некоторое время с открытой дверью, пока Кирилл не скрылся за калиткой, а потом прикрыла ее, и невольно встретилась глазами с Женей.

– Ну что, моя милая жена, устройте сцену?! – с насмешкой спросил он.

– Нет, – ответила я и, обхватив его за талию, добавила. – Пойдем, доведу тебя до спальни.

Он покорно обнял меня за плечи, но ехидничать не перестал:

– Почему?! Любая нормальная жена, при виде пьяного мужа, заявившегося в компании закадычного друга, устраивает скандал!

– Значит, я ненормальная жена. Спроси у своего закадычного друга, он тебе подтвердит. Пойдем быстрее, ты не пушинка, мне тяжело.

– Тебе не обязательно это делать. Я и сам дойду.

И он остановился и хотел отстраниться, но его занесло в сторону и меня вместе с ним: мы чудом удержались на ногах.

– Жень, осторожнее. Идем, не останавливайся. Сам ты полдома разнесешь.

– Тебя это волнует?

– Меня волнует, что ты ненароком еще покалечишься. Пойдем!..

В спальне он наконец-то опустился на кровать, и я уже хотела уходить, но Женя привлек меня к себе и, усадив на

колени, уткнулся лицом в грудь. Я замерла и сидела, не шевелясь, как кролик, забившийся в нору, в ожидании, что же будет дальше: минует опасность или наступит конец. Я не слышала дыхания, кажется, и вовсе перестала дышать, только в ушах отдавал беспокойный стук: тук... тук... тук... После недолгого молчания Женя торопливо и сбивчиво заговорил:

– Ты-ты очень жестока. Не думай, что я пьян, ум мой трезв как никогда. Ты даже не хочешь со мной поговорить. Я подумал, что ты и вовсе меня разлюбила, раз отнеслась ко всему так спокойно, наплевательски, будто только этого и ждала. А я... я просто хотел сказать, что мне нужно время, чтобы во всем разобраться... Я не хотел ничего скрывать... Ты бы и так обо всем догадалась...

– Знаю... Я тебе и дала время... – негромко произнесла я.

– Нет! – возмущился Женя и замотал головой. – Ты сразу заговорила о расставании и отдалилась, стала такой недосягаемой!.. А ведь между нами ничего не было... Она мне понравилась как образ...

По щекам полились слезы.

– Но Кирилл видел ее у тебя на квартире... – еле выговорила я.

– Она брала интервью... Не знаю, может на что-то надеялась...

– Несколько раз? – не веря переспросила я.

– Да... Знаешь, что я понял, пока думал эти два месяца...

ца. *Всю красоту отношений нужно искать в любви прошедшей испытания годами, а не в мимолетных увлечениях... Как жестоко и неумолимо время!.. Оно отбирает нашу молодость и превращает в дряхлых немощных стариков и сеет отчужденность. Былые, сильные чувства тускнеют и выгорают, как ткань на солнце, им постоянно нужна встряска... Ничто не может быть вечным... Все претерпевает изменения...*

– *Жень, уже поздно, давай спать, тебе нужно отдохнуть. Завтра утром самолет...*

Но он не слушал меня и продолжил говорить:

– *До чего же я был слеп!.. Живя с тобой много лет под одной крышей, до конца не осознавал всей глубины твоих чувств, даже не догадывался, что они – залог преданности и терпения.*

Из глаз снова потекли слезы.

– *Жень, перестань, пожалуйста. Ложись...*

– *Ты не уйдешь?..*

– *Нет... Только ложись, прошу тебя... – и я попыталась приподняться.*

Женя не стал меня удерживать, я подошла к изголовью кровати, откинула покрывало и, поправив подушки, произнесла:

– *Идем...*

Он не упрямылся и молча придвинулся, но не лег, пока я не присела рядом. Вскоре он уснул, продолжая некоторое время

что-то бормотать себе под нос, а я не сомкнула глаз почти до самого утра. «До чего же мужчины странные существа. Теперь, видите ли, я крайняя осталась! – заговорила во мне гордость. – Холишь их, лелеешь, терпишь, жертвуешь всем, заботишься, но им этого не достаточно. Что-то пытаются найти на стороне, что-то доказать себе. Но стоит отвернуться, перестать быть доброй и понимающей, так ты сразу становишься жестокой. А со мной не жестоко поступили?!»

18.12.2016 г. Утро было тяжелым. Отправив Артема с Егором в школу, тоже собралась и ушла в магазин: нужно закупить продуктов, ведь двадцать второго декабря у Артема будет день рождения, а так как мы сегодня уезжаем, на походы по магазинам у меня просто не останется времени. Когда вернулась, Женя с Надеждой Самсоновной сидели на кухне. Выглядел он неважно.

– Ты хоть таблетки выпил? – поинтересовалась я, пока разбирала пакеты.

– Да...

Я взглянула на часы: половина одиннадцатого.

– Можешь прилечь, время еще есть. Я тебя разбужу...

Через час пришел Кирилл с дорожной сумкой наперевес. Вид у него был удрученным. Я усмехнулась:

– О, еще один пожаловал! На кого вы похожи!

– Не начинайте, мне и так от Майи досталось с утра!

– И кому это нужно было?

– В целях терапии.

– А эту терапию нельзя было провести немного пораньше, не за день до отъезда? – укоризненно спросила я.

– Как получилось!..

Через минут двадцать мы уехали в аэропорт. Два часа перелета, и мы в Москве...

20.12.2016 г. До начала пресс-конференции оставалось около получаса. Макс с Кириллом куда-то отлучились, а мы с Женей остались в гримерной наедине. Я молча сидела на стуле и раскручивалась из стороны в сторону; сердце безудержно колотилось, и заставляло кровь пульсировать в висках. Я знала, что та девица тоже будет присутствовать на пресс-конференции и не находила себе места.

Резко раздался стук. Не дожидаясь ответа, в гримерную зашла молоденькая девушка приятной наружности: взгляд привлекла кожа лица – она была на удивление гладкой и ухоженной, – а голубые глаза сияли чистотой и свежестью. Окинув ее с ног до головы, взгляд остановился на бейджике, который висел у нее на груди. «Неужели это она?!» – пронеслось в мыслях, а она тем временем довольно смело обратилась к Жене:

– С тобой можно поговорить?

Не дожидаясь ответа, я приподнялась со стула и со словами «Не буду мешать!» поспешила выйти в коридор. Женя пару раз окликнул меня, но я не стала слушать его, выскользила из гримерки, как ошпаренная, но дальше идти была не

в силах, так и осталась стоять под дверью... Резко до меня донесся голос той девицы:

– Куда ты запропастился? Обещал приехать, а сам исчез. Я тебя обыскала!

– Я был дома с детьми и женой.

– А как же мы?

– Нас никогда не было, но, несмотря на это, я совершил глупость, обо всем рассказав. Да, не отрицаю, меня привлекли твои молодость и красота, твоя непосредственность. Но за последние два месяца я осознал, что всегда любил, и буду любить только одну женщину, и никогда ее не оставлю: она неотделима от меня, как и музыка, которую я пишу. Быт охладил наши чувства, что, наверное, и позволило тебе добиться моего расположения, засомневаться. Но впредь между нами ничего не может быть!

– Но... – хотела она что-то возразить, но Женя не позволил.

– Из-за своей непредусмотрительности я причинил много боли самому близкому для меня человеку, хотя она словом со мной не обмолвилась, даже не закатила скандал. Но я чувствую эту глухую боль, которую унять невозможно, пока два сердца вновь не забьются вместе...

– Расставаться всегда больно...

– Ты еще совсем молода и ничего не понимаешь в жизни. Порой своими необдуманными поступками мы раним тех, кто меньше всего этого заслуживает. К тому же у нас де-

ти. Их я никогда не оставлю...

– А как же я? – слезно спросила она.

– Что ты? Ты еще молода, у тебя вся жизнь впереди. А мне уже скоро перевалит за пятый десяток...

Пока слушала их разговор, не заметила, как вернулся Кирилл и что-то начал мне говорить. Я не сразу сообразила, что происходит, просто уставилась на него и молчала.

– Лесь! – обратился ко мне Кирилл еще раз и потрепал по плечу, и только тогда я пришла в себя. – Что случилось?

– Там... – начала я, но, опомнившись, вытерла слезы, залившие лицо. – Я не очень ужасно выгляжу?

– Что происходит?

Я ничего не ответила и решительно открыла дверь. Женя по-прежнему стоял со скрещенными руками возле стола и опирался на него, а та девица – напротив него, но услышав шум открывающейся двери, обернулась. Женя тоже переменился в лице. Я старалась не смотреть на нее и скрепя сердце произнесла:

– Жень, посмотри, пожалуйста, я где-то на столе оставила телефон. – Он обернулся и сразу же его увидел. – Захвати его.

Следом раздался голос Кирилла:

– До пресс-конференции пять минут, пора бы уже поторопиться и занять свои места.

– Да, я иду... – отозвался Женя и направился к двери, а поравнявшись со мной, протянул телефон и спросил. – Пой-

дем?

– Я тебя догоню, только перезвоню Надежде Самсоновне. Она звонила. Возможно что-то срочное...

Он не настаивал и молча вышел. Та девица сразу же выскочила из гримерки и хотела последовать за ним, но Кирилл ее остановил:

– Журналисты проходят с другой стороны! – и показал ей на дверь.

– Какое невинное лицо! Но какие темные мысли скрывает! Я бы никогда на нее не подумала.

– Пойдемте... – спокойно произнес Кирилл.

Я одобрительно кивнула головой и взяла его под руку. Хоть я и пыталась выглядеть уверенно, но ощущала неимоверную дрожь во всем теле. Кирилл это почувствовал и, положив ладонь поверх моей, прошептал:

– Вы вся трясетесь!.. Зачем нужно было лезть в самое пекло? Все само бы утряслось.

– Это было необходимо... – отозвалась я. – У вас сегодня важный концерт и я не хочу, чтобы по моей вине что-то пошло не так. Поверьте, от этого никому не будет лучше. А что до меня... то я вполне могу выяснить отношения дома наедине. Поэтому все в порядке... Конечно, насколько это возможно в данной ситуации! Иногда я не понимаю, как умудряюсь попадать в такие нелепые переделки! У меня дар прям какой-то!

Кирилл улыбнулся и ободрительно произнес:

– Главное, все закончилось.

– Надеюсь... Кир, вот скажи, вы с Майей когда-нибудь попадали в такие ситуации?

– Уж извольте! – резко возразил Кирилл, что я от неожиданности даже остановилась. – Если вы за десять лет не перешли на «ты», то теперь попрошу вас не делать этого. – Я улыбнулась. – Я слишком привык к такой официальности, будто я гуру или сэнсэй, к которому обратились за советом. Знаете, как у меня в такие моменты зашкаливает самооценка?!

– Кир!.. – и еще большие заулыбалась.

– Вы почти смеетесь, это хорошо!.. А что касается вашего вопроса, то нет, они бы разрушили наши отношения, потому что Майя не вы. По-моему, я вам сразу сказал, что у Жени сложный характер. А вы, как никто другой, можете обуздать его, потому что даже мне порой хочется залепить ему хорошенькую оплеуху.

Я усмехнулась. Незаметно мы подошли к залу, где будет проходить пресс-конференция: я хотела подождать в стороне, пока все не закончится, но Кирилл попросил меня присесть рядом с Женей.

– Зачем? Я могу и здесь постоять!

– Пожалуйста, сделайте, как я вас прошу!..

Пришлось уступить. Я подождала, пока все рассядутся, и по настоянию Кирилла, присела с краю рядом с Женей, что заставило меня заволноваться: никогда мне не приходилось

сидеть так, на виду у кучи журналистов.

Через пару минут защелкали фотоаппараты, и журналисты по очереди стали задавать вопросы о новом альбоме, о предстоящем турне... Потом кто-то спросил: «Что вы ждете от этого альбома?» После непродолжительного молчания Женя начал говорить, но слова давались ему нелегко. Я с удивлением взглянула на него и интуитивно взяла за руку.

– На этот альбом мы возлагаем большие надежды, потому что ... – он перевел дыхание, – потому что он должен подытожить всю нашу творческую работу за двадцать пять лет существования группы и стать своего рода конечной точкой в карьере.

В груди болезненно защемило, а на глазах появились слезы. Я еще сильнее сжала руку Жени.

– Нет, это касается только студийной работы, концертную деятельность мы пока не собираемся прекращать. Тур в поддержку альбома продлится два года, также мы планируем снять еще пару клипов. Возможно, выйдет live-версия предстоящих концертов, как итог. А там посмотрим...

– С чем связано такое решение? Перемены в личной жизни имеют место?

– По-моему оно вполне закономерно на закате карьеры, – потом Женя взял мою руку и, коснувшись ее губами, добавил. – А что касается личной жизни все по-прежнему, без

изменений.

Наши взгляды встретились, и я невольно улыбнулась.

– Еще вопросы?

– У меня есть! – воскликнула та девица, входившая в гри-мерку, и приподнялась.

Я устремила на нее взгляд: «Ну и вправду ни стыда ни совести!»

– Но ведь не так давно ходили слухи о появлении ...

Я, не раздумывая, взяла микрофон и перебила ее:

– Это всего лишь слухи, не верьте им. Если кто и появит-ся в нашей жизни в скором времени, так это долгожданная дочка или уже внучка...

Следом вмешался Кирилл:

– Если большие вопросов нет, на этом можно счи-тать пресс-конференцию закрытой. Всем огромное спасибо. Встретимся уже на концерте...

Я резко встала из-за стола и намеревалась поскорее уй-ти: понимала, что болтнула лишнего, но Женя взял меня под локоть и прошептал на ухо: «Скорость сбавь и не пы-тайся улизнуть!» Я успела только поднять на него несме-лый взгляд, но нас окликнули:

– Подождите! Можно фото для статьи?

– Конечно, – кивнул Женя. – Куда нам встать?

– Можно на фоне баннера.

– Идем! – подтолкнул он меня и вполголоса спросил. –

Что это сейчас было?

– Не знаю, со злости вырвалось!

– Лесь!

– Что? Пойдем, тебе нужно готовиться к выступлению...

– Времени еще достаточно, – спокойно ответил Женя и хотел что-то добавить, но нас снова окликнули женщина лет под сорок, и обратилась ко мне:

– Извините, пожалуйста, уделите всего две минуты. Я из журнала «Женские секреты» и хотела бы взять у вас интервью.

– У меня? – от неожиданности переспросила я.

– Да...

– Боюсь, это невозможно. Завтра мы уезжаем.

– Это не имеет значения. Если вы не против, я позже с вами свяжусь, и мы поподробнее обо всем договоримся.

– Хорошо... – растерянно ответила я, и мы направились в сторону гримерной. Женя продолжал держать меня под руку, и когда мы зашли, сжал в объятиях.

– Я слушаю. – Я попыталась высвободиться. – Не вырывайся. У тебя все равно ничего не выйдет. Я лишь хочу знать, правда, это или нет?

Опустив глаза, произнесла:

– Не знаю...

– Лесь!..

– Правда, не знаю. На днях нужно сделать повторное УЗИ и пересдать анализы. Ты мне лучше скажи, что это

за новости о последнем альбоме, о завершении карьеры?

– Ты мне тоже лучшие скажи, какая внучка? Опять у вас с Данилом от меня тайны? – Я невольно вздохнула. – И не надо так вздыхать!

– Жень, давай, он придет и сам тебе обо всем расскажет. Мне надоело быть посредницей между вами.

– Значит, я правильно понял?

– Да... Даша беременна...

– Ну, зачем им это сейчас нужно? – возмущился Женя. – Они еще и университет-то не окончили!

– Через полгода окончат.

– Лесь, я знаю, что это такое не понаслышке! Когда ты молод и полон сил, а тебя обременяют.

– Не вижу ничего обременительного. Многие так живут и ничего. В Москве они оставаться не собираются, а переедут к нам в Кисловодск. Насчет работы Данил в январе будет узнавать. Не получится устроиться, где он хочет, найдет другое место. К тому же и на нашу помощь и поддержку они всегда смогут рассчитывать.

– На нашу?!

– Не цепляйся к словам! Ты мне так и не сказал, что еще за последний альбом?

– Почему тебя это волнует? Мы так решили.

– Но почему?

– Лесь, с годами я не молодею, все-таки возраст берет свое, с каждым разом выступить все сложнее, да и голос

часто подводит. К тому же и Макс поговаривает об уходе, а без него мы как без рук.

– А куда?

– Не знаю, ему предложили какой-то проект, и он загорелся. Кроме того, если наберется достаточно песен, мы их обязательно выпустим. Представь, какая будет неожиданность! Но я не вижу ликования на твоём лице. Я же буду чаще бывать дома с тобой и детьми, ты этого не хочешь?

– Боюсь, что ты долго не выдержишь в четырёх стенах: тебе как ветру нужна свобода, простор, где можно разгуляться.

Он усмехнулся.

– Ты меня раскусила. А кто же тогда ты?

– Я?! Тонкий тростник, который ветер безжалостно треплет из стороны в сторону и в любое мгновение может вырвать с корнем и понести неизвестно в каком направлении.

Женя усмехнулся и провел пальцами по волосам и щеке:

– Чтобы сломать тростник, нужно и ветру потрудиться: не так-то легко с ним совладать. Тростник гибок и покладист и без труда прижимается к земле и спокойно переживает бурю, а когда она минует, снова поднимается, как будто ничего и не было.

– Только ветру невдомек, какие ужас и страх испытывает тростник в каждую такую бурю... Женя, ты же не сможешь без музыки, ты ей пронизан насквозь. Если Макс

с Кириллом и сочиняют что-то, но это для них не главное. Они и дальше смогут играть в других коллективах, но ты...

Он перебил меня:

– Не обязательно сидеть дома, можно путешествовать. Тебе бы этого не хотелось?

– А кто сказал, что я тебя простила? Тебе пора готовиться к концерту, – серьезно произнесла я.

Женя покачал головой, и легкая улыбка пробежала по его лицу:

– Не утруждайся! С такой Лесей я знаю, как справиться!

21.12.2016 г. В Кисловодск мы вернулись на следующий день в три часа дня. Снова после перелета кружилась голова и подташнивало. Немного отлежавшись, почувствовала себя лучше и встала. Артем с Егором были в детской и делали уроки. Женю я не видела. На меня напало меланхоличное настроение, знала, что мне нужно переделать кучу дел, но не могла себя заставить взяться за них. Немного перекусив, все-таки решила испечь на завтра хотя бы праздничный торт. На кухню вышел Женя и присел за стол. Я лишь взглянула на него и молча продолжила выкладывать на столешницу необходимые продукты.

– Знаешь, что я больше всего ненавижу, когда ты вот так молчишь и только одному богу известно, что за круговорот мыслей роится в твоей голове.

Я хмыкнула: как ни странно, но именно в то мгновение я ни о чем не думала, просто механически совершала дей-

ствия, которые нужно сделать и все. Голова была пуста...

– Лесь, ну может, хватит играть в молчанку. Ну, давай поговорим. Твоя молчаливая перебранка пуще ссоры. Я скоро сломаю голову, если и дальше буду пытаться понять, что с тобой происходит, и о чем ты думаешь.

– О чем я думаю? – повторила за Женей. – Я решила пожить отдельно. После праздников хочу подыскать другое жилье.

– Даже так! – возразил Женя и пригрозил мне пальцем. – Только попробуй!

– Попробую и сделаю так, как посчитаю нужным. Или ты силой заставишь меня здесь остаться?

Женя ничего не ответил: на пороге появилась Надежда Самсоновна, и он переключился на нее:

– Вы слышали, что она удумала?! Решила жить отдельно!

– Лесь! Так нельзя!

– Почему? Назовите хотя бы одну причину. – Она вздохнула. – Я, по-вашему бездушная кукла, которая ничего не чувствует и не испытывает?

– Дело не в этом...

– А в чем тогда? Почему женщины всегда должны делать первый шаг и безропотно прощать мужчинам все их ошибки и прегрешения? У меня тоже есть чувства и мне обидно и больно! – договорила я и хотела наклониться к духовке и зажечь ее, но резко закружилась голова, и я чудом успела

ухватиться за край столешницы.

– Лесь!.. – встревоженно окликнула меня Надежда Самсоновна.

– Спички закончились...

– А...

И я отошла к другому шкафу, чтобы достать новый коробок... У Жени в это время завибрировал телефон, и он отлучился в гостиную. Я выдохнула с облегчением и налила себе воды, а, обернувшись, встретилась глазами с Надеждой Самсоновной: ее взгляд был красноречив.

– Лесь, не совершай одну и ту же ошибку дважды, – я кивнула в ответ, а Надежда Самсоновна негромко добавила. – За что бы ты его не наказывала, не делай это долго. Поверь мне, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на обиды и гордыню.

Я ничего не ответила, а потом перевела разговор на другую тему.

22.12.2016 г. Утром чуть свет меня разбудил будильник. Я нехотя потянулась и включила ночник. Мгновенно взгляд упал на огромный букет розовых пионов, который лежал на постели, и невольно расплылась в улыбке. «Где он их только раздобыл среди зимы?!» Я взяла его в руки и вдохнула аромат... «Ах!.. Конечно, запах не такой насыщенный, как у домашних пионов, но... Хитрец! Ведь когда хочет, может быть таким милым!..» Я легонько коснулась губами лепестков и положила букет на постель, а когда привела

себя в порядок, унесла его на кухню и поставила в вазу. Пока возилась с приготовлениями, невольно любовалась пионами, вспоминая школьные годы, юность... Да-а! Было время!..

Вскоре ко мне присоединилась Надежда Самсоновна и, попросив нож, стала помогать нарезать салаты. Между делом болтали о всякой ерунде. Когда очередь дошла до соленых огурцов, я не удержалась и съела пару штук.

– Может еще квашеной капусточки? – заговорщически спросила Надежда Самсоновна. – Могу позвонить приятельнице, заказать. Капусточку она отменную солит.

– Можно, ближе к праздникам, заодно что-нибудь сварганим, – ответила я.

Надежда Самсоновна усмехнулась. Похоже, она обо всем догадалась. К часу пришли мальчишки со школы, следом за ними и Кирилл с Майей. Майя с Савой и Таей сразу зашли в дом, а Женя с Кириллом немного задержались на улице, а когда появились, Женя демонстративно стал говорить Кириллу:

– Ну что ты! Теперь она специально со мной не разговаривает! Вчера заявила, что хочет жить отдельно!..

– Лесь, это не серьезно, – обратился ко мне Кирилл, пройдя на кухню.

– А вы даже не пытайтесь втереться в доверие. Знаю я вас, играете на два фронта.

– Иногда вы не выносимы! – наигранно возразил Кирилл.

– Возможно... Я тут поразмыслила, зачем мне это нуж-

но? Поживу для себя, хотя бы на склоне лет отдохну от всех тревог и волнений.

– Блефуете?

– Ничуть! Мне надоело оставаться хорошей для всех в ущерб себе.

– С ней бесполезно спорить! – вмешалась Надежда Самсоновна. – Даже я устала и не пытаюсь ее разубедить: она вроде бы соглашается, поддакивает тебе, но все равно поступает по-своему.

– О! Уже целая коалиция собралась против меня! – шутливо воскликнула я. – Сколько у тебя защитников!

– Не бойся, я за тебя, – произнесла Майя, и обняла меня за плечи. – А с тобой, Кира, я еще дома поговорю! – И пригрозила ему указательным пальцем.

– Лесь, ну, правда. Это не серьезно, – не отставал Кирилл.

– Хорошо. Взглянем тогда на сложившуюся ситуацию немного под другим углом, если она вам так не дает покоя. Только отвечайте честно, господин адвокат. Что бы было, если бы я заявила, что знаешь, милый, мне тут нравится другой мужчина? Разве реакция была такая же, как у меня?

Кирилл опешил:

– Лесь...

– Вы обещали ответить честно.

Он молчал.

– Ваше замешательство лишь подтверждает тот

факт, что все бы было совершенно иначе и доказывает, что мужчинам позволено все, в отличие от женщин. Хотя в сущности это одно и то же.

– Только попробуй! – резко раздался голос Жени из-за спины.

Я обернулась и почувствовала, как в глазах потемнело. Женя это заметил и взял меня под локоть.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросил он.

– В порядке. Позови детей, почти все готово.

– Точно? Что-то мне не нравятся эти головокружения, уже третий раз за два дня.

– Да...

27.12.2016 г. Через день после дня рождения Артема Женя улетел в Тверь на концерт, потом у них были запланированы какие-то съемки в Москве, но их отменили, и он вернулся без предупреждения на два дня раньше. И сегодня после обеда неожиданно зашел ко мне на работу в чересчур приподнятом настроении. Я в это время стояла у окна и смотрела на улицу, поражаясь тому, как непредсказуема погода у нас в Кисловодске: утром, когда я шла на работу, было ясно и морозно, но к обеду небо затянуло тучами, и вскоре начался снегопад. Увидев Женю на пороге кабинета, я отошла от окна и, присаживаясь за стол, усмехнулась: мне почему-то сразу вспомнилось, как он иногда после ссоры заявлялся в санаторий, по его словам, излить душу, а я должна была выслушивать его, как это и подобает психологу.

Хитрец!.. Пока придавалась размышлениям, Женя довольно смело взял стул и, подсев ко мне, произнес:

– Нет, прежний кабинет был гораздо удобней.

– Вы немного ошиблись учреждением. Я вправлении мозгов больше не занимаюсь, а, наоборот, учу этому других. Но могу посоветовать очень опытных специалистов!

– Ха-ха. Смешно! – и продолжил лосниться ко мне.

– Перестань, в любую минуту в кабинет может кто-нибудь войти. Это тебе не в санатории. Так что отсыдь подалее.

– Пойдем домой.

– Вообще-то рабочий день у меня до пяти часов, а сейчас только три.

Женя вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Сегодня тебе все утро названивали. Я не успевал снимать трубку!

Я улыбнулась.

– У меня сотка разрядилась...

– Вот-вот! Сначала мама не могла до тебя дозвониться, потом... – Женя почему-то замолчал и так многозначительно посмотрел на меня. – Потом из журнала по поводу интервью...»

«Ох, уж это интервью...» – лишь пронеслось в голове, а дальше я ничего не помню, видимо уснула, потому что очнулась уже утром в нашей спальне. С трудом продрала глаза: веки, словно отяжелели за ночь, и огляделась. В спальне бы-

ло совсем светло. «Неужели уже так поздно!» – недоумевала я и, приподнявшись, заметила Женю: он не спал и, полулежа, сидел на кровати, что-то чиркая в блокноте.

– Который час?

– Начало одиннадцатого.

«Как поздно!..» – подумала про себя и снова прилегла.

– Соня, просыпайся! Пора завтракать! – потрепал меня по плечу Женя.

– Мальчики уже встали?

– Да и ушли в парк.

– Хорошо... – отозвалась я и, потянувшись, встала с постели.

Весь день занималась... Ничем не занималась, только ближе к вечеру мы с Надеждой Самсоновной принялись за праздничный ужин. Когда почти все было готово, Женя с Данилом разобрали обеденный стол в гостиной. Надежда Самсоновна доставала из шкафа фарфоровый сервиз, я протирала его от пыли, а Женя зажигал свечи. Когда последняя свеча была зажжена, он подсел ко мне и заговорил:

– Мы с Максом совсем недавно обсуждали одну идейку. Я тебе, насколько помню, еще не рассказывал.

– Что за идейка?

– Макс предлагает расширить состав группы.

– Зачем? – не совсем понимая, спросила я. – Вы перестали справляться со своими обязанностями?

– Ну, как сказать... Может, пара молодых солисток на подпевках не помешала бы?

«Понятно к чему он клонит», – подумала про себя, а вслух произнесла:

– Чтобы поковеркать все песни?

– Почему сразу поковеркать? – возразил Женя. – Есть достаточно перспективные молодые вокалисты, среди которых можно найти толковых ребят.

– Можно, никто не спорит, но надо ли это? Вот в чем вопрос. По мне, только автору под силу вложить нужный смысл, передать всю глубину и настроение песни так, чтобы она заиграла всеми красками и переливами. Можно отдать стихи кому угодно, но я сомневаюсь, что они станут хитами или тронут чью-либо душу. Тем более молоденьким девицам! Вы еще подтанцовку себе возьмите, и получится настоящий кордебалет!

– Точно! Обязательно передам Максиму, ему эта идея, наверняка, понравится! Ему давно хотелось привнести новизны!

– Передай непременно!..

– Не понимаю одного, – полушепотом произнес Женя, – где все эти месяцы прятались огоньки в твоих глазах? Сейчас они просто пылают!

Я ничего не ответила, лишь косо посмотрела на него и продолжила расставлять тарелки. На этом Женя не успокоился, и весь вечер подтрунивал надо мной. Хитрец! Решил

сменить тактику!..

Вот так незаметно и наступил две тысячи семнадцатый год... Было около двух часов ночи, когда все разошлись по комнатам, только мы с Женей остались: он сносил мне грязную посуду с гостиной, а я ополаскивала ее под проточной водой. Настроение у него было приподнятым: губы улыбались, глаза блестели, – было приятно видеть его таким. Это согревало душу. Ну не в силах я больше злиться на него. Не в силах!

– Ты идешь спать? – спросил он, принеся последние тарелки.

– Сейчас все уберу и лягу.

– Пойдем! Завтра рано вставать.

– Зачем?

– Как? Ты не в курсе? Завтра же идем встречать восход!

– Кому же эта идея пришла в голову?

– Мне. Только представь встретить первый восход в новом году. Данил с Дашей были только «за!»

– Я не разделяю вашего рвения. После вчерашней оттепели в парке, наверное, по горным тропам образовалась наледь. Прогулка может быть травмоопасной.

– Ерунда! Если боишься, я понесу тебя на руках!

– Нет, спасибо!

– Лесь, ну, все хватит! Я устал ждать, завтра все закончишь!

И Женя приблизился ко мне и, подхватив на руки, понес

в спальню.

– Это не честно. Вы играете не по правилам. Пользуетесь тем, что в доме полно людей, и я не могу повозмущаться.

Он усмехнулся с напускной веселостью, но ничего не сказал. В спальне он опустил меня на постель. Я хотела при-
встать, но он не позволил, прилег рядом и заключил в объ-
ятия. Я еще раз попыталась высвободиться:

– Жень, я хочу переодеться.

– Не трать мое время, когда мне представится случай по-
быть с тобой наедине, не опасаясь за свою жизнь.

Я невольно усмехнулась, а в голове промелькнула мысль:
«Как же, оказывается, я истосковалась по его объятиям и
прикосновениям, лежать бы так вечно и никогда не расста-
ваться...»

– Мне кажется или ты волнуешься? – резко произнес он,
прервав мои мысли. – У тебя так колотится сердце, будто
оттанцовывает лезгинку.

Я ничего не ответила, только толкнула его локтем и мгно-
венно почувствовала, как он растегнул молнию на спинке
платья. Я встрепенулась и повернулась к нему:

– Жень, в доме же полно народу!

– Даже не пытайся увильнуть, мне все равно...

А утром Женя и впрямь разбудил меня чуть свет. Дол-
го я отнекивалась, но в итоге уступила. Когда мы вышли из
спальни, Данил с Дашей уже сидели в гостиной и ждали нас.

На улице было не холодно, в воздухе чувствовался запах весны, правда, в горах посвежело, а в некоторых местах действительно было скользко.

– Ну, что ты делаешь? – воскликнула я. – Мы же вместе упадем!

– Тогда давай руку и не возмущайся!

– Я, правда, боюсь, – взмолилась я.

– Руку давай. Если что, я тебя удержу. С каких пор ты стала такой трусихой? Здесь осторожней. Перепрыгивай.

Все-таки нога моя соскользнула, и я, не удержав равновесие, чуть не упала. Женя успел меня поймать, но правую ногу я все-таки подвернула.

– Осторожней с ногой, хочешь снова вывихнуть? Мы это уже проходили, хотя я буду только рад стать для тебя опорой и поддержкой, и тогда тебе от меня точно не отвертеться!

Я хмыкнула в ответ. Дальше идти было еще тяжелей. Я постоянно запыхивалась, и приходилось часто останавливаться и делать передышки, так что к восходу мы не успели, подошли, когда солнце уже выплыло из-за хребта. Женя подозвал меня к себе и крепко обнял. Как я люблю, когда он так обнимает! На душе сразу становится легко и спокойно, что можно позволить себе отдохнуть, переложив на него все тревоги и заботы, и ни о чем не беспокоиться... Солнечные лучи слепили глаза, и я отвернулась в другую сторону, украдкой посмотрев на Женю. Он поймал мой взгляд и улыбнулся.

– Хитрец! Знаешь, чем меня задобрить. Давно мы с то-

бой сюда не приходили. Когда постоянно живешь в таких потрясающих местах, перестаешь замечать и восхищаться ими. Почему так происходит?

– Не знаю. А ты не хотела идти.

– У меня была причина... – нерешительно произнесла я.

– Какая же?

Я набрала в грудь побольше воздуха и ответила:

– Жень... Я беременна... По УЗИ восемь недель...

– Неужели дождался, сама призналась? – съехидничал

Женя.

Я покосилась на него:

– Ты знал?!

– Нужно вовремя отвечать на телефонные звонки.

– Не понимаю?..

– Тебя разыскивала на днях врач из консультации, чтобы уточнить что-то насчет страхового полиса, а, не дозвонившись на сотку, позвонила домой.

Я прижалась к Жене и хотела еще что-то сказать, но голос дрогнул, и я лишь прошептала:

– Мне страшно... – и всхлипнула. По щекам невольно покатались слезы.

– Лесь!.. Ну ты чего? – произнес Женя и сильнее обнял. – Ты не перестаешь меня удивлять, проявляя стойкость и выдержку в самых критических ситуациях, но расстраиваешься из-за всякой ерунды...

– Пап, вы идете? – окликнул нас Данил, заметив, видимо,

что мы не сдвинулись с места. Я быстро вытерла слезы и отстранилась от Жени.

– Идите! – отозвался Женя. – Мы вас догоним!..

И Данил с Дашей стали отдаляться от нас. Мы молча смотрели им в след, пока они не скрылись из вида.

– Как ты думаешь, у них все сложится? – спросил Женя.

– Не знаю. Время покажет. К тому же это не нам решать. Это их жизнь, пусть как хотят, так ее и устраивают. Но девушка приятная. У меня сложилось хорошее впечатление о ней.

Помолчав с минуту, Женя произнес:

– Они после свадьбы хотят обвенчаться.

– Знаю, Данил мне говорил.

– А ты бы не хотела?

– Что не хотела?.. Обвенчаться?.. Не знаю, я не думала об этом.

– Как же с тобой сложно, – произнес Женя и вздохнул.

– Почему?

– Я ничего не знаю о твоих желаниях. Ты так умело подстраиваешься под чужое мнение, что иногда я пребываю в замешательстве: то ли ты потакаешь моим прихотям, перешагивая через себя, то ли действительно этого хочешь.

– Просто до сегодняшнего дня наши желания совпадали, вот и все. Если бы мне что-то было не по душе, я бы обязательно сказала.

– Ну так как?

– Думаю, нам этого не нужно. Мы давно обвенчаны этим солнцем, а горы и сосны тому свидетели.

– Чудная! – произнес Женя и поцеловал в лоб. – Пойдем?
Я одобрительно кивнула в ответ...

Вместо ЭПИЛОГА

А дальше через семь месяцев у нас с Женей родилась очаровательная дочка. Женя в ней души не чаял, но даже ей с ее розовыми щечками и пухленькими ножками не удалось остепенить нашего папу. Громкие заявления о завершении карьеры, так и остались словами. Прав был Луи Армстронг,⁸ сказав: «Музыканты не выходят на пенсию; они заканчиваются, когда в них исчезает музыка». А пока этого не произошло, ничего не изменится. После решения Макса все-таки остаться в группе, все завертелось и закрутилось с новой силой и энтузиазмом. Конечно, количество концертов со временем сокращается, не сравнить, как было раньше, но им нет конца и края, обязательно куда-нибудь позовут выступить, да и студийная работа не стоит на месте: выпустили еще один альбом.

Данил с Дашей поженились. У них тоже родилась дочка. Пока они живут вместе с нами. Данил устроился на работу в строительную фирму, которая занималась реставрационными работами здания Главных нарзанных ванн, находящееся в историческом центре Кисловодска на Курортном бульваре, которое до этого, много лет находилось в запустении. Проходя как-то мимо него, невольно поймала себя на мысли, что

⁸ Луи Армстронг (1901-1971) – американский джазовый трубач.

все-таки в этом что-то есть, когда старинные здания с вековой историей, стряхивают с себя следы разрухи и запустения и вдыхают глоток новой жизни. Но это не так важно, как то, что Данилу нравится то, чем он занимается, а это самое главное.

Надежда Самсоновна так и живет с нами. Она стала для нас своеобразным оплотом постоянства и стабильности. Мы без нее никуда, да и она без нас. Хотя она по-прежнему не упускает повода, чтобы не попоучать меня, но у нас это уже давно вошло как в своеобразный стиль общения, как и ее постоянное кокетство с Женей. Этого у них не отнять.

А что до меня... То с работой я пока решила повременить: сначала три года декрета, потом карантин, а дальше не знаю, посмотрим, как сложится, но я ни о чем не жалею.

2021 г.